

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Л.С. Гергокова (Этезова)

**ЯЗЫК
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА
«НАРТЫ»**

Нальчик ♦ 2015

УДК – 398.22+811.512.142
ББК – 82,3+81,2
Г – 37

Печатается по решению Ученого совета ФГБНУ
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»

Научный редактор

М.З. Улаков, доктор филологических наук, профессор

Рецензенты:

Х.Х. Малкондуев, доктор филологических наук
Т.К. Алиева, доктор филологических наук, профессор

Гергокова (Этезова) Л.С. Язык карачаево-балкарского
Г – 37 героического эпоса «Нарты». – Нальчик: Издательский отдел
КБИГИ, 2015. – 140 с.

Монография посвящена исследованию языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса. Выявлены и описаны лексические, фразеологические, морфологические и синтаксические особенности фольклорных текстов. Особое внимание уделено стилистическому своеобразию и функциям изобразительных средств устного народного творчества.

Книга адресована филологам, преподавателям гуманитарного профиля, студентам и аспирантам вузов.

ISBN 978-5-91766-106-3

© Гергокова (Этезова) Л.С., 2015
© КБИГИ, 2015

THE FEDERAL STATE BUDGETARY SCIENCE ESTABLISHMENT
THE KABARDIAN-BALKARIAN INSTITUTE OF HUMANITARIAN RESEARCH

L.S. Gergokova (Etezova)

**THE LANGUAGE
OF KARACHAY-BALKARIAN
HEROIC EPIC
«NARTS»**

Nalchik ♦ 2015

UDK – 398.22+811.512.142
BBK – 82,3+81,2
G – 37

Printed according to the decision of the Scientific Council
of The Federal State Budgetary Science Establishment
the Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Research

Academic adviser
M.Z. Ulakov, doctor of Philology, professor

Reviewer:
H.H. Malkonduev, doctor of Philology
T.K. Alieva, candidate of Philology, professor

Gergokova (Etezova) L.S. The language of karachay-
G – 37 balkarian heroic epic «Narts». – Nalchik: Publishing department
of KBIHR, 2015. – 140 p.

The monograph is devoted to the study of language and style of karachay-balkarian nart epic. Identified and described the lexical, phraseological, morphological and syntactic features of folklore texts. Particular attention is paid to stylistic originality and functions of graphic means of folklore.

The book is addressed to philologists, teachers of humanities, students and postgraduates of higher educational institutions.

ISBN 978-5-91766-106-3

© Gergokova (Etezova) L.S., 2015
© KBIHR, 2015

ВВЕДЕНИЕ

Одним из актуальных вопросов современной карачаево-балкарской филологической науки является вопрос о сущности языка фольклора и его месте в системе исследуемого языка. Так как язык является первоосновой поэзии как письменной, так и устной, то изучение языка карачаево-балкарского устного народного творчества остается одной из важнейших задач нашей филологической науки, и с ее разрешением связаны многие вопросы карачаево-балкарского языкознания.

Слабая функциональность унаследованной тюркской письменности на родном языке отразилась на всех уровнях культуры карачаевцев и балкарцев. Не изучались материальная и духовная культура, быт; забывалось уникальное, неповторимое народное творчество, также была обделена вниманием исследователей древняя, богатейшая лексика карачаево-балкарского языка. Без изучения этих аспектов народнопоэтического творчества нельзя решать и многие вопросы в области науки о языке художественной литературы на междисциплинарном уровне, на стыке фольклора и языка. Устное народное творчество является одним из ведущих областей художественной культуры карачаевцев и балкарцев, поэтому изучение его лингвистических особенностей является довольно важной проблемой, стоящей и перед фольклористикой и языкознанием.

Многовековая история карачаево-балкарского этноса, развитие его духовной культуры более ярко запечатлена в богатом по содержанию, многогранном по своей форме устно-поэтическом творчестве – в подлинно нравственном памятнике народа, издавна привлекающим внимание ученых многих народов. Прделана огромная работа по их собиранию, систематизации и изучению.

Основными собирателями и публикаторами фольклора, в том числе эпоса, были лингвисты и этнографы, которые и стали пионерами в изучении устного творчества тюркоязычных народов. Русские ученые и краеведы В.Н. Татищев, П.И. Рычков, П.С. Паллас, В.И. Даль, Р.Г. Юматов,

С.Г. Рыбаков [142] в своих трудах выделяли особую роль устно-поэтического творчества в духовной жизни народа. Начало же научному осмыслению фольклорных материалов положили такие известные лингвисты, как В.В. Радлов [138], А.Г. Туманский [162], К.А. Иностранцев [80], П.М. Мелиоранский [112], А.А. Веселовский [22], А.И. Ефимов [73], Э. Демирчазаде [69] и др. Произведения устной словесности в лингвистическом аспекте исследованы в трудах В.М. Жирмунского [76; 87], Н.И. Кравцова [92; 93], Н.К. Дмитриева [71], М.В. Зайнуллина [78], П.Г. Петенева [125; 126; 127], М.Н. Кожина [88; 89] и др.

Впервые выработали научную транскрипцию для записи текстов и опубликовали большое число памятников академик В.В. Радлов и его ученик, первый ученый-хакасовед, профессор Н.Ф. Катанов. Они же первыми подошли к пониманию эпоса как жанра, отражающего вековые идеалы народа-творца, исходя из его художественно-поэтической ценности.

Карачаево-балкарское нартоведение ведет свои истоки еще со второй половины XIX века, когда представители передовой русской академической науки и культуры и местной интеллигенции (П. Остряков [120], М. Алейников [4], А.-Б. Боташев, А.Н. Дьячков-Тарасов [72], академик Вс.Ф. Миллер [113], Н.П. Тульчинский [161], Исмаил, Сафар-Али и НаурузУрусбиевы [176] и др.) начали заниматься сбором, переводом и публикацией произведений карачаево-балкарского устно-готворчества [5, 5–6].

Изучение нартского эпоса началась в 1881 г. с небольшой статьи С.-А. Урусбиева. Также к данным текстам большое внимание уделили такие ученые как Л.Г. Лопатинский [104], В.Ф. Миллер [113], Г.Н. Потанин [130; 131; 132], М. Холанский [183] и т.д.

В 1974 г. вышло монографическое исследование А.З. Холаева «Карачаево-балкарский нартский эпос». В нем дана общая характеристика балкаро-карачаевских нартских сказаний, их основных сюжетов, особенностей композиции, принципов описания главных героев. В ходе исследования А.З. Холаев на большом фактическом материале стремился показать самобытность и оригинальность данной версии эпоса [182, 12].

Главное место в фольклористике занимает академическое издание «Нарты. Героический эпос карачаевцев и балкарцев» [117] вышедшее в свет в 1994 г. под редакцией Т.М. Хаджиевой, где автор подробно рассматривает вопросы поэтики нартского эпоса. Именно тексты данного издания в основном стали предметом нашего исследования.

Огромный вклад в карачаево-балкарскую фольклористику внесли труды исследователей: А.З. Холаева [188], Х.Х. Малкондуева [108],

А.И. Караевой [83], Т.М. Хаджиевой [180], А.И. Рахаева [139], Ф.А. Урусбиевой [177], З.Х. Толгурова [158], М.Ч. Джуртубаева [65; 66], З. М. Улакова [163; 164] и др.

В лингвистическом аспекте фольклорные произведения еще не подвергались специальному исследованию. Этот вопрос нашел должное отражение в научно-теоретических работах в области теории языка, а так же в сфере общей и тюркской лексикологии таких ученых, как В.И. Абаев [1], Л.Т. Барлас [14], В.В. Виноградов [27; 29; 30], Г.О. Винокур [31–36], Л.П. Крысин [94], Г.Ц. Пюрбеев [136], А.А. Реформатский [140], А.И. Смирницкий [149], Е.Х. Жубанов [77], Х. Короглы [90], У.Б. Далгат [64] и др.

В условиях отсутствия специальных работ по изучению языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса для карачаево-балкарского языкознания особенно ценен опыт изучения указанного объекта на материале других языков. Здесь наибольший интерес представляют результаты изучения языка и стиля эпоса в зарубежном языкознании.

Для написания данной монографии также способствовало изучение работ таких исследователей как: В.М. Жирмунский [87], К.С. Горбачевич [45; 46], М.А. Унгвицкая, Э.Р. Тенишев, М.М. Гухман [62; 63], Б.Н. Путилов [135], Ж.М. Гузеев [50], И.М. Отаров [122], Т.К. Алиева [6; 7], А.А. Чеченов [193], М.З. Улаков [174–212], К.М. Мусаев [115], А.З. Кучукова [101], Л.Б. Кучмезова [100], Ф.Х. Гулиева [58; 59], М.А. Кумахов [97], А.М. Гутов [61], И.Х. Ахматов [12; 13] и др. В трудах этих ученых исследуются некоторые вопросы касающиеся изучаемой темы.

Для современной тюркологической науки существенное значение имеет исследование истории развития, формирования и становления литературных языков тюркоязычных народов, что содержит в себе богатая и архаичная лексика устного народного творчества. То есть именно фольклор является одним из самых важных источников литературного языка, который впитал в себя все его стили, языковые средства.

Как известно карачаево-балкарский фольклор состоит из разных жанров, но, как мы отметили выше, особое место в нем занимает героический эпос «Нарты», язык которого является эталоном истинного употребления речи, сохранившего не только древнейшие лексические слои, но и формульные выражения образно-эстетической коммуникации. В устном народном творчестве воплощены история и философия данного народа. В этой своей функции фольклор характеризуется как проявление социального инстинкта, и исследование его языка содействует познанию разных явлений, характерных специфической устной речи.

Начиная с конца 50-х годов XX века, и по сей день, благодаря усилиям карачаевских и балкарских фольклористов, многое сделано в плане сбора, систематизации и публикации текстов героического эпоса «Нарты». Ими предприняты также успешные попытки в плане интерпретации его поэтики, что проведено в русле достижений отечественной филологии. Однако на нынешний день остается еще много нерешенных вопросов, связанных с выявлением и отображением лингвостилистических аспектов данного памятника.

Рассматриваемый жанр фольклора вызывает особый интерес с точки зрения семасиологии и ономасиологии, поскольку он изобилует различными типами словесных оппозиций, представленными в лексической системе карачаево-балкарского языка. Кроме того, словарный состав эпоса дает возможность провести систематику различных классов слов – форм проявления лексической парадигматики. В нем к тому же наблюдается смысловое варьирование и функциональная эквивалентность слов.

Невозможно переоценить социолингвистический аспект лексики, функционирующей в эпических повествованиях, что предполагает необходимость дифференциации исконно карачаево-балкарских, общетюркских и иноязычных лексем, которые еще подразделяются на архаизмы, диалектизмы, регионализмы и т.д.

Эпическая речь отмечена богатством и таких лексических средств, способствующих реализации явлений, как экспрессивность, эмоциональность, оценочность, образность, которые ярко проявляются и на грамматическом уровне языка.

Прежде всего, на себя обращает внимание тот факт, что эпос характеризуется богатством лексического состава и охватывает значительную часть лексико-семантической системы языка. Имеет место употребление превалирующих в нартских сказаниях грамматических форм и синтаксических конструкций. Все они характеризуются значительными функционально-стилистическими возможностями в эпическом дискурсе. В данном случае справедливо и обращение к лексическим образным средствам, характерным для рассматриваемого жанра фольклора.

Произведения устного народного творчества в стилистическом отношении слабо изучены, что обусловлено низкими темпами разработки вопросов в данном направлении. В этих условиях требуется более глубокое изучение особенностей лексики национального языка.

Функциональные стили обладают лексическими, фразеологическими и менее, синтаксическими особенностями. Исследование их имеет немаловажное значение для решения таких теоретических вопросов,

как содержание, принципы классификации, состав и взаимодействие функциональных стилей в языке.

Особенность языка устного поэтического творчества заключается в том, что она эмоционально окрашена. Говорящий выражает свои чувства не только подбором слов, но и через интонацию, паузу, мимику и т.д.

При этом в нартском эпосе с точки зрения стилистики можно выделить: слова и выражения, которые употреблены в эпическом тексте во всех стилях речи, т.е. стилистически нейтральные слова и выражения; слова и выражения, которые характеризуют тот или иной стиль речи, т.е. стилистически дифференцированные слова и выражения.

Такая дифференциация языковых средств обуславливается тем, что произведения устного народного творчества наряду с экспрессивными средствами языка вбирают в себя и стилистически нейтральные лексемы в своем прямом значении. Функционирование в нартском эпосе значительного количества стилистически нейтральных выражений способствует тому, что язык эпоса стал подлинно народным и общепонятным.

В контексте нашего исследования невозможно обойти вниманием такое явление, как просторечие, интерпретирующееся как одна из форм национального языка, непосредственно противопоставляющихся литературному языку, его кодифицированной форме, имеющей как письменную, так и устную манифестации. Данный признак в эпосе «Нарты» является весьма существенным, что и характеризует лексические особенности памятника.

Стилистическое использование в эпосе устаревших слов (архаизмов и историзмов) является характерной особенностью его языка. Они не несут в себе каких-либо дополнительных стилистических оттенков, выполняя свои прямые функции, обозначая названия предметов и явлений соответствующей эпохи.

Наряду с исконной карачаево-балкарской лексикой в словарный состав текстов данного памятника входит и заимствованная лексика: из арабского, персидского, осетинского, кабардинского и др. языков народов Кавказа.

В монографии рассматриваются стилистические особенности морфологических категорий в языке эпоса. Грамматические особенности языка нартского эпоса охватывают как морфологию разных частей речи (преимущественно словоизменительную систему), так и строение разных типов предложения. Как традиционный жанр устно-поэтического творчества, сохранивший многие архаичные и реликтовые явления языка, эпос отличается не только консервацией в его языке грамматических черт, утраченных территориальными диалектами, но

и чрезвычайным своеобразием ряда морфологических и синтаксических признаков [98, 138].

В работе исследуются стилистические особенности прилагательных, местоимений, междометий и звукоподражательных слов. Интересен синтаксис текстов со всеми ее общими для носителей того или иного языка признаками. Он не должен ограничиваться лишь письменным отражением речи, ибо это было бы равносильно действиям горе-биолога, который для описания жизни ограничивается изучением неживого организма. Подобный факт отмечает А.А. Шахматов: «Определение предложения, как и вообще весь синтаксис, имеет в виду человеческую речь, а не то несовершенное и бледное отражение, какое она получает на письме»[81, 327]. Однако это не означает, что синтаксис не пользуется письменными формами речи, он пользуется ими сплошь и рядом, но не ограничивается только ими.

Для синтаксической структуры текста эпоса в целом характерно преобладание простых предложений, как правило, двусоставных пространственных. Интересно при этом отметить, что динамизм повествования обусловил системную представленность в эпосе однородных сказуемых с финитными формами, с помощью которого достигается мелодичность речи [64, 72].

Характерной чертой языка нартского эпоса карачаевцев и балкарцев является то, что здесь весьма редко встречаются союзы и союзные слова, а связь между словами и компонентами сложных предложений осуществляется главным образом с помощью соответствующей интонации.

Синтаксис эпоса отличается строгой простотой, композиционным совершенством разнообразных конструкций, четким выделением смыслового ядра предложений и зависимых компонентов.

Впечатление о громоздкости синтаксической структуры предложений создается в основном за счет их внушительных размеров. Однако при необычайной протяженности они легко расчленимы на части, а в грамматическом и синтаксическом отношении абсолютно ясны.

В работе подробно рассматривается эмоционально-экспрессивная функция стилистических приемов, характерных для героического эпоса.

Традиционность эпоса весьма ярко отражается в устойчивости многих традиционных формул – эпических клише. Традиционные формулы и эпитеты составляют существенную черту эпических традиций у различных народов, поэтому и в проблеме, связанной с языком фольклора, по своей значимости и выделяется этот вопрос. Основной типичной чертой карачаево-балкарской Нартиады является то, что

традиционные формулы и эпитеты тесно взаимосвязаны. Они дают представление об эпическом идеале героя, его месте в эпическом мире, его отношении к той художественной действительности, которое изображено в данном эпическом произведении.

В качестве основных понятий и категорий лингвостилистики в нартском эпосе можно выделить стилистические функции таких художественных средств, как прямая речь, повторы, эпитеты, сравнения, метафора, гипербола и др.

В текстах устного памятника достаточно широко использованы языковые средства, усиливающие действенность высказывания, экспрессивно-эмоциональные оттенки эпической картины. Карачаево-балкарский нартский эпос сложился на основе чередования прозы и стиха. Стихотворная часть эпоса занимает основное место, в основном выполняя функцию диалогов, т.е. прямой речи эпического персонажа. Стилистическая функция прямой речи в произведениях эпоса «Нарты» выражается в том, что именно с ее помощью достигается эмоциональная выразительность повествования.

В изобразительных средствах исследуемого фольклорного памятника значительное место принадлежит сравнению, особенно этно-бытового характера, связанного с народной жизнью и бытовыми предметами. Большинство сравнений образуется при помощи сравнительных послелогов *ушаш*, *кибик* «вроде, подобно, как, словно» и аффиксов *-ча*, *-лай/-лей*, *-дан/-ден*: *сапынныча* «как мыло», *тылы кибик* «как тесто», *барады желден къаты* «скачет быстрее, чем ветер». Нередко простые сравнения переплетаются с метафорическими, чем и достигается показ необычности эпического героя. Благодаря целостной системе эпитетов раскрывается неповторимая поэтика нартского эпоса.

Гипербола является одним из наиболее употребительных поэтических приемов в художественно-изобразительной системе Нартиады. Сказители, чтобы усилить впечатление, прибегали к гиперболическому представлению описываемых предметов и явлений. Прием гиперболизации является в эпическом повествовании постоянным. В эпосе карачаевцев и балкарцев ярко гиперболизуются образы героев сказаний, а так же окружающие их предметы, явления природы. Гиперболизация физической силы, которая находит свое проявление в поступках и действиях героев в эпосе проявляется наиболее четко, так же, как размеры, красота, значение описываемого героя.

Следовательно, словарный фонд нартского эпоса богат и многообразен не только в лексико-семантическом, но и в эмоционально-экспрессивном и функционально-стилистическом отношении. Сравнительное

изучение поэтических текстов способствует определению элементов индивидуального словоупотребления и традиционности в эпосе. В основе текстов Нартиады лежит противоречие добра и зла. Эпос «Нарты» заслуживает внимания, прежде всего потому, что непосредственно отражает жизнь и душу народов, его носителей.

Тем не менее, несмотря на все достижения ученых-лингвистов, все же остаются нерешенными многие проблемы изучения языковых и стилистических особенностей данного памятника. Перечисленные выше проблемы не нашли должного отражения в имеющихся научно-теоретических работах. Между тем они существенны для изучения истории формирования, развития и становления литературного карачаево-балкарского языка.

В исследовании нами впервые в карачаево-балкарской филологии предпринимается попытка подвергнуть лингвистическому анализу в качестве самостоятельного объекта карачаево-балкарский нартский эпос, который является подлинным шедевром устного поэтического творчества карачаевцев и балкарцев. Как и все другие жанры фольклора он передается из поколения в поколение, потому природа языка и стиля приобретает характер обработанности и шлифованности.

Данная работа является первым опытом глубокого изучения карачаево-балкарского нартского эпоса в лингвофольклорном аспекте. В работе представлена системно-семасиологическая и социолингвистическая интерпретация его лексического состава. Кроме того выявлены и описаны грамматические особенности эпических текстов через призму лингвостилистики, что до сих пор не было предметом специального исследования, а потому имеет огромное значение для карачаево-балкарского языкознания.

Необходимо учитывать значительность анализируемых вопросов для методологических, практических аспектов изучения лингвистических особенностей фольклорных произведений карачаевцев и балкарцев.

Монография написана на основе диссертации автора на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Результаты исследования могут найти применение при научном описании стилистики карачаево-балкарского языка, составлении программ, учебников и учебных пособий для студентов и учащихся. Содержащиеся материалы и выводы данной работы могут быть использованы в учебном процессе в государственных и муниципальных образовательных учреждениях. Кроме того, они будут полезны при составлении семантических, идеографических, функционально-когнитивных и других словарей.

ГЛАВА I

СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «НАРТЫ»

Одним из первых жизненных духовных созданий человека является звучащая речь. Людская речь как знаковая система, т.е. как звуковая, система слов и целых предложений определенного национального языка, изучена сравнительно подробно, однако ее стилистика во всем разнообразии аспектов до сих пор остается актуальной.

В связи с развитием культуры письменной и устной речи миноритарных языков появилась необходимость совершенствования стилистической системы или стилей. Каждый из них характеризуется устойчивостью в большей или меньшей степени употребления обычных для него фонетических черт, морфологических форм, синтаксических оборотов и лексических средств.

Есть необходимость и более глубокого осмысления особенностей лексики карачаево-балкарского языка, исследование функциональных стилей которого имеет немаловажное значение для решения таких теоретических вопросов, как содержание, принципы, классификация, их состав и взаимодействие.

Функциональные стили обладают лексическими, фразеологическими и частично синтаксическими особенностями и делятся на разговорный стиль и книжно-письменный стиль.

В отличие от письменной, разговорная речь является живой речью, в которой употребляются нелексикализованные формы слов и неопределенные синтаксические конструкции. По справедливому замечанию З.Б. Дзодзиковой, «...несмотря на различие определений, большинство исследователей единодушны в том, что разговорная речь – это спонтанная устная литературная речь, которая происходит в условиях непринужденного неофициального общения» [68, 10].

Все явления языка и стиля нартского эпоса карачаевцев и балкарцев целесообразно исследовать в сравнении с устной и письменной книжной речью. При этом можно выявить то, что язык эпоса обнаруживает такие схемы высказываний, которые либо отсутствуют в книжной речи, либо малоупотребительны в ней.

М. Горький отмечал, что искусство слова берет свое начало из фольклора. А язык фольклора – прекрасный образец подлинно народного искусства, один из основных источников истории и этнографии народа. Изучение языка фольклора ценно тем, что именно в нем сохранены древнейшие пласты языка, мировоззрения, образы мышления народа, его поэтическое понимание природы и мира, наконец, наиболее четко прослеживается формирование литературного языка [20, 3].

Справедлив Х. Короглы в своих суждениях, что: «Современны и в наши дни фольклористические выводы В.В. Радлова: «Эпос есть поэтическое отражение всей жизни и всех стремлений народа». Не утратил своего значения его многотомный труд «Образцы народной литературы тюркских племен» [91, 35].

В настоящее время для карачаево-балкарской лингвистики характерен переход от описания и классификации языковых явлений к их исследованию в теоретическом аспекте на основе системно-структурного и семантического подходов к языку. При этом, как известно, становится необходимым охват всех жанров словесности, всех форм литературного языка. Следует отметить, что в карачаево-балкарской филологии при исследовании различных ярусов языка привлекаются далеко не все источники, например, не уделяется должного внимания богатому лингвистическому материалу, содержащемуся в произведениях фольклора.

Изучение истории языка ведется в основном на материале письменных памятников, а при исследовании его современного состояния используются тексты художественной литературы. При этом упускается из виду, что так называемый литературный язык первоначально формируется в устной форме, и лишь позднее фиксируется в письменных памятниках. В процессе взаимодействия этих двух форм и складываются нормы литературного языка [21, 40].

Одним из актуальных вопросов современной карачаево-балкарской филологической науки является вопрос о сущности языка фольклора и его месте в системе карачаево-балкарского языка. Так как язык является первоосновой поэзии как письменной, так и устной, то изучение языка карачаево-балкарского устного народного творчества остается одной из важнейших задач нашей филологической науки. И с ее разрешением связаны многие вопросы карачаево-балкарского языкознания.

Отсутствие в прошлом собственной письменности на родном языке отразилось на всех уровнях жизни карачаевцев и балкарцев. Не изучались культура и быт, забывалось уникальное, неповторимое народное творчество, также была обделена вниманием исследователей богатейшая лексика карачаево-балкарского языка, без изучения которой нельзя решать и многие вопросы в области науки о языке художественной литературы на междисциплинарном уровне, на стыке фольклора и языка. Фольклор является одним из ведущих областей художественной культуры карачаевцев и балкарцев, поэтому изучение его языка является довольно важной проблемой, стоящей и перед фольклористикой, и перед языкознанием.

Фольклорно-эпические произведения издавна привлекают внимание ученых всех народов. Прделана огромная работа по их собиранию и их изучению. Основными собирателями и публикаторами фольклора, в том числе эпоса, были лингвисты и этнографы, использовавшие научные материалы в своих научных целях. Тем не менее, именно эти ученые явились «пионерами в изучении фольклора тюркоязычных народов» [91, 33].

Впервые выработали научную транскрипцию для записи текстов и опубликовали большое число памятников академик В.В. Радлов и его ученик, первый ученый-хакасовед, профессор Н.Ф. Катанов. Они же первыми подошли к пониманию эпоса как жанра, отражающего вековые идеалы народа-творца, исходя из его художественно-поэтической ценности.

Важно отметить и то, что изучение языковых особенностей фольклорных произведений до настоящего времени не привлекало должного внимания карачаево-балкарских филологов, и эта проблема мало исследована, хотя многовековая история карачаево-балкарского этноса, развитие его духовной культуры более ярко запечатлена в богатом по содержанию, многогранном по своей форме нравственном памятнике народа.

Балкарцы и карачаевцы на протяжении многих веков, передавая из поколения в поколение свои прекрасные нартские песни и сказания, до наших дней сохранили этот замечательный эпический памятник, который, как и у других народов-носителей Нартиады, является неотъемлемой частью их духовной культуры.

В данной работе нами впервые в карачаево-балкарской филологии предпринимается попытка подвергнуть лингвистическому анализу в качестве самостоятельного объекта карачаево-балкарский нартский эпос. Так как он, как и все другие жанры фольклора, передается из

поколения в поколение. В процессе перехода природа языка и стиля данного устного памятника приобретает характер обработанности и шлифованности. Языку нартского эпоса, благодаря использованию эпического клише, присуща образность, орнаментальность, традиционность, поэтому Нартиада в этом аспекте является подлинным шедевром устного поэтического творчества карачаевцев и балкарцев.

Следовательно, изучение языка фольклора способствует уточнению путей развития устного литературного языка, с одной стороны, а с другой – освещению взаимосвязи между диалектами и литературным языком. Это обуславливается тем, что язык фольклора вобрал в себя специфические черты диалектного и литературного языка, так как был основной связующей ступенью между ними.

Изучение лексического состава нартского эпоса тесно связано с более широкими задачами исследования языка художественной литературы и ее стилей. «Целью и задачей изучения языка является показ тех лингвистических средств, посредством которых выражается идейное и связанное с ним эмоциональное содержание произведений нартского эпоса» [28, 14].

Лексико-стилистические особенности данного памятника отмечаются богатой образностью, экспрессивностью, эмоциональностью, обилием языкового материала, отражают изящные и тончайшие особенности, выразительную силу живого разговорного общения.

Язык эпоса в лингвистическом понимании можно рассматривать как особый пласт, противопоставленный литературе, а вместе с ним и другим речевым стилям (научному, деловому и т.д.) [199, 61–62].

Различные жанры устной народной поэзии, распространенные на определенной территории в языковой оболочке тех или иных говоров, подобно литературному языку, выполняют не только коммуникативную, но и экспрессивно-коммуникативную функцию. Художественные произведения фиксируются на народных говорах и представляют собой фольклор данной местности [119, 34].

Язык фольклора – это образец художественного речеупотребления, сохранивший не только древнейшие пласты, но и формульные выражения образно-эстетической коммуникации. В этой своей функции фольклор характеризуется как проявление общественного сознания, и изучение его словесной ткани способствует познанию множества явлений, присущих языку конкретного этноса [18, 114]. Нартский эпос в карачаево-балкарском языкознании наименее изученный в лингвистическом плане жанр фольклора. Язык фольклора в отличие от языка в его коммуникативной функции, точно так же, как и язык литературы в отличие от литературного

языка уже использует запас языковых средств, ибо он не содержит отдельные фонетические, морфологические, лексические и синтаксические формы, используемые диалектом в его коммуникативной функции.

Карачаево-балкарский нартский эпос, так же как и у других народов, во всем своем многообразии художественного арсенала с древнейших времен из поколения в поколение передавался в устной форме из-за отсутствия письменности. Но благодаря коллективности творчества, традиционности текстов, наддиалектности и обобщенности языка и характера исполнения до наших дней эпос сохранил основные жанры, их языковые и художественные формы построения.

Традиции эпической поэзии сами по себе наддиалектны, на них не накладываются ограничения, связанные с тем или иным ареалом распространения данного языка. Более того, традиции устной поэзии, в особенности, эпической поэзии, настолько устойчивы, что многие черты, в частности, лексико-фразеологические и синтаксические, по характеру обобщенности выходят за пределы одного языка, охватывая группу родственных языков. Несколько забегаая вперед, отметим, что к таким обобщенным языковым явлениям устной поэзии языковеды относят, например, эпические формы вокатива почти во всех западнокавказских языках [156, 41].

Выбор нами в качестве объекта исследования именно языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса объясняется несколькими причинами. Во-первых, эпос является ведущим жанром фольклора всех тюркоязычных народов, во-вторых, для нартского эпоса характерна организация материала художественного языка в двух формах – прозе и поэзии. Также основной задачей изучения языка и стиля нартского эпоса карачаевцев и балкарцев должен стать анализ языкового материала с точки зрения стилистики. В связи с этим уместно привести следующее высказывание А.И. Ефимова: «Рассматривая стиль как категорию структурно-синтаксическую, мы должны выделить специализированные элементы каждого стиля на всех уровнях языка: лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса» [73, 18].

Нельзя не согласиться и с мнением К.Н. Велиева о том, что фольклору принадлежит особая роль в истории развития каждого национального языка. Он называет это взаимоотношение «языковой полифонией» [23, 15]. Что доказывает важность и крайнюю актуальность изучения нартского эпоса для последующего исследования карачаево-балкарского языкознания. Именно чередование прозы и стиха в определенном смысле поднимает нартский эпос над другими жанрами фольклора и превращает его в универсальную модель языка фольклора.

Исследование лексического состава нартского эпоса является одной из важных задач карачаево-балкарской филологии, история языка которого не может быть представлена с достаточной полнотой и ясностью, если не будет освещен вопрос о взаимоотношениях между устной поэтической речью и литературным языком. Невозможно понять и осветить проблему народности творчества того или иного писателя без этих исследований.

Фольклор привлекал и на сегодняшний день привлекает к себе пристальное внимание карачаево-балкарских филологов прошлого и нашего столетия, но будучи явлением сложным, далеко уходящим вглубь веков, и по сей день, во многих аспектах он все еще не исследован. Это обусловлено тем, что нет конкретных трудов, объясняющих огромную роль языка фольклора в формировании и развитии карачаево-балкарского литературного языка.

Язык народного эпоса в специальной лингвистической литературе рассматривается с двух разных точек зрения: первая – характеризует язык фольклора как явление наддиалектное, а вторая – как одно из проявлений диалектной речи [126, 144].

Безусловно, важен взгляд ученых на фольклор как на диалектное явление (в основе языка фольклора лежит диалект), вместе с тем более значимо для филологии утверждение, что язык фольклора эволюционирует и обретает статус наддиалектности. «Язык литературы – это литературный язык в его эстетической функции, язык фольклора – это диалект в его эстетической функции» [18, 106].

Разные исследователи определяют язык фольклора по-разному, так как при изучении говоров они непременно сталкиваются с языком фольклора, который активно функционирует в говорах, хотя является наддиалектным явлением.

Определяя сущность языка карачаево-балкарского фольклора, необходимо учитывать то обстоятельство, что в разные периоды развития языка и общества роль лексики произведений данного жанра была различной. Особенно важной она была в дописьменный период, так как в устном народном творчестве заключается фундамент молодого карачаево-балкарского языка. В последующем именно фольклор, как наддиалектная основа, оказал большое влияние на его становление и развитие.

Разговорный язык, который составляет основу фольклора, передаваясь из поколения в поколение, постоянно модифицировался, соответственно изменяя и жизнь отдельных личностей, а может и целого народа, но сохранив при этом в своем составе остатки древней поэзии

и древних суждений народа. Сам по себе язык является творческой категорией. Изучение устных памятников тесно связано с изучением языка как в целом. Успешные исследования языка эпоса карачаевцев и балкарцев влекут за собой новые обретения в области толкования народной словесности, а расширение наблюдений в контексте народного творчества содействует установлению лексических норм языка.

Экспрессивность – одна из языковедческих универсалий, которая характерна лексике карачаево-балкарского нартского эпоса. Само функционирование любого языка предполагает наличие экспрессивно-стилистического момента в речевом поведении. Анализируя данные убеждения М.М. Халиков писал, что « Экспрессивность – имманентное свойство речи (текста) как динамической системы знаковых сущностей, функциональной по своей природе и ориентированной на достижение определенных коммуникативных целей» [184, 9].

Мы разделяем мнение И.Н. Худякова, который считает, что экспрессивное выступает вторичным по отношению к эмоциональным, его производным. Эмоциональное не часть экспрессивного, а средство создания экспрессивного и как средство не может отождествляться с экспрессивным, не входить в отношения части и целого. Эмоциональные средства языка всегда экспрессивны [192, 12]. Отождествляя данные убеждения с карачаево-балкарским языком, известный балкарский лингвист М.З. Улаков отметил, что «эмоционально-экспрессивные слова представляют собой разновидности высоких и сниженных стилистических средств языка. Они составляют значительную часть карачаево-балкарской лексики [174, 37].

Таким образом, тексты нартского эпоса состоящие из разговорной лексики обладают определенными свойствами экспрессивности. Можно выделить, что употребляемая эмоционально-экспрессивная лексика карачаево-балкарского языка используется в устном народном творчестве для выражения различных эмоций, преследуя определенные стилистические цели, поэтому эмоциональная окраска речи героев эпоса может выражать положительную или отрицательную оценку, передающую различные оттенки чувства:

а) (про положительных героев эпоса нартгов) *ариу (Сатанай)* «красивая» (Сатанай), *жигит (Сосурукъ, Къарашауай)* «удалый» (Сосурук, Карашауай и др.), *деу (Алауган)* «мощный, массивный» (Алауган) и др.;

б) (про отрицательных героев эпоса) *уллубыдыр (эмеген)* (букв.) «пузатый» (великан), *чийбыдыр (эмеген)* (букв.) «сыробрюхий (великан)», *мондай (великан)* (букв.) «тупой» (эмеген), *ийисли (эмеген)* (букв.) «вонючий» (великан) и т.д.

Следовательно, эмоционально-экспрессивная лексика карачаево-балкарского языка используется в устном народном творчестве для выражения различных эмоций, преследуя определенные стилистические цели.

Язык фольклора для карачаево-балкарского языка является неувядаемым, актуальным образцом. Он доходчив и лаконичен, богат наддиалектными формами языка, которые отличаются от повседневной речи большей устойчивостью и обобщенностью. Тексты фольклорных произведений содержат характерные черты, свойственные данному языку на различных этапах его развития. Для них характерна так называемая норма, отличающаяся от живой речи своими стереотипными формулами: особой лексикой, а также некоторыми архаичными особенностями стилистики, грамматики и фонетики.

Некоторые фольклористы, готовя эти произведения к публикации, в основном переиначивают фольклорный язык, непонятно для чего стараясь приблизить его к литературному языку, вследствие чего утрачивается его подлинность и самобытность, что недопустимо.

Как и любое литературное произведение, нартский эпос занимает определенное место в контексте современной художественной литературы и в становлении норм литературного языка. Ниже мы попытаемся выявить и вписать лексико-грамматические и стилистические особенности эпических произведений карачаевцев и балкарцев.

1.1. Лексические особенности

Эпос карачаевцев и балкарцев, как и любое художественное произведение, наряду с экспрессивными средствами языка вбирает в себя значительное количество общеупотребительных слов и выражений в своем прямом значении. Они используются одинаково и в разговорной, и в письменной речи. Стилистически нейтральные слова и выражения в нартском эпосе употреблены с целью обозначения явлений предметов обиходной жизни, природы их признаков и действий, характера и психологии людей и т.д. Данная лексика приводит к тому, что язык эпоса становится общепонятным и подлинно народным. Например:

1. *Хапаргъа кёре, Алауган мазаллы, тынч, жууаш адам болгъанды, Къарашауайдан сора баласы болгъанды деп билинмейди. Ол жангыз баласын Алауган бек сюйгенди. Артыкъ да, гитчеликден окъуна, Къарашауайны пелиуанлыгъына къууанганды.* «По рассказам, Алауган был спокойным, скромным человеком огромного роста. Кроме Карашауая у него не было детей. Он очень любил своего единственного сына и радовался, видя, что маленький Карашауай растет настоящим богатырем»;

2. *Ол юч кюнню ичинде Чюелди, Бора-Батырны кызын алып, анга киеу болду.* «За эти три дня Чюелди женился на дочери Бора-Батыра и стал его зятем».

В приведенных примерах довольно представлены лексемы и выражения, характеризующиеся как стилистически нейтральные: существительные – *хапар* «рассказ», *адам* «человек», *бала* «ребенок», *кыыз* «дочь», *кюн* «день», *киеу* «зять»; прилагательные – *тынч* «спокойный», *жууаш* «скромный»; местоимения – *ол* «он»; глаголы – *сюй* «любить», *кыуан* «радоваться», *болду* «стать»; числительные – *юч* «три» и т.п. Подобные факты свидетельствуют о том, что *нейтральные слова и выражения* составляют эпическую основу языка нартского эпоса, который благодаря общеупотребительным словам и выражениям является доступным, одновременно простым и народным произведением. «В основе эпоса выступает общеупотребительная лексика, несущая в себе концептуальную, коннотативную, характерологическую и художественно-изобразительную функции» [145, 7]. «Стилистической полифункциональностью общеупотребительных слов определяется их вхождение во все сферы общенародного языка» [185, 10].

Стилистически нейтральные слова и выражения карачаево-балкарского нартского эпоса использованы в их прямом значении для обозначения явлений и предметов экстралингвистической действительности, их признаков и действий. В указанную группу языковых средств входят практически все части речи кроме междометий, так как они никогда не бывают нейтральными.

Однако все подобные слова и выражения могут превратиться в стилистически окрашенные, если они, например, употребляются в переносном значении (при стилистически маркированном употреблении).

Стилистически маркированные слова и выражения подразделяются, как правило, на две группы:

- 1) слова и выражения, свойственные разговорной речи;
- 2) слова и выражения, свойственные письменной речи.

Народный эпос, передаваясь из поколения в поколение в устной форме, вобрал в себя значительную часть разговорной речи, в основе которой, как и других видов речи лежит нейтральная лексика.

Мы согласны с Х.Р. Курбатовым, что в основе разговорной речи, как и других видов речи, разумеется, лежит нейтральная лексика. Но в этот пласт лексики вклиниваются такие слова и выражения, которые оказываются наиболее характерными именно для данного вида речи [99, 71]. Эти нейтральные слова и выражения и определяют особенность лексики разговорной речи [148, 43]. Например: *анака* «мать», *кюй – чуу* «плач», *окуу*

(разг.) – *окъуна* (лит.) «даже», *аман-такъала* «плохие», *нартла-гуртла* «нарты-гурты», *сюек-мюек* «кости», *тёше-мешеле* «вещи», *саут-саба* «оружие», *халы-хулу* «нитка», *аманка* (об озорном ребенке) и т.п.:

– *Ойра!* – *деди*, – *Жетмегенди!*

– *Суудан окъу ётмегенди!*

«– Сказал, – *Ойра!* – Не дошел!

– Даже через реку не перешел!».

Подобные языковые явления позволяют интерпретировать *просторечие* как одну из форм национального языка, непосредственно противопоставляющуюся литературному языку, кодифицированной форме карачаево-балкарского, имеющего как письменную, так и устную манифестацию. Историческое развитие и современное состояние которого свидетельствует об интенсивном многоаспектном взаимодействии, тесном соотношении литературного языка и просторечия. Проблема кодифицированной нормы и просторечия, их отчетливой противопоставленности как языковедческих категорий и гибкого соотношения в настоящих текстах и в речевой теории носителей литературного языка изображается крайне интересной для исследования современного карачаево-балкарского языка.

Для решения поставленной проблемы и связанного с ней круга вопросов в истории карачаево-балкарского литературного языка, в стилистике художественной речи и языковых единиц, для исследования состава и стилистической структуры современного карачаево-балкарского языка, прежде всего его лексики, исключительную важность приобретает дифференцированный подход к просторечию как сложному стилистическому явлению в его разнообразнейших связях и соотношениях с современным литературным языком.

В текстах нартского эпоса лексика разговорной речи весьма часто представлена словами и выражениями, отсутствующими в нейтральной лексике и употребленными исключительно в разговорной речи, некоторые из них относятся к просторечию: *кюкюре* – «пр. знач. греметь» «разозлиться», *сокъгъанды* «пр. зн. играть мелодию», «сшить черкесску («чепкен сокъ») «избить» и др.:

Эмеген къатынны сокъгъанды, къабыргъаларын къаралтын «Избил жену-эмегеншу так, что ребра переломал».

Просторечия в нартских текстах употребляются в устной речи, в литературных произведениях встречаются редко. В основном они используются автором для придания особого стиля произведению, не придерживаются законов языка. Здесь особую роль играет интонация, ритм,

пауза. Так как нартский эпос является достоянием народа, который долгое время передавался из уст в уста, то просторечия проникли в язык эпоса и встречаются здесь часто. В текстах нартского эпоса нередко можно встретить слова и выражения, имеющиеся в нейтральной лексике, но употребляющиеся в просторечии фонетически и морфологически иначе (отклонение от строгой литературной нормы). Они могут подразделяться:

а) просторечия как стилистическое средство литературного языка: *тура* (прост.) – *турады* (лит.) «находиться где-либо», *телиле* «дураки», *хомух* «лентяй», *мондай* «тупой», *анкъау* «тупой», *малхуня* «глупый», *ичелле* (прост.) – *ичедиле* (лит.) «пьют», *чегиз* (прост.) «торопитесь», *оуей* «ой-ой-ой!» (прост.), *жараред* (прост.) – *жарар эди* (лит.) «подойдет», *болгъуед* (прост.) – *болгъа эди* (лит.) «было бы», *тыкълайды* (прост.) «пожирает» – *ашайды* (лит.) «ест», *сорлукъман* (прост.) – *сорлукъма* (лит.) «спрошу», *келгеникде* (прост.) – *келгенибизде* (лит.) «когда пришли» и т.д.:

1. *Алауганнга ташины берелле (бередиле)*

Сауту-сабасы алай тургъанлай [117, 28].

«Алаугану камень дали.

Хотя его доспехи были при нем».

2. *Экинчи кезиу а мынга жетед да (жетеди да),*

Саут-сабасын алай къояд да (къояды да) [117, 27].

«Следом очередь до него доходит,

Оставляет свои доспехи там».

3. *Ой, анам, бир зат сорлукъман (сорлукъма) а* «Ой, мама, хочу что-то спросить».

Например: в диалогах, чтобы показать особенности стиля языка героев:

Сорду: «Ол къарындашынг болса, сюерменг? (сюерикми эдинг)»

– *Угъай. Онглу болсанг – къарындашды,*

Онгуз болсанг, – дегенди, – къанлы башды [117, 97].

«Спросил: «Хотел бы, чтобы он был твоим братом?»

– Нет. Когда ты в богатстве, то брат,

Если богатства нет, – отвечает, – то враг».

Разговорный стиль здесь используется для того, чтобы не нарушать рифму в стихотворной части.

б) внелитературные просторечия в устно-поэтических текстах – это слова, которые не соответствуют фонетическим и грамматическим нормам языка, являющиеся побудительными, восклицательными, ласкательными или порицательными словами и частицами, а так же прозвища, междометия – также относятся к разговорной речи.

В эпосе к этим просторечиям относятся слова, которые употребляются по отношению к *эмегенам* «великанам» или же к отрицательным героям. Например: *чийбыдыр* «сыробрюхий», *сылыкъ* «пошлый, противный», *ийисли* «вонючий», *телиле* «дураки», *хомух* «лентяй», *мондай* «тупой», *анкъау* «тупой», *малхуня* «глупый», *хужу мурдар* «проклятый, поганый» и т.д.:

1. – *Иш къолай болсун а, ой, чийбыдырла!*

«– Пусть дело спорится, сыробрюхие!»;

2. *Экинчи тюрлюсю – орталыкъ дуппурлача, уллула, эриши, сылыкъ, ийисли, кёзлери, ауузлары, жаякълары макъалагъа ушап, эки аякъны юсюнде, адамлача жюригендиле.* «Вторая категория – как средние холмы, уродливые, противные, вонючие, глаза, рты, скулы похожие на лягушек, на двух ногах, ходили как люди»;

3. *Нарт аскерле, къара орманланы жырып,*

Битдирдиле сылыкъ эмегенлени, къырып

«Нартское войско, прочесав лесные чащи,

Уничтожили поганых эмегенов».

Как видно из примеров, просторечные формы, обладая резкой стилистической окраской, обязательно соответствуют стабильным и нейтральным эквивалентам литературного языка [170, 32]. Выразительность просторечных слов, экспрессия, содержащаяся в них, в какой-то мере компенсирует их грубость. Многие из них позволяют коротко и метко выразить отношение (чаще всего отрицательное) к какому-то человеку, явлению и т.п. Это емкие слова, которые не так-то легко заменить без потерь, нейтральными по стилю синонимами [82, 160].

Просторечия, в нартском эпосе несут большую эмоционально-стилистическую нагрузку и используются для характеристики персонажей и героев произведения.

Семантические оттенки просторечных слов, которые функционируют в эпическом контексте, также использованы в стилистических целях: нередко разговорно-просторечные слова переходят в разряд своеобразной карачаево-балкарской лексики. Весьма удачное употребление просторечий придает языку эпоса колорит древности, а стилистической структуре – подлинно национальную окрашенность, присущую живому разговорному стилю. В то же время будет несправедливо, если в некоторых словах и выражениях не отметим также семантику, характерную для диалектизмов. В данном случае целесообразно отметить следующее мнение А.И. Ефимова: «От диалектизмов просторечные слова отличаются тем, что они известны всему народу» [73, 62].

В языке карачаево-балкарского нартского эпоса мы не видим литературных штампов, слов и выражений, присущих современной письменной речи. Это объясняется тем что, во-первых, эпос «Нарты» является произведением устно-поэтического творчества, во-вторых, только в языке более поздних вариантов встречаются религиозные термины, сопряженные с восточной культурой (исламом). Эти факты свидетельствуют в пользу древности памятника – эпоса «Нарты».

Карачаево-балкарский нартский эпос, передаваясь из уст в уста, прошел устную литературную обработку, поэтически и стилистически отшлифовывался и обогащался разными лексическими вариантами. То есть *вариантами*, что является объективным и неизбежным следствием языковой эволюции. Варианты позитивно влияют на развитие литературного языка, используются как средство обогащения художественной речи.

Они распространены в территориальных диалектах и регионах. Например, в эпосе часто можно встретить такие примеры, которые произносятся в разных регионах или в одном и том же регионе в разных вариантах (в том числе и лексических).

1. Имеется ряд вариантов антропонимов – личных имен нартских героев. Характерно, что даже варианты представлены не только в разных языках и диалектах, но внутри одного диалекта. Например: *Созук – Соджук* (кар.) – *Сосук – Созукку «Созук», Сосурукъ – Сосуркъа* (кар.) «Сосурук», *Сатанай – Сатанай-бийче – Сатаной* «Сатанай», *Дебет – Девет – Деуэт – Деует* «Дебет», *Темир-Капу – Темир-Кафу* «устар. Дербент; имя врага нарттов», *Чюерди – Чюелди* «один из нартских героев», *Рачыкъау – Ёречыкъау* «Рачикау». *Кубу – Губу – Хубун – Тюклесхан* «герой эпоса, кровник Ачемеца»;

2. Варьируются некоторые номинации географических объектов: *Капказ – Кавказ* «Кавказ», *Тихтенген – Тихтен тау* «гора в КБР», *Ылгыбас – Ылгыбасым* «топоним в КБР», *Каф – Каф тау* «Куфские горы».

Образованию региональных типов вариантов слов способствовало то, что с установлением письменности определение литературных норм происходило раздельно и вне ареалов исследуемого языка.

Хранители народных эпических сказаний и поэзии не ограничивали свою деятельность конкретной диалектной средой. Нужно было, чтобы их сказания были понятны носителям любого диалекта, поэтому они соответственным образом обрабатывали язык своих произведений. Исследования показывают, что в поэтических произведениях фольклора конкретные черты территориальных диалектов дают о себе знать

исключительно редко, причем обычно это случается лишь в конечных, т.е. рифмующихся словоформах.

Норме литературного языка характерна наибольшая устойчивость, чем диалектным языковым образованиям. Для выбора правильного варианта необходимо существование у говорящих своего рода эталона или образца речи [125: 181].

Можно говорить и о вариантах, в связи с таксономией частей речи, например: *анай* – *ана* «мать», *балай* – *бала* «ребенок», *тоба* – *тобаста* «межд. «о боже»; клятва», *чакъырым* – *къычырым* «верста, километр», *ярабий* – *арабий* – арабин «восклицание «господи», «сомнение», *сарыуек* – *сарыубек* «мифический огнедышащий дракон», *джукъланыб* – *ёчюлюп* «погаснув, потухнув» и др. Подобные лексемы относятся к существительным, междометиям, глаголам и т.п.

В непрерывном процессе развития языка появляются новые способы выражения, которые заменяют существующие или сосуществуют с ними параллельно. Процессу замены непременно предшествует стадия сосуществования старого и нового качеств – благодатная почва для конкуренции вариантов. Как отмечают исследователи данной проблемы, вариантность – это объективное и неизбежное следствие языковой эволюции.

Таким образом, как отмечают ученые, для полноценного анализа вариантности данное явление необходимо рассматривать с точки зрения его отношения к норме языка.

Язык всегда развивается вместе с обществом, подвергаясь медленным, но постоянным изменениям, поэтому нормы литературного языка не являются чем-то вечным и устойчивым. Современное состояние карачаево-балкарского языка и его норм опирается на анализ исторических и современных закономерностей значительное место, в становлении лексической нормы которого, занимает *региональное* двуязычие.

Так как литературный язык создавался на базе устно-разговорной речи, нормативный статус приобрели многие разговорно-просторечные слова и их произносительные формы в каждом регионе. Здесь они имеют два равноправных варианта: карачаевский и балкарский. Поскольку варианты слов существовали на всех стадиях развития языка, изучение вариантности представляется весьма актуальной для современного языкознания.

В Нартском эпосе встречается и тот и другой варианты. Например: *Дебек* (кар.) – *Дебет* (балк.) «Дебет», *джурт* (кар.) – *журт* (балк.) (место рождения), *джез* (кар.) – *жез* (балк.) «свинец», *деб* (кар.) – *деп* (балк.) «сказав», *отджаудур Джелмаууз* (кар.) – *отжаудур Желмаууз*

(балк.) «дышащий пламенем Дракон», *мийик* (кар.) – *бийик* (балк.) «высокий», *джуртха джылыу бериб* (кар.) – *журтха жылыу берип* (балк.) «согревая землю», *джыл джарым* (кар.) – *жыл жарым* (балк.) «полгода», *джерге киргизеди* (кар.) – *жерге кирдиреди* (балк.) «в землю вонзает», *тебрейди* (кар.) – *тебирейди* (балк.) «собирается», *огъай* (кар.) – *угъай* (балк.) «нет», *бычакъ* (кар.) – *бичакъ* (балк.) «нож», *къарнашлары* (кар.) – *къарындашлары* (балк.) «братья», *сенге* (кар.) – *санга* (балк.) «тебе», *накъырда* (кар.) – *лакъырда* (балк.) «разыграть», *менге* (кар.) – *манга* (балк.) «мне», *аишхы* (кар.) – *ахишы* (балк.) «хорошо», *хо деб* (кар.) – *охо деп* (балк.) (согласиться), *осият* (кар.) – *осуят* (балк.) «завещание», *учу джити* (кар.) – *къарамы жютю* (балк.) «с острым взглядом», *белибау* (кар.) – *бел бау* (балк.) «пояс», *адам тюлдю* (кар.) – *адам туююлдю* (балк.) «не человек», *ичегиле* (кар.) – *чегиле* (балк.) «кишки», *чолакъ Юнус* (кар.) – *чолакъ Жюнюс* (балк.) «безрукий Жунус», *этеллик тюлме* (кар.) – *эталлыкъ туююлме* (балк.) «не смогу сделать», *болуучан эди* (кар.) – *болуучу эди* (балк.) «было», *этеллик тюлдю* (кар.) – *эталлыкъ туююлдю* (балк.) «не сможет сделать», *тыбырлы* (кар.) – *тыпырлы* (балк.), *бергенлейине* (кар.) – *бергенлей* (балк.) «как только отдал», *джылау* (кар.) – *жылау* (балк.) «плач», *чамланыб* (кар.) – *чамланып* (балк.) «разозлившись» и др.

Следовательно, нормативность слова имеет огромное значение для лексической сочетаемости, и изменение лексических норм языка влекут за собой изменения в лексической сочетаемости.

Эпос «Нарты» является величайшим памятником карачаевцев и балкарцев, поэтому народный эпос вобрал в себя и те, и другие лексические варианты, которые упортебляются в разных регионах, например:

1. Фонетические регионализмы:

а) варианты, вызванные метатезой: *ахишы* (балк.) – *аишхы* (кар.) «хороший, хорошо».

Оба варианта нейтральные, но первый из них употребляется балкарцами, а другой – карачаевцами.

– *Жол болсун, ахишы улан! – деди* «В добрый путь, добрый молодец»; – *Аишхыды, азды ансы! – дегенди Рачыкъау* «– Хороший, только мало! – сказал Рачикау».

б) варианты, вызванные выпадением звуков: *туююлдю* (балк.) – *тюлдю* (кар.) «отрицание – не».

– *Огъай, Ёрюзмек, бармай къаллыкъ тюлме* «– Нет, Ёрюзмек, я не останусь, все равно пойду».

в) варианты, вызванные вставкой согласного: *сарыуек* (балк.) – *сарыубек* (кар.) «дракон». В данной лексеме вставляется согл. /б/.

Ол эмеген деген затладан сора дагыда сарыубек, алмасты деп кёб затла адамланы онгларын алыб, инджитиб тургъандыла «Кроме эмегенов еще были драконы, снежные люди, которые не давали жить людям».

г) варианты, вызванные ассимиляцией согласных: *тёммек* (балк.) – *тённгек* (кар.) «туловище».

Кёп кюрешеди эмеген, алай а буздан тённгеге чыкъмайды «Долго пытался эмеген, но не смог вытащить из подо льда свое туловище».

д) варианты, вызванные протезой: *чеги* (балк.) – *ичеги* (кар.) «кишки».

Ичегилеринден алыб, терекге чырмайды «Взяв его кишки, обернул дерево».

е) варианты, вызванные законом сингармонизма: *санга* (балк.) – *сенге* (кар.) «тебе», *манга* (балк.) – *менге* (кар.) «мне».

– *Къой, сенге бир хата этмесинле, – деди къыз, алай а джаш тох-тамады* « – Оставь, чтобы не причинили тебе зло, – сказала девушка, но парень не останавливался»; – *Атамдан менге не зат къалгъанды?* «– Что от отца мне осталось?».

ж) фонетические варианты слов с тюркским корнем, которые различаются в гласных фонемах: *бел бау* (балк.) – *белибау* (кар.) «пояс», *тамычы* (балк.) – *тамчы* (кар.) «капля», *сора* (балк.) – *сонгура* (кар.) «и».

Ичегилеримден белибау этиб къыс белинге «Из моих кишок сделай пояс и завяжи».

з) фонетические варианты, различающиеся по твердости – мягкости согласных фонем: *бийик* (балк.) – *мийик* (кар.) «высокий».

Кёб джолланы тауусуб, бир мийик сыртны юсюнде тохтаб, тёрт джанына сымарлаб къарайды «Пройдя много дорог, остановился на высоком холме, смотрит с подозрением на все четыре стороны».

вариант слова с фонемой [б] употребляется балкарцами, а вариант с фонемой [м] карачаевцами.

и) варианты с соотношением: губное гласное – негубное гласное: *осуат – осият*. Здесь вариант с губными гласными употребляется балкарцами, а вариант с негубными гласными – карачаевцами.

Осият этерге, саламлашыргъа келгенме [Бёдене] «Завещание сделать, поздороваться пришел».

к) особого внимания заслуживает произношения звуков /ж/ и /дж/ на стыке компонентов сложного слова и: *отжаудур Желмаууз* (балк.) – *отджаудур Джелмаууз* (кар.) «огнедышащий дракон».

Ол солургъа хазырлана, ауузун ача башлагъан отджаудурну юч ауузуна да садакъ окъла, учуб-учуб барыб, тынгылауукъларына терен-терен чанчылгъандыла «Собирающемуся отдыхать, начавшему зевать огнедышащему дракону стрелы, полетев, вонзились глубоко в горло».

л) варианты, вызванные чередованием согласных фонем /ж/ и /дж/, /н/ и /б/: *жол* (балк.) – *джол* (кар.) «дорога», *журт* (балк.) – *джурт* (кар.) «родина», *деп* (балк.) – *деб* (кар.) «сказав», *барып* (балк.) – *барыб* (кар.) «сходив» и др.

«*Ол байлыкъ меники болса, джер джюзюне бийлик этерем*», – *деб сукъланды* «Если бы это богатство было моим, я бы правил миром», – сказав, позавидовал он»; *Джууукъ барыб, ол таууш келген жанына иги къарагъанында, башында да уллу таи къабланыб, уру, уруну ичинде да эмеген* «Подойдя поближе, посмотрев в ту сторону откуда идет шум, увидела эмегена в яме, а на ней огромный камень».

м) варианты, вызванные чередованием гласных фонем: *бичакъ* (балк.) – *бычакъ* (кар.) «нож», *угъай* (балк.) – *огъай* (кар.) «нет», *алмосту* (балк.) – *алмасты* (кар.) «снежный человек», «фантом».

– *Къара кюбюрде бычакъны бери чабдыр, – деди эмеген къатыннга* «– Быстро принеси с черного сундука нож, – сказал эмеген жене»; – *Огъай, мен эмегенни къызы тюлме, ол мени сабий заманымда урлаб, ма бу къалагъа келтирген эди, бюгюн мени оналты жылым толады, ол бюгюн мени алыргъа деб тура эди* «– Нет, я не дочь эмегена, он украл меня в детстве, привел в эту крепость, сегодня мне исполняется шестнадцать лет, и он хотел сегодня на мне жениться».

В кратких сведениях по карачаево-балкарской орфоэпии в качестве орфоэпических вариантов приводятся почти все виды языковых вариантов. В нартском эпосе часто встречаются грамматические варианты: *этеллик тюлдю* (кар.) – *эталлыкъ туююдю* (балк.) «не сможет сделать», *болуучан* (кар.) – *болуучу* (балк.) «было» и т.д.

– *Сени бычагъынг мени бу башыма къарыу этеллик тюлдю* «– Твой нож меня не сможет победить».

Отдельную группу составляют лексические регионализмы: *сабан агъач* (балк.) – *къаладжюк* (кар.) «сошник», *ёчюлтдю* (балк.) – *джукълатды* (кар.) «выключил».

– *Сосуркъа тогъуз къаладжюкню темирин отха салыб къыздырыб, ауузун ача эди, аланы ауузуна атдыра эди* «– Сосурка докрасна накаляет девять железных сошников, открывает рот и заставляет бросить их ему в рот».

Можно говорить о наличии морфологических регионализмов: *барама* (балк.) – *бараман* (кар.) «иду», *ийискеп* (балк.) – *ийисгеб* (кар.) «понюхав».

Эмеген ийисгеб кърюб, жутду «Эмеген, понюхав, проглотил».

Таким образом, можно сделать вывод, что регионализмы в народном эпосе придают тексту своеобразный стилистический колорит.

«Так как основы литературной нормы карачаево-балкарского языка создавались на базе устной речи, нормативный статус приобретают и узувальные формы некоторых слов, характер функционирования современного языка, как в письменной, так и в устной форме» [168, 61].

Языковая ситуация, предшествующая созданию письменности реконструируется лишь гипотетически. Выдвигаются два языковых уровня, две стадии: обработанный тип языка, представленный в устной поэзии, в эпических обрядах и язык повседневного общения, совокупность разговорных форм диалектов. Обработанный устный язык выступает в качестве древнего варианта наддиалектного типа (эпическая поэзия). Так особое место среди тех жанров, где использовалась эта языковая форма, принадлежало эпической поэзии. Специфические приемы словесного творчества, тяготение к синонимии: например, *бусагъат*, *олсагъат* «сейчас, тот же час» – нейтральные и *бусагъатдан*, *олсагъатдан* – просторечные «сейчас немедленно, тот же час немедленно» и др. лексическому варьированию, способствующие еще и для создания новых сложных лексических образований, закрепившихся в поэтическом языке. И таким образом, использование архаической лексики резко обособили язык устной поэзии от спонтанной устной речи.

Например: *Сатанай олсагъатдан Агунданы юйге чакъырды* «Сатанай в тот же час позвала Агунду домой»; *Олсагъат Къарашауай, жетип, аны боюнуна нохта салгъанды* «В тот же час Карашауай надел на него уздечку» и т.д.

Карачаево-балкарский язык и поныне сохраняет свои диалектные особенности. Об истории происхождения тюркских языков в тюркологии имеются разные мнения и представления. В новейших тюркологических исследованиях по теории и истории литературных языков наддиалектный характер карачаево-балкарского языка отождествляется с их смешанным характером, т.е. одним из диалектных форм реализации общенародного языка. «Она возникает в определенных исторических условиях, существует в устной нестандартной форме и используется для обиходно-бытового общения» [155, 67].

На протяжении всей истории карачаево-балкарского литературного языка его лексика пополнялась *диалектизмами*. В нартском эпосе они играют немаловажную роль, так как эпос исполнялся на всех диалектах. Диалектизмы выполняют важные стилистические функции: помогают передать местный колорит, особенности речи героев, являясь источником речевой экспрессии. Это местные названия предметов и явлений, имеющие в литературном языке иные наименования или отличающиеся от соответствующих литературных слов лишь определенными

особенностями своего звукового строения, которые не зависят от специфики фонетической системы диалекта и литературной речи.

Диалектизмы – это слова и обороты речи, употребительные только в отдельных говорах любого языка, в том числе и карачаево-балкарского. Они иногда используются писателями в целях точной передачи речи своих героев. Диалектизмы в эпосе используются для речевой характеристики героев и персонажей произведения. Однако надо отметить и то, что они малопонятны представителям других ареалов общенародного языка [170, 34].

1. В текстах нартского эпоса можно выделить лексические диалектизмы: *ууус* (ц.-диал.) – *ырпыс* (ч.-диал.) «молозиво», *чогъежлен* – (ц.-диал.) – *сокъуран* – (ч.-диал.) «передумать, пожалеть» и т.д.

Къарашауай бек чогъежленгенди «Карашауай очень пожалел»; – *Ий, мени жаратхан Аллах, бу сабийни Чабакъчы Бёденени къармагъына жаз!* – *деп, ууузундан да тойдуруп, кюбюрчюкге да салып, Терк суууна атып ийгенди* «– О Аллах, который меня породил, сделай так, чтобы этот ребенок попался на удочку рыбака Бёдене» – и, напоив его своим молоком, бросила в реку Терек».

2. В рассмотренных нами текстах отмечены и фонетические диалектизмы: *зылап* (ц.-диал.) – *жиляп* (ч.-диал.) «плача», *быцакъ* (ц.-диал.) – *бичакъ* (ч.-диал.) «нож»; *ахсай-ахсай* (ц.-диал.) – *акъсай-акъсай* (ч.-диал.) «хромая» и т.д.

Ёксюз жашчыкъ да, жылап, анасына кетгенди «Мальчик-сирота, плача, к матери пошел»; *«Бычагъын алып берир эдим, урсанг», – деп «Если ударишь, я возьму его нож», – сказал; Алайдан Жёнгер эки таягъын эки къолтугъуна салып, ахсай-ахсай, эгечи Гошагъа баргъанды* «Оттуда Жёнгер, опираясь двумя руками на две палки, хромая, пошел к сестре Гоше»; *Бир бирни кёрюп, тансыкълашып, къучакълашып, жыладыла* «Увидев друг друга, соскучившись, обнявшись, заплакали».

3. Цокающий диалект имеет и некоторые морфологические особенности. Например, наблюдается стяжение формы глагола типа: *боллугъенг* (ц.-диал.) – *боллукъ эдинг* (ч.-диал.) «был бы» и т.д.

– *Эй, балам болдунг, ансы не татлы къабын боллугъенг!* – *деди* «– Эй, ты стал для меня сыном, иначе стал бы лакомым куском! – сказала».

Что касается словарного состава карачаево-балкарского языка, то он находится в состоянии почти непрерывного изменения: пополняется новыми словами, возникающими в связи с изменениями социального строя, с развитием производства, развитием культуры, науки, техники и т.п. При этом, несмотря на то, что из словарного состава языка выпадает

обычно некоторое количество устаревших слов, к нему прибавляется гораздо большее количество новых единиц.

Если из словарного состава исключить слова основного словарного фонда, то на сегодняшний день к устаревшим словам относятся *архаизмы* и *историзмы*. Стилистическое использование их в нартском эпосе является особенностью его языка. В нартском эпосе архаизмы встречаются чаще, чем историзмы. Другими словами, – это та часть лексики, которая, в силу языковых и неязыковых причин, вытеснена из активного употребления современными синонимами, устаревшие слова, переставшие употребляться в обычной речи, представляющие собой устаревшие суждения современных понятий и явлений. Историзмы выражают названия предметов и явлений, существующие в современном языке в настоящее время.

Архаизмы в нартском эпосе – это слова, отражающие дореволюционный быт народа, теперь выходящие или давно вышедшие из употребления. От некоторых архаизмов веет глубокой стариной, их донесли до нас произведения устного народного творчества, мифология: *Тейри*, *Уммай*, *Долай* и т.д.

Многие топонимические названия в карачаево-балкарском нартском эпосе несут печать глубокой древности и могут служить ценным источником при изучении истории данного народа. Например, топонимы: *Каф тау*, *Кыркъ суу*, *Кала тау*, *Канчиел*, *Кёсе тау*, *Куб*, *Буз суу*, *Элхур*, *Тарык*, *Налмаз тау*, *Накъут-Дорбун* и др.

В карачаево-балкарском нартском эпосе встречаются как лексические (архаизмы-слова), так и семантические (архаизмы-значения) архаизмы. Но в то же время ставится вопрос, следует ли относить к архаизмам слова, переставшие употребляться, но встречающиеся в классической литературе, которая имеет до сих пор массового читателя или употреблявшиеся и в произведениях, ставших достоянием истории.

В свою очередь лексические архаизмы имеют разновидности: собственно-лексические, лексико-фонетические и грамматические архаизмы. Кроме того, архаичные лексические элементы можно встретить и в составе устойчивых фразеологических сочетаний.

Следовательно, стоит установить, что собственно-лексическими архаизмами называются слова, ранее входившие в активный запас, но переставшие употребляться с течением времени. Процесс этот долог, и в начальный период слово и его синоним существуют одновременно. Так как фольклор передается из поколения в поколения, то и процесс этот не скоротечен. То есть в последующем одно из слов-синонимов, употребляющихся в устных текстах, занимает основное место, а другое выпадает и превращается в лексический архаизм.

Примером лексических архаизмов в карачаево-балкарском нартском эпосе могут служить слова и выражения, которые заменены в современном языке другими. Например: *алтынлы* – *мылтык* – *ушкок* «ружье», *орман* – *агъач* «лесная чаща», *араиш* – *шагъат* «свидетель», *балыкъ* – *чабакъ* «рыба», *жей* – *аша* «кушай», *къыркъау* – *ауаз* «голос», *опуракъ* – *кийим* «одежда», *нуу-нуу* – *сырыйна* «плач», *къычырым* – *чакъырым* «верста, километр» и т.д.

Уллу тѣбе къарт эмеген болгъанды, жети жюз жыл ол орманда тургъанды «Большой холм старым эмегеном оказался, он в этом лесу семьсот лет прожил»; Ол (эмеген) келгени бла, орам-къарам да этме, Тукъумну уруп инчиклерине дери жерге кийиргенди «Эмеген, как пришел, не раздумывая, ударил Тукъума, что тот провалился в землю по щиколотки»; Да, кертиди адамны жашаууну ауалы болгъан кибики, ахыры да болады къартаяды, ёледи «Да и правда, как у человеческой жизни бывает начало, бывает и конец, стареет, умирает».

Фонетические изменения слова тоже можно причислить к этой же группе. В литературе данная группа архаизмов именуется по-разному: фонетические, лексико-фонетические, звуковые. Наиболее удачным термином, отражающим исследуемый материал, можно считать термин «лексико-фонетические». Звуковая сторона слова с течением времени, под влиянием экстралингвистических факторов, согласно внутренним законам развития языка в значительной степени видоизменяется. Лексико-фонетические архаизмы в изучаемых текстах представляют собой устаревшую звуковую оболочку слова современного языка, поэтому карачаево-балкарский нартский эпос является основным источником таких лексических единиц. Например: *аришын* – *аршин* «аршин», *адил* – *адыл* «справедливый», *айгъыр* – *ажир* «конь», *анай* – *ана* «мать», *балай* – *бала* «ребенок», *дары* – *дарман* «лекарство», *кямар* – *камар* «пояс», *къууурт* – *къуугъун* «разговоры» и т.д.

Эй, сен адыл иеси адам! Нек жанлагъанса бизни жаныбызгъа «Эй ты, справедливый человек, зачем пришел в наши края» *Бар да, жыл-къыдан сайлагъан ажирни тут, сора къайры болса да кет* «Иди и поймай из табуна лошадь, какую захочешь, и уйди куда-нибудь».

Богата лексика фольклорных текстов также семантическими архаизмами, которые сохранились в языке, но какое-либо знание их устарело или выражено другим словом. То есть устаревает лишь одно из значений данного слова. При семантической архаизации слова основная его фонетическая оболочка сохраняется. Например: слово *бай* в фольклорных текстах выражает значения и «обильный», «изобильный в чем-то» и «человека богатого», «богача». На сегодняшний день последнее его

значение устарело. Второе значение архаизировалось, оно вытеснено его синонимом в данном значении.

Именно устарелые обозначения понятий, имеющих в современном языке другие общеупотребительные названия, при сравнении с которыми их устарелость, необычность в современном языке доказывает, что эти слова архаичны.

Возможность выбора и использования такого общеупотребительного и архаичного слова в современной карачаево-балкарской литературе и сделает их предметом стилистического использования.

Архаизмы и историзмы в текстах народного эпоса не несут в себе каких-либо дополнительных стилистических оттенков. Здесь они выполняют свои прямые функции, обозначая названия предметов, явлений или действий соответствующей эпохи. Они вводятся для придания той или иной экспрессивной окраски описываемому предмету или явлению, но эта окраска может иметь различный смысл, иногда противоположный характер. Например, в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев можно выделить такие архаизмы, которые служат для выражения разных степеней приподнятости, торжественной речи: *алф* – «великий», *байкъама* – «могучий, великий».

*Алф Ёрюзмек къамышлеге баргъанды,
Жараидырып терен уру къазгъанды [117, 80]*

«Великий Ёрюзмек в камыши пошел,
С усердием, вырыл глубокую яму»;

*Жаш таракъны суугъа атды: «Аллахны байкъама сууу, мен ары
бла бери ётгюнчю, тохтан, жол къойюп турсанг а», – деп тиледи*
«Парень бросил гребень в воду и попросил: «О Могучие Воды, уступите мне дорогу, пока я не пройду туда и не вернусь обратно».

Наоборот, другая группа создает выражения с отрицательной окраской, например, с иронической: *мондай* «глупый», *къапзылды* «тупой, глупый».

*Нарт Сосурук эмегенни алдады,
Мондай эмеген да анга ийнанды [117, 122]*

«Нартский Сосурук обманул эмегена,
Глупый эмеген поверил ему»;

Къапзылды эмеген ол айтханнга тынгыламады [117, 108].

«Тупой эмеген не слушает то, что он говорит».

А в произведениях современной карачаево-балкарской литературы назначение архаизмов и историзмов многопланово. Они могут употребляться для придания речи или комической окраски, или для достижения возвышенно-поэтического звучания, что доказывает его наддиалектность.

Например: *оба* «могила», *орман* «лес», *къалкъан* «шит», *барамта* «захват имущества», *кюбе* «кольчуга», *такъыя* «шлем», *харрала* «человекоподобные существа» и т.д.: *Нартла жайылырдан алгъа нартла бла бирге жер юсюнде бек эриши, не эселе да, айтыргъа унутханма, «харрала» болур дейме, ала жашагъандыла* «В те времена, когда еще нартское племя было малочисленным, на земле кроме них жили какие-то существа, вот только я их имя запомнил, кажется, их называли «харрами».

*Аланы душман садакъ огъу бла сырпыны тешалмазча,
Дебет аллай кюбе бла такъыя хазырласын*

«Пусть Дебет приготовит такую кольчугу и шлем,
Чтобы вражеская стрела и меч не могли их пробить».

*Уллу тѣбе къарт эмеген болгъанды,
Жети жюз жыл ол орманда тургъанды*

«Большой холм старым эмегенам оказался.
Он в этом дремучем лесу семьсот лет прожил».

Историзмы составляют вторую большую группу устаревших слов. Историзмы в нартском эпосе представляют собой название исчезнувших предметов, явлений, понятий. Эти слова историзмами стали из-за того, что предметы и понятия, обозначаемые ими, отошли в историю или потому, что оказались непригодными. Как и в жизни любого народа, историзмы обозначали некоторые реалии, присущие или бытовавшие в различные периоды истории карачаевцев и балкарцев. С исчезновением реалий их номинации перешли в категорию историзмов. Историзмы в карачаево-балкарском нартском эпосе – это те слова и выражения, которые выражают название предметов быта, явлений социального уклона и т.д. прошлых эпох: *кюбе* «кольчуга», *къалкъан* «шит», *зорлукъ* «насилие», *ѣзден* «предводитель, князь», *бийлик* «властвовать», *сынжыр* «цепь», *жылкъычы* «погонщик», *къазакъ* «слуга», *найын* «соратник», *бийче* «хозяйка», *бай* «богач», *жасакъ* «дань», *жасакъчы* «сборщик дани, налогов», *жортуул* «набег» и т.д.

В народном эпосе встречаются историзмы такие как, например: *бий* «господин», *ѣзден* «предводитель, князь», *жасакъ* «дань», *жортуул* «набег» и т.д.

Фук жерде тургъан кезиуде, нартла анга бойсунгандыла. Ол ала-ны бийлери болгъанды «Когда Фук жил на земле, нарты подчинялись ему. Он был их князем»;

*Ёрюзмек дегенинг нарт ёзденди,
Ол кёп кыйынлыклагъа тёзгенди [117, 78]*

«Ерюзмек предводитель (князь) нартов,
Он много трудностей пережил».

Къазанла кёкге чыгъып, Фук къаласыны къатына барып, анда бе-дишли жасакъны кёргенде, ол кемсиз ачыуланганды «Когда котлы поднялись на небо, и Фук увидел эту позорную для него дань, он очень разгневался».

Нарт улу Ёрюзмек, жортууулгъа чыгъып, мураты толмай къайт-хан кезиую бир да болмагъанды «Нарт Ёрюзмек никогда не возвращался с набега, не достигнув цели».

Устаревшие слова не однородны по происхождению: здесь присутствуют исконно карачаево-балкарские, а также заимствованные из других тюркских языков. Они являются выразительным средством художественной речи и выполняют разнообразные стилистические функции. Архаизмы и историзмы используются для воссоздания колорита отдаленных времен.

Справедливо мнение Л.Х. Махиевой, что: «Заимствование иноязычной лексики является универсальным иноязычным явлением, характерным для каждого языка, ибо нет языка свободного от влияния других языков» [111, 82].

Верно и суждение А.А. Реформатского: «Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами» [140, 108].

Иноязычные заимствования могут перениматься двумя путями: устным и письменным. Так как нартский эпос является устным народным творчеством, то здесь происходит заимствование через живое общение. Некоторые из ранних заимствований в карачаево-балкарском языке настолько освоились, «что их без специального этимологического исследования трудно отличить от исконных слов» [121, 55].

Следовательно, каждый язык, в том числе и карачаево-балкарский содержит *заимствованные слова*. Так как «современный литературный карачаево-балкарский язык, включая его нормативные и ненормативные варианты, развиваются под сильным влиянием общенародного языка. Соответственно, все слои лексики, в том числе и терминосистемы, в

силу специфики своего применения и условий функционирования подвержены воздействию целого комплекса экстралингвистических и многоязычных факторов» [111, 84].

Вследствие многовековой шлифовки, тексты нартского эпоса обогащались заимствованными словами из арабского и персидского языков, а так же из осетинского языков, которые наряду с исконной карачаево-балкарской лексикой образуют словарный состав памятника. Однако усиленное заимствование из арабского языка относится к более позднему периоду.

В нартском эпосе можно выделить следующие группы заимствований из арабского и персидского языков:

а) заимствованные слова, связанные с религией, исламом: *Аллах* «бог», *садакъа* «подавание, милостыня» [54, 81], *тоба* «раскаяние, обет, залог» [54, 93], *шайтан* «злой дух, сатана, черт» [54, 109], *жин* «бес, злой дух, дьявол, демон» [54, 186], *ажал* «смерть» [54, 186], *гунах* «грех» [202, 20–88]:

– *Аллах, Аллах, адамланы нек къыраса? – деп сорду [Сосурукъ]* «– О господи, ты зачем людей уничтожаешь?»; *«Жарлыды», – деп садакъа бергендиле, ол алыргъа унамагъанды [Къарашауай]* «Жалея, что несчастный, давали ему милостыню»; – *Тоба-тоба, адаммыса? [Сосурукъ]* «– Тоба-тоба, ты человек?»; *Энди шайтанла бла тепсерге киреди тойгъа, къобузчу къызны тутады абезеххе [Ёрюзмек]* «Теперь со злыми духами начал танцевать, пригласил гармонистку тацевать абезех»;

*Къына сакъаллы Къызыл Фук жинли эди,
Нартха ауур жасакъла сала эди*

«Краснобородый Рыжий Фук владел злыми духами,
Он нартов тяжелой данью облагал».

Так как арабо-персидские заимствования, входящие в систему карачаево-балкарского языка, имеют общую с исконными словами системе словообразования и словоизменения, карачаево-балкарский язык использует свои морфологические элементы для образования новых слов из заимствованных при помощи различных аффиксов. Например, слово *жинли* морфологически освоено, т.е. к заимствованному существительному прибавился исконный аффикс: *жин* «демон» + *ли* (аффикс карачаево-балкарского языка). В результате получилось прилагательное *жинли* «демонический».

б) заимствованные слова, связанные с названиями одежды, украшений: *накъут* «яхонт, рубин» [54, 186], *кямар* фарс. «женский пояс из серебра, отделанный чернью или филигранью» [54, 56]:

Ай бла Кюнню гитче къызчыкълары, аланы эсине тюшюрюп жыласа, Суу анасы анга кесини ариу накъут-налмас таишыкъларын ойнаргъа Бере тургъанды [Сатанай] «Когда маленькая дочка Луны и Солнца плакала, вспоминая их, Мать воды давала ей поиграть камни из алмаза и рубина».

в) заимствованные слова с темпоральным значением: *ёмюр* «век, столетие, вечность» [202, 46], *заман* «время, временный» [202, 47]:

Эртте, бурун ёмюрледе нарт батырла болгъандыла «Давно, в прошлые века были нартские батыры»; *Фук кёкде болгъан заманда, ол андан, кёкден, темир сынжырлагъа тагъып, уллу къазанла жибергенди жерге* «В то время, когда Фук был на небе, он оттуда, с неба, повесив на железные цепи, опускал на землю огромные казаны».

г) заимствованные слова, связанные с военным делом: *аскер* «армия, вооруженные силы, войско» [202, 28], *къазауат* «война, военный» [202, 58]:

Алайда аскерлерин сынар ючюн, садакъла атып кёрдюле «Там же, решив испытать войско, пустили стрелы»; – *Да сора сизни заманыгъызда къазауат этемегиз?* «А в ваше время была война?».

д) заимствованные слова, связанные с наименованием качеств: *зор* фарс. «насильственный, угнетение, притеснение» [202, 49], *залим* «угнетатель, тиран, жестокий, злой» [202, 47], *факъыр* «нищий, бедный, неимущий» [202, 94]:

Къызыл Фукну залимлигинден безгенди, сабийликден аны хар зорлугъун сезгенди «Ему надоели угнетения и насилие Рыжебородого Фука, в детстве он все это испытал на себе»; *Кюнлени биринде, факъырача кийинип, нарт элдеде сыбызгъысын согъуп айланганды* «Однажды он, одевшись как нищий, играя на свирели, ходил по нартским селам»;

е) заимствованные слова, связанные с конкретными и абстрактными понятиями: *дуния* «мир, свет, вселенная» [202, 42], *мал* «скот, скотина, домашнее животное» [202, 63], *арба* «телега, арба, коляска, экипаж, повозка, воз» [202, 27], *азат* «свободный, независимый, вольный, благородный» [202, 21], *заран* «вред, ущерб, убыток» [202, 47], *зат* «вещь» [202, 48], *акъыл* «ум, разум, сознание» [202, 22], *палах* «несчастье, напасть, беда» [202, 76], *салам* «приветствие» [202, 81], *хыйла* «хитрость, мошенничество, уловка» [202, 105], *жууап* «ответ» [202, 45], *сабий* «ребенок, дитя» [202, 81]:

Алай не файда, хыйлалары, усталыкълары жокъ эди [Эмегены] «Как ни говори, они не умели хитрить»; *Заранлы сарыуеклени да къурутхандыла [нарты]* «Уничтожили и вредных драконов»; *Малла къырыла эдиле, адамла суугъа тарала эдиле* «Скот погибал, люди мучались из-за нехватки воды»; *Нартны Къызыл Фукдан азат этгенди, Ёрюзмек нартны кёлюне жетгенди* «Ёрюзмек освободил нартов от Рыжебородого Фука, и этим удовлетворил нартов»; *Эмегенле къарыулула, уллула, эришиле, акъылсызла, анкъаула болгъандыла* «Эмегены были сильными, огромными, уродливыми, тупыми»; *Сен былай тур, андан бир жууан алалсам, бир кёрейим, – деди* «Ты постой здесь, я попробую, если смогу, получить от него ответ, – сказал»; – *Бизден не зат излейсиз? – деп келдиле* «– Что вы от нас хотите? – сказав, пришли»; *Ахырзаман боран жиберип, аш къыстырыкъларыгъызны чачарма, башыгъызны палахха къоярма* «Нашлю сильный буран и ваши съестные припасы смету, вас на несчастья обреку».

В данных примерах из заимствованных имен существительных при помощи словообразовательных аффиксов карачаево-балкарского языка образованы прилагательные: *заран* (сущ. «вред») + *лы* (афф.) «вредный», *акъыл* (сущ. «ум») + *сыз* (афф.) «тупой».

По приводимым тематическим группам арабских заимствований можно проследить за основными направлениями контактов между карачаево-балкарским и арабским языком.

Персидские заимствования в карачаево-балкарском нартском эпосе также можно отнести к широкому кругу лексических разрядов. Здесь можно выделить следующие:

а) заимствованные слова, связанные с человеком: *батыр* (прил.) «храбрый, смелый» [54, 187], *душман* фарс. «враг, неприятель, противник» [54, 42], *пелиуан* фарс. «герой, борец, атлет, силач» [54, 78]:

«Сора, алай болса, экибиз эки батыр адам, сен тауда, мен тюзде», – деди Ёрёчикау «Если так мы оба два храбрых человека, ты в горах, а я на равнине», – Сказал Ёречикау»; *Аланы душманны садакъ огъу бла сырпынны тешалмазча, Дебет аллай кюбе бла такъыя хазырласын* «Чтобы их вражеская стрела или меч не смогли пробить, пусть Дебет сделает такие кольчугу и щит»; *Агунданы анасы, билгич Сатанай, Къарашауайны айырма пелиуан кишилигин уста билгенди* «Мать Агунды, всезнающая Сатанай, прекрасно знала богатырскую силу Карашауая».

б) заимствованные слова, связанные с пищей: *жау* фарс. «масло», «жир» [54, 187], *шорпа* «бульон (отвар из мяса)» [54, 187]:

Шорпасындан экишер уртлагъыз, къышда сууукъ боллукъ туююл-сюз «Из бульона глотните два раза, зимой не замерзнете от холода»;

Кёз чунгур жсауларындан алып кёзлеригизге сюртюгюз «Жиром из глазных яблок смажьте глаза».

в) заимствованные слова, связанные с одеждой: *хуржун* фарс. «карман» [54, 187], *чабыр* «чабуры, чувяки из сыромятной кожи с плетеной подошвой, удобные для хождения по крутым, скользким склонам» [54, 187]:

Дагыда эмегенлени терилеринден чабырла этигиз «Еще из шкуры великанов сделайте чабуры»; *Сосурукъ аны чыгъарып, Сатанайгъа кёргюзтеме десе, ол а хуржунундан думп болуп къалды* «Когда Сосурук хотел его вытащить и показать Сатанай, его в кармане не оказалось».

г) заимствованные слова, связанные с наименованием животных: *гаммеш* фарс. «буйвол» [54, 187], *марал* «олень» [54, 187], *чабакъ* «рыба» [54, 187]:

Алагъа союп, бир буу, бир доммай, бир жугъутур, бир тууар, бир къабан, бир гаммеш, бир да айыу тулукъла бергенди [Сосурукъ] «Он для них убил оленя, зубра, тура, быка, кабана, буйвола, медведя и снял с них шкуры»; *Жол юсюнде бир акъ маралгъа жолукъду, дейди* «На дороге встретил белую лань»; *Ол кюн нарт Сосурукъ эки аны къарындашы бла алтын чабакъны излерге жолгъа чыкъды* «В тот день нарт Сосурук с двумя братьями нартами вышел в дорогу искать золотую рыбу».

д) заимствованные слова, связанные с другими понятиями: *патчах* «царь, то же, что и падишах» [54, 77], *дарман* фарс. «лекарство, лекарственный» [40], *айып* «стыд, позор, срам» [54, 22]:

– *Энди хункер патчахха хапар билдирирге ким барады, – деп кенгеш болдула* «Посоветовались над тем, кто пойдет к хункерскому царю с вестью»; *Ол алагъа уу, нартлагъа уа дарман болгъанды [къызыл та-якъ]* «Он для эмегенов был ядом, а для нартов лекарством»; – *Айып этме, Къарашауай, мен жаш туююлме, къызма, – деди* «Извини меня, Карашауай, но я не парень, а девушка».

е) заимствованные слова, связанные с наименованием полезных ископаемых: *мермер* ар.-др. греч. «мрамор» [202, 67]:

Ол талада акъ мермерден ишленген юй болур «На той поляне есть будет, построенный из белого мрамора».

В нартском эпосе встречаются также заимствования из осетинского языка: *назы* «ель» [54, 185], *дорбун* «пещера» [54, 185], *уихол* «кишка, пищевод» [54, 185], *антау* «стог сена, скирди» [54, 185], *Шаушюгют* «местность в Карачае сау «черный» + *сигит* «земля» – «черный», *Шаурдат* «городище на берегу Черка Балкарского сау «черный» [54, 185]:

*Ушхол кыйырын кыймай, ашап башлады,
Ашап бошап, белин бираз бошкады*

«Не оставляя даже края кишки, начал есть,
Закончив, немного расслабил пояс»;

*Жашагъанлары чегетледе, батмакълада, дорбунлада болуп, то-
юмлары болмагъанды* «Они жили на северной стороне, в болотах, в пе-
щерах и были ненасытными»; *Сора эмегенле ауур, антау гебен кибик,
турчдан, къоргъашинден ауур бир таишы «Ат», – деп Къарашауайгъа
бередиле* «Потом эмегены дали Карашауаю камень тяжелее огромного
стога сена и тяжелее стали и свинца, и сказали: «Бросай».

В некоторых текстах встречаются и кабардино-черкесские заим-
ствования: *хауле* «бездельник, бродяга, развратник», *ушкок* «ружье,
оружие» [54, 190]:

*Ол заманда юйню иеси: «Къайда болса хаулеле да, мында къала-
дыла» – дейди* «Тогда хозяйка дома сказала: «Откуда бы ни было, все
бродяги приходят и здесь остаются»; – *Бу не затды? – деп, ушкокну
кёргюзтгенди* «– Что это? – спросил он, показывая ружье».

Таким образом, из вышеизложенного следует, что, передаваясь из
поколения в поколение, нартский эпос благодаря контактам карачаев-
цев и балкарцев с представителями других народов вобрал в себя за-
имствования из других языков, которые являются одним из основных
источников развития и обогащения любых языков, в том числе и кара-
чаево-балкарского.

1.2. Фразеологические особенности

Фразеология уже накопила значительный материал, связанный со
стилистическим использованием фразеологических единиц в художе-
ственных произведениях.

В области исследования фразеологии особенно высокого уровня
достигли в русском и немецком языкознании (А.И. Федоров [179; 180],
Н.М. Шанский [195] и др.). В русистике появились специальные рабо-
ты, посвященные лексико-фразеологическому богатству выдающихся
писателей, накоплен большой материал, который впоследствии позво-
лил заложить основы фразеологической стилистики.

Что же касается карачаево-балкарского языка можно выделить рабо-
ты таких авторов, как: З.К. Жарашуева [75; 203; 205], С.К. Башиева [15;
16], Ж.М. Гузеев [49; 50; 51; 52; 53; 55], С.М. Хуболов [56; 191] и т.д.

Весь ход развития общей фразеологии убедительно доказал, что одним из важнейших аспектов ее исследования являются функционально-стилистические свойства фразеологических единиц, а такой анализ может быть плодотворным лишь на фоне художественного текста высокого творческого уровня, так как только художественная литература является своего рода законодателем и рассадником норм образцового литературного выражения, той лабораторией, в которой происходит творческая обработка речевых средств общенародного языка [74, 164].

Данное положение представляется очень важным для фразеологии языков, как с богатыми письменными традициями, так и для языков, не имеющих подобных традиций [86, 4]. Слово как реальная единица языка выступает лишь во всем разнообразии своего фразового окружения. Границы между словом и «фразой» подвижны. Таким образом, семантическое исследование слова как бы поглощает объекты фразового [26, 119].

В разговорной речи фразеологические обороты употребляются обычно в неизменном виде. «Такое же употребление их наблюдается большей частью и в художественной литературе и публицистике. При этом фразеологизм не дает речи какого-либо дополнительного смыслового оттенка, кроме своего основного значения. Автор или говорящий ставит себе целью лишь подкрепить свою мысль при помощи мудрого народного изречения» [99, 82].

Когда мы говорим «народный язык», то с некоторым пафосом нелицемерных демократов думаем обо всем: богатстве и разнообразии, проявлении и вариации языка своего народа, от фольклора и диалектной речи до высших образцов ораторского и писательского мастерства. А наряду с этим иногда применяем выражение «народный язык», чтобы отличить все то, что создается в народных массах, от книжного, ученого, космополитического, чуждого народа в национальном языке [103, 160].

В изучении литературного языка уже проведено разграничение исторической грамматики и стилистической грамматики, к которой неоспоримо противопоставляется усвоение стиля писателя, стиля литературной школы, стиля литературного памятника. «Фразеологизмы — ощутимы и выделяются по своей иррегулярности или, как выражаются математики, — по своему «безобразию» в языке. Фразеологизмы обычно чем-то «неправильны» [103, 152–153].

Основными источниками образования фразеологизмов в карачаево-балкарском языке являются разговорная речь и фольклор, в устойчивых словосочетаниях которых находит отражение социальная и художественная жизнь народа. Одним из основных признаков фразеологизма

в фольклорных произведениях является переносность значения одного из его компонентов или же всего фразеологизма в целом. Они обладают смысловым единством. «Фразеологический фонд пополняется также выражениями пословично-поговорочного характера, заимствованиями, диалектными единицами, авторскими образованиями, летучими выражениями, формулами жизни» [3, 42].

Язык эпоса в отличие от повседневной обиходной речи употребляется в торжественных случаях, когда человек хочет говорить красно, возвышенно. Отсюда понятно, почему в нем, получили широкое распространение, пословицы, поговорки, крылатые выражения, заклятия и яркие сравнения [136, 104]. В карачаево-балкарском нартском эпосе очень много сравнительных оборотов, в основу которых положены конкретные реалии. Они все являются средством поэтической характеристики и наделены фигуральным значением. В эпический текст вошли многочисленные пословицы и поговорки.

Устное народное творчество явилось основой ряда фразеологизмов современного карачаево-балкарского языка, которые разнообразны по своей структуре и источникам. Фразеология карачаево-балкарского фольклора отличается богатством образов и средств языкового выражения. Так как в контексте эпоса фразеологизмы выполняют важную художественно эстетическую роль, фольклорным фразеологизмам характерны ритмичность, композиционное единство.

Например, о красоте *Сатанай* говорится, что:

*Ариулугъу ташины, тауну жарыта,
Хар бир затны ол кесине къарата.
Сатанайны кёргенде, тохтай элле суула да,
Кечеледе жарый эдиле тюзле, таула да* [117, 71]

«Красота Сатанай освещала и камни, и горы так, что
Все удивлялись, видя ее.
Воды останавливались, когда видели Сатанай,
Ночью светились долины и горы».

Являясь традиционными и в основной массе образно-эмоциональными характеристиками героев, их действий, поступков, состояния в разных ситуациях, фразеологизмы значительно обогащают арсенал выразительных средств языка народного эпоса карачаевцев и балкарцев.

Фольклорные фразеологизмы могут быть подразделены на следующие три группы: фольклорно-поэтические, фольклорно-прозаические (сказочные) и общие паремиологические [3, 42].

Эпическую фразеологию можно определить как совокупность, встречающихся в текстах нартского эпоса, воспроизводимых в готовом виде, устойчивых в своем составе национальных оборотов речи, обладающих признаком образно-переносного употребления в целом или отдельных слов.

Фразеологизмы по своей грамматической и семантической структуре встречаются в текстах песен эпоса в разных формах. Стержневым, опорным словом в них обычно является глагол или имя. Лексический состав фразеологизмов бывает различным: они варьируются от двухсловных до многословных, включающих в состав пять-шесть слов, — знаменательных и служебных:

*Ачыуланса, кёзю отча жанады, ой, жанады, ой, жанады,
Силкинсе уа, жели бла къаты жонады, ой, жонады.
Ой, Ёрюзмекге къаны къайнай учханды, ой, учханды, ой, учханды,
Нарт элине аман аууз ачханды, ой, ачханды, ой, ачханды* [117, 83].

«Разъярится, глаза огнем горят, ой, горят, ой, горят.
А встряхнется — ветер от его [движения] скалы стесывает,
ой, стесывает.

Ой, разгневавшись на Ёрюзмека, Фук на небо улетел,
ой, улетел, ой, улетел.

Проклял [оттуда] страну нартвов, ой, проклял, ой, проклял».

Следует подчеркнуть, что устойчивость фразеологизмов создается и за счет таких структурно-грамматических факторов, как: невозможность изменения или ограниченная изменяемость лексического состава, полная фиксированность или частичная морфологическая изменяемость компонентов фразеологической единицы [136, 106].

Одним из основных источников лексического богатства и образности языка карачаево-балкарского нартского эпоса следует считать широкое употребление фразеологизмов, анализ стилистических функций которых ставит цель всестороннего описания способов и приемов исследования фразеологии в произведениях фольклора.

В карачаево-балкарском нартском эпосе встречаются фразеологизмы и фразеологические обороты, которые показывают психологию, мысли, эмоции героев и т.д. Например:

1. Фразеологизмы, выражающие переживание героев: *эшигими жапханды* «навлек беду на мою голову» (досл.) «закрывл мои двери», *жанымы аласа* «чуть душу не забрал» (досл.) «взял душу», *кёзюму ауузма къандырды* «вышел из доверия, подвел» (досл.) «взял мой глаз и заставил проглотить», *кесине жер тапмайды* «беспокоится» (досл.) «не находит себе места».

– Нёгер, аны санга ким айтханды?
Ким эшигими жапханды? [117, 241].

«– Нёгер, кто это тебе рассказал?
Кто навлек беду на мою голову?»

2. Фразеологизмы, выражающие жалость, печаль: *масхара бла шишлейди* «издевается», «колет издевками», *жаны ауруду* «пожалел» (досл.) душа болит».

*Энди манга ол кюнню бедишлейди,
Нарт аллында масхара бла шишлейди [Ёрюзмек] [117, 82].*

«Теперь позорит меня, напоминая о том дне,
Издевается надо мною при нартах [Ёрюзмек]».

3. Фразеологизмы, выражающие несчастье: *кюню аман бла батханды* «день проходил в горе», *тангы аман бла атханды* «рассвет в горе наставал».

*Не болса да аны кюню аман бла батханды,
Тенгиз тангы аман бла атханды [117, 72].*

«В горе день её проходил,
Рассвет над морем в горе наставал».

4. Фразеологизмы, выражающие пожелание, заклятие: *къайгъы келмез башына* «ничто не грозит» (досл.) «не придут плохие мысли в голову», *ауруунгу алайым* «заберу твои болезни», *къорунг болайым* «буду молиться на тебя».

*Къарт Дебет а алгъыш этди жашына:
– Нарт элени къайгъы келмез башына [117, 145].*

«Старый Дебет, [выслушав внука], так благословил его:
– Пусть ничто не грозит стране нартов».

5. Фразеологизмы, выражающие стыд: *бетибизни жояды* «позорит», (досл.) позорит наше лицо», *эр (эркек) туююлдю сёзюнде турмайды* «не постоянный», (досл.) не мужчина».

«*Бетибизни жоюп кетди*», – *дедиле [Шырдан]* «Сказали, что он их опозорил [Шырдан]» [117, 241].

6. Фразеологизмы, выражающие мастерство: *къан уста* «мастер» (досл.) до крови мастер», *ташины къысып, сууун чыгъарыргъа* «из камня воду выжать».

*Эл ныгыида олтурадыла къартла,
Таины кыысып, сууун чыгъаргъан нартла* [117].

«Сидят в селе на ныгыше старцы-нарты,
которые из камня выжимают воду».

7. Фразеологизмы, выражающие формулы проклятия: *эки кёзю кърусун* «чтоб ослеп на оба глаза», *къан ауузлу бол* «будь побитым (убитым)», (*досл.*) пусть рот будет в крови», *башынга къан жаусун* «пусть на твою голову падет несчастье» (*досл.*), пусть на голову прольется кровавый дождь», *жол къаны болгъун* «чтобы дорога омылась твоей кровью», *ауузум къррукъ* «чтобы язык отсох», *аман аууз ачдым* «накаркал», (*досл.*) плохой рот открыл».

– *Оспар сёлешдим, башыма къан жаудурдум [Къазанбаш]* «– Глупо говорил, навлек на свою голову несчастье [Казанбаш]» [117].

Так как нартский эпос передается из поколения в поколение в устной форме, то в более поздних вариантах немало фразеологизмов, связанных с религиозными представлениями: *Аллахдан аман тап* «Чтобы Аллах тебя наказал»; *Аллах алдарыкъ* «Пусть Аллах тебя обманет»; *Аллах къргъарыкъ* «Пусть Аллах тебя проклянет»:

Аллахдан аман тап, не сые эсенг да, аны берейим, сен суйгенни этейим, жанымы кьой, – деп тилейди [Эмеген Сосурукъгъа] «Чтобы Аллах тебя наказал, отдам и сделаю все, что ты захочешь, только не убивай, – просит» [Великан Сосурука].

Появление этих оборотов связано с верой в сверхъестественные силы бога, в них присутствует арабское наименование высшего божества *Аллах*.

Подобные фразеологизмы отличаются яркой эмоциональной окраской и используются в различных функциональных стилях с целью негативной оценки того или иного лица.

Анализ данного фактологического материала показал, что фразеология нартского эпоса отличается богатством образов и средствами языкового выражения, умением народа точно и образно выражать свои мысли, при описании психологического портрета эпического героя. Клишированные фразеологизмы отличаются частотностью употребления, выполняют важную художественно-эстетическую роль, способствуют образованию ритмичности и композиционного единства. В эпической фразеологии нашли отражение своеобразие национальных обрядов карачаевцев и балкарцев.

Карачаево-балкарский нартский эпос служит одним из основных источников обогащения выразительных средств современного литературного

карачаево-балкарского языка, содержит большой фразеологический материал, который является средством поэтической характеристики героев и значительно обогащает арсенал выразительных средств языка, разнообразный по своей структуре и источникам.

Своеобразие и оригинальность языка эпоса также достигается употреблением в эпическом тексте *пословиц и поговорок*. В карачаево-балкарском эпосе народ дает высокую оценку человеческому уму и разуму. И в своих пословицах призывает своих наследников неустанно стремиться к нему, быть разумными, мудрыми. Это как высшее счастье. Хотя в текстах нартского эпоса меткие выражения не так широко используются, удивляет их разнообразие, и весьма удачное применение. Пословицы и поговорки в свою очередь способствовали созданию своего рода подлинно поэтического красивого текста. Такие изречения всегда связаны с сюжетным повествованием и выполняют сюжетобrazующую функцию. Она помогает сказителям выразить свою мысль в сжатой форме.

Как и многие тюркские народы, балкарцы называют пословицы и поговорки «словом Нартов» и в них можно сказать вся многовековая мудрость народа. Они имели огромное значение при взаимоотношениях между людьми. Некоторые пословицы и содержат слово «*нарт*».

Къарт болсам да, нартма «Хоть и состарюсь, но останусь нартом».

Как отражение народной мудрости, они обобщают конкретную сюжетную ситуацию, дают ей оценку с точки зрения слушателей.

Например:

*Онгунг болса – къарындаш,
Онгунг болмаса – къанлы баш*

«Возможность есть – брат,
Возможности нет – враг».

*Къайтсанг – алгъышым,
Къайтмасанг – къаргъышым,
Экиси да тенг жетсин*

«Вернешься – вознесу,
Не вернешься – прокляну.
Пусть оба одинаково исполнятся».

Справедливо отмечает Ф.Б. Санъяров, что пословично-поговорочный склад языка эпического памятника, образность и лаконичность

поэтического текста обеспечили необычайно высокую художественную ценность, образец народной речи, неиссякаемый источник литературного языка. Дж.Г. Киекбаев писал: «Обобщенная меткая мысль, житейская философия, присущая пословицам дидактическая функция и, наконец, поэтическое звучание – все это, бесспорно, стало причиной передачи их из поколения в поколение и сохранения в народной памяти» [145, 10].

Тематика балкарских пословиц и поговорок очень разнообразна. Сколько бы ни жил человек, возможность познания безгранична. В пословицах и поговорках выражается душа народа. Так как карачаевцы и балкарцы издавна занимались скотоводством, земледелием и охотой, в такой тесной связи рождались замечательные пословицы, которые отражены в эпосе.

Ит итлугин этер, багуш багуиха ушайды «Собака поступит по-собачьи, мусор похож на мусор» (досл.); *Къонакъ къойдан жууаиш* «Гость покладистее барана»; *Сыр – сырына, суу – ызына айланады* «Человека тянет к своему роду, реку – в русло».

Как и во всем фольклоре, так и в своих пословицах и поговорках, народ дает высокую оценку человеческому уму и разуму. Острота ума народа и мелодичность языка сыграли основную роль в создании пословиц. Ведь довольно часто в балкарских пословицах рифмуются не последние, а первые слова, либо те и другие:

Барама да – кесим тас, бармайма да – бетим тас «А коли пойду – себя потеряю, а коль не пойду, лицо потеряю».

Паремиологический фонд карачаево-балкарского фольклора начал формироваться в глубокой древности. Умелое использование фонда считается признаком остроты ума. В таких тенденциях находит себе выражение героический дух народного эпоса.

В героическом эпосе «Нарты» встречается большое количество афоризмов, которые используются для краткой характеристики отдельных ситуаций:

Онгу болгъан – баида болур «Кто в достатке – тот в почете (во главе)»; *Сормагъан – сиз, айтмагъан – биз* «Вы не спросили, мы не ответили»; *Хыйлачыны эки юлюшю башына* «Мошеннику воздается вдвойне».

Широко используются антонимы в пословицах и поговорках:

Адам – ёсген юйюне къайтыр, осал – тойгъан жеринде къалыр «Человек возвращается в дом, где он вырос, плохой – вернется туда, где насытился»; *Къайтсанг – алгъышым, къайтмасанг – къаргъышым, экиси да бирча жетсин* «Вернешься – вознесу, не вернешься – прокляну, и оба они могут сбыться».

Таким образом, поэтический текст эпоса насыщен пословицами и поговорками, и эмоционально-экспрессивная функция их необычайно широка; довольно широкое употребление образует свойственный сти-ху карачаево-балкарского эпоса особый мелодизм.

Хотя человеческая речь как знаковая система определенного наци-онального языка исследована довольно подробно, ее стилистическая система остается до сих пор актуальной.

В тюркологии все еще остаются неисследованными многие вопро-сы лингвостилистики, что связано с отсутствием общетюркологиче-ских исследований и с неизученностью ряда общелингвистических проблем этого аспекта языкознания.

Основной интерес представляет живая, устная речь как основа су-ществования языка. В связи с развитием письменной и устной речи для некоторых национальных языков появилась необходимость совершен-ствования стилистической системы, или стилей.

В условиях отсутствия специальных работ по изучению языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса для карачаево-балкар-ского языкознания ценен опыт изучения его на материале других язы-ков. До сих пор отдельных исследований, посвященных языку и стилю нартского эпоса, не было. Но этот вопрос попутно затрагивался в тру-дах таких исследователей как Т.М. Хаджиева [85; 181; 182], А.З. Хола-ев [187; 188; 189; 190], в статьях М.З. Улакова [165; 168; 169; 171; 172; 173], Х.Х. Малкондуева [106; 107; 108; 109; 110], А.И. Каравовой [83; 84], Ф.А. Урусбиевой [178], а также изучению данного вопроса помог-ли труды ученых разносистемных языков как: А.В. Щербы [197;198], А.А. Вербицкой [25], З.И. Будаговой [21], Ш.Н. Абдиназимовой [2], вместе с тем использованы материалы из сборников [38; 200; 201] и научных изданий касающиеся данной темы [9; 11; 144; 175; 196].

В настоящее время для карачаево-балкарского языкознания характе-рен переход от описания к классификации языковых явлений, к их ис-следованию в теоретическом аспекте на основе системно-структурного подхода к языку. Однако в карачаево-балкарском языкознании и в тюр-кологии вообще, при исследовании различных ярусов языка привлека-ются далеко не все источники: не уделяется должного внимания богато-му языковому материалу, содержащемуся в произведениях фольклора. Что же касается языковых особенностей эпических произведений, то

они поныне сохранили свои диалектные свойства. Каждый исполнитель воспроизводит содержание произведения, используя собственные речевые ресурсы, у него имеется возможность свободного выбора изобразительных средств. Передаваясь из уст в уста, подобные произведения становятся достоянием всей карачаево-балкарской народности. В результате чего появились разные варианты, региональные и диалектные особенности, заимствованная лексика, архаизмы и историзмы.

При проведении лексико-тематического анализа языка эпоса нами различаются стилистически нейтральные слова и выражения, стилистически дифференцированные слова и выражения, просторечия, которые составляют эстетическую основу языка нартского эпоса, благодаря чему язык эпоса является одновременно простым и народным произведением.

Весьма широкое употребление фразеологизмов, пословиц и поговорок можно считать основным источником лексического богатства и образности языка эпоса. Употребление и анализ стилистических функций фразеологизмов объясняется умением народа красочно выражать свои мысли, ярко и просто описать эпического героя.

Изучение языка карачаево-балкарского нартского эпоса тесно связано с более широкими задачами исследования языка художественной литературы и ее стилей. Поэтому, когда речь идет об обработанности языковых средств устного народного творчества, об их наддиалектном характере, имеются в виду прежде всего языковые особенности устно-поэтического творчества, в котором структура конструкций и предложений обусловлена формой произведения, и для сказителя свобода выбора языковых средств ограничена.

ГЛАВА II

ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «НАРТЫ»

Грамматические особенности языка нартского эпоса охватывают как морфологию разных частей речи (преимущественно словоизменительную систему), так и строение разных типов предложения. Как традиционный жанр устно-поэтического творчества, сохранивший многие архаичные и реликтовые явления языка, нартский эпос отличается не только консервацией в его языке грамматических черт, утраченных территориальными диалектами, но и чрезвычайным своеобразием ряда морфологических и синтаксических признаков. Последние, как правило, носят наддиалектный характер, хотя степень их распространения различна [98, 138]. Однако грамматические особенности языка эпоса остаются наддиалектными в том смысле, что они не ограничены, как правило, рамками одного территориального диалекта.

Грамматические варианты от других вариантов слов отличаются:

1) грамматической системностью, 2) регулярной взаимозаменяемостью, 3) функциональной эквивалентностью грамматического значения в пределах сравниваемых текстов, 4) однородностью сравниваемых структур.

Поскольку анализируемые варианты создаются по образцу существующей грамматической модели, они редко унифицируются правилами орфографии и орфоэпии, функционально тождественны; в количественном отношении в исследуемом языке их больше по сравнению с другими видами вариантов.

2.1. Морфологические особенности

У *глаголов*, на которые приходится абсолютное большинство грамматических вариантов карачаево-балкарского языка, варьируют формы причастия, деепричастия, имени действия, инфинитива, категории времени, аспекта возможности и невозможности, вопросительная форма. У остальных частей речи варьируют лишь отдельные формы: у прилагательных и наречий – степени сравнения, у существительных – падежные формы, местоимений – личные формы сравнения.

В современном литературном карачаево-балкарском языке для первичных и вторичных деепричастий присущи аффиксы типа *-гъынчы/-гинчи*, *-й* и др. В эпосе встречаются случаи наращения их конечным *-ы*, что обуславливается влиянием устной разговорной речи. Текстовые примеры:

*Анасындан жашырдыла ёсгюнчюн,
Тулпар болуп, пелиуан кюч келгинчин* [117,158].

«От матери скрыли, пока не подрос,
Пока не пришла к нему богатырская сила».

– *Мычымайын юйге къайтайыкъ, – деди.*

«– Немедля вернемся домой, – сказал он».

Стилистика форм числа связана с наличием вариантных форм числа. Формы множественного и единственного числа глагола также являются средством выражения экспрессивности. Формы множественного числа появляются в тех местах, когда необходимо указать, что акт действия повторялся несколько раз или когда хотят выразить великое множество чего-либо.

Например:

*Ол ёзенден къачдыла, кетдиле.
Кече къалгъан джерлерине джетдиле.
Кюлю бери ачдыла:
От да кюлюп, джукъланыб
Къарынны ичинде этлени тапдыла* [116, 236]

«Из ущелья они убежали, ушли
Добрались до места, где ночевали.
Они разворошили золу
Их костер давно потух.
И достали сваренное в желудке мясо».

Онсегиз эмеген къыз чыгъып, тамата къыз – кичилерин, бирсилери да ол ыз бла, таматалары, Алауганнга жетгинчин, атларындан тюшюрюп, дорбуннга кийирдиле [117, 146] «Вышли восемнадцать девушек-эмегенш, старшая помогла слезть с коня младшему, другая следующему, и так они забрали всех младших братьев Алаугана».

Следовательно, в языке карачаево-балкарского нартского эпоса часто встречается форма множественного числа. В этом отрывке, например: *къачдыла* «убежали», *кетдиле* «ушли», *джетдиле* «дошли», *тапдыла* «нашли», *ачдыла* «открыли».

Формы единственного числа глагола в текстах нартского эпоса употребляется широко, как в полных, так и в неполных предложениях:

*Баш кётюрюп, халкъынга бир къарачы,
Ауруунгу алайым, жашауунгу жарачы!* [117, 81]

«Подними голову и взгляни на свой народ,
Да перейдут твои болезни ко мне, избавь его от беды!».

Широкое распространение имеет наращение первичного деепричастия на *-май/-мей* аффиксом *-ын/-ин*: *мычымайын* «немедля», *ашыкъ-майын* «не торопясь», *билмейин* «не зная», *бермейин* «не давая» и др.:

– *Мычымайын, юйге къайтайыкъ, – деди.*
«– Немедля вернемся домой, – сказал [он]».

Жангыз кёзю, жукъ кёрмейин, къалгъан эди.
«Его единственный глаз уже ничего не видел».

В отрицательной форме причастия первого лица аффикс *-мазма/-мезме* всегда употребляется в сокращенной форме *-мам/-мем*: *бармаз-ма* > *бармам* «не пойду», *кирмезме* > *кирмем* «не зайду», *унутмаз-ма* > *унутмам* «не забуду», *билдирмезме* > *билдирмем* «не скажу, не сообщу, не дам знать» и др.:

*Къызыл Фукга мен да аны унутмам,
Нартны дертин мен да анга къурутмам* [117, 79].

«Я этого не забуду Рыжему Фуку,
Как нарт я отомщу ему за это».

Къайтып юйюме уа кирмем.
«А домой я не вернусь».

Часто наблюдается сокращение предикативного аффикса *-ды/-ди* в глаголах множественного числа: *тилейдиле* > *тилейле* «просят», *буу-*

майдыла > буумайла «не душат», дейдиле > дейле «говорят», тапмайдыла > тапмайла «не находят» и др.:

– Жибер, Ёрюзмек! – деп тилейле.
«Просят: «Отпусти, Ёрюзмек!»».

Къартла айтхан Дебетни уа тапмайла.
«Но Дебета, о котором говорили старики, не нашли».

– Ой, кюнюнг ахшы болсун, Къызыл Фук!
Сен кетгенли кюн къысхад, битмейд жукъ, ой битмейди,
Байталлагъа тай, къатынлагъа сабий туумайла, ой туумайла,
ой, туумайла,
Жер къуругъанды, сабанла гысты буумайла, ой, буумайла,
ой, буумайла [117, 83].

«– Ой, да пусть будет добрым твой день, Рыжий Фук!
С тех пор как ты улетел, наступила засуха, ничто не растет,
ой, не растет,
У кобыл жеребята, у женщин дети не рождаются,
ой, не рождаются, ой, не рождаются,
Земля иссохла, на нивах снопов не вяжут, ой, не вяжут,
ой, не вяжут».

В текстах нартского эпоса интересно также употребление отрицательной формы глагола и глагольных форм, которые в карачаево-балкарском языке выражаются с помощью отрицательного суффикса -ма/-ме.

– Мен сабий эдим, Фук келген эди къошума, ой, къошума.
Эй, ол да жылкъымы сюрген эди, жукъ бермейин, бошуна,
ой, бошуна, ой, орайда
Нартны дертин мен да анга унутмам, ой, унутмам, ой, унутмам,
Къызыл фукну, тейри, мен да къутултмам, ой, къутултмам,
ой, Фукну къутултмам! [117, 82].

«– [Когда] я был маленьким, Фук приехал в мой кош,
ой, в мой кош.
Ой, тогда он угнал мой табун, ничего не заплатив, задаром,
ой, задаром, ой, орайда!
Его оскорбление я не забуду, ой, не забуду, ой, не забуду,
Клянусь Тейри! Рыжему Фуку я это не прощу, ой, не прощу,
ой, Фуку не прощу!»

При употреблении повелительного наклонения личное местоимение в большинстве случаев отсутствует, так как форма спряжения сама указывает, к кому обращена речь:

*Жер тюбюнден аны къазып алыгъыз,
Сампалына Жамболатны салыгъыз,
Топха къыркъ батман отну къуюгъуз* [117, 81]

«Из-под земли ее, откопав, возьмите,
У запала Жамболата поставьте,
В пушку сорок батманов пороха засыпьте».

Как отмечает Х.Р. Курбатов, при исследовании морфологического строя языка с точки зрения стилистики в первую очередь требуется проведение четкой грани между значением чисто грамматическим и значением коннотативным. Однако это удается не всегда легко. С другой стороны, нельзя забывать, что своеобразие стилистики языка наиболее ярко выступает именно в морфологии, так как «формы и возможности сочетания одного слова с другим и их абстрактно-грамматические значения нередко резко отличаются от аналогичных явлений в другом языке. Кроме того, поскольку они — морфологические категории, имеющиеся в одном языке, нередко отсутствуют в другом языке» [99, 97].

Существительное — богатая стилистическими ресурсами часть речи. Стилистическими возможностями обладают все грамматические категории имени существительных, поскольку им свойственна в большей или меньшей степени вариантность форм и полифункциональность.

В языке карачаево-балкарского Нартского эпоса очень часто употреблены мифонимы и мифотопонимы, выраженные именами существительными:

1) мифонимы: *Анкар, жин, Зулпагар, жел кёрюк, Мичилиу, Тюклеш, желмаууз, эмеген, алмосту, обур, Зинзиуар, Таурус* и др.:

Ма кёремисе, ол бёрюле ёсдюрген сабийледен алмостула жаратылгъандыла «Вот видишь, эти дети, которых вырастили волки, превратились в алмасты»; *Бир желмаууз а къуш тауладан къайтхынчы, аны балаларын ашар, уясын да чачын, кетип турады* «Покуда орел возвратился с гор, дракон съел всех птенцов, разорил гнездо и исчез»; *Нарт удулары не айтсала да, бой салып, ыразы болуп, Зинзиуарны атландырыргъа башлагъандыла* «Нарты, чтобы им не повелели, подчинившись, с охотой отправились за Зинзуаром»; *Алауган, Байрым къызы къарт кърутха айтханча, барын, Къара гумудан Таурус*

кѳушину кѳабынын алды «Алауган, как и посоветовала дочь Байрым, старая знахарка, войдя в мрачный подпол, отломил кусок от Таурусова каравая».

2) мифические топонимы: *Каф тау*, *Кыркѳ суу*, *Кала тау*, *Канчиел*, *Кѳсе тау*, *Куб*, *Буз суу*, *Элхур*, *Тарык*, *Налмаз тау*, *Накѳут-Дорбун* и др. Например:

Ол атласа [Гемуда], Кѳазман тауу титирегенд,
Кѳсе тауну доммайларын ѳкюртгенд [117, 179].

«От его шагов гора Казман тау трепетала,
Зубры ревели на горе Кѳсе».

Языку эпоса характерно употребление имен существительных, образованных аналитическим способом: *Тогѳузбаиш* «девять+голов», *Желбыдыр* «ветер+брюхо», *чийбыдыр* «сырой+брюхо», *Акѳбилек* «белая+рука», *ѳкиѳжюрек* «два+сердце», *сарыкѳулакѳ* «желтый+ухо», *Кичибатыр* «младший+батыр», *кѳобалбатыр* «могущий вставить+батыр», *Кюнѳкѳыз* «солнце+дочь», *Генѳжетау* «генѳже+гора», *Аймѳлек* «луна+ангел», *акѳсакѳал* «белая+борода», *Аллахберди* «Аллах+дал», *ахырзаман* «конец+время», *Байрымѳкѳыз* «байрым+дочь», *отѳджадур* «огонь+поливать», *сегизатар* «восемь+выстрелить» и др. Как видно из этих примеров, в образовании сложных существительных участвуют лексемы различного частеречного происхождения, характеризующиеся многообразием грамматических форм и широким спектром значений. Это предполагает в свою очередь и разнообразие словообразующих моделей:

Аны элинде Акѳбилек атлы бир ариу кѳыз болѳганды «В их селе была очень красивая девушка по имени Акѳбилек».

В эпосе функционируют лексические единицы типа *ата-ана*, *нартла-гуртла*, которые в тюркском языкознании интерпретируются как сложные слова популятивного типа. В них два равноправных существительных связываются между собой способом сочинения. Подобные именные лексемы образуются путем соединения двух функционально самостоятельных и синтаксически равноправных лексических единиц, значения которых контанимируются, в результате чего создается одно новое слово с обобщенным лексическим значением. Например: *ата-ана*, *нартла-гуртла* и др.:

ѳртте заманлада нартла-гуртла дѳжашаѳган бир элге кѳыйын-лыкѳ жетгенди да, ала кѳѳюб кетгендиле «Давным-давно один из аулов, где жили нарты-гурты, постигло несчастье, и они покинули его».

Видимо в основе этого явления лежит стремление народа к обобщенному восприятию окружающего мира [146, 49]. Оно часто используется и в образовании других частей речи.

Сравнивая морфологию эпоса и разговорной речи, можно заметить, что в эпосе удерживаются формы, вышедшие из употребления в обычной разговорной речи.

В карачаево-балкарском эпосе слово *бир* употребляется в роли артикля. Мы согласны с Курбатовым в том, что слово *бир* характеризуется следующими функциями:

1) выражать неопределенность объекта или субъекта (соответствует, например, английскому неопределенному артиклю «a», «an»):

*– Мен юйге кире уа турмайма, – дейди, –
Бир сорлугъум барды да, бир тынгылачы, – дейди [117, 245].*

*«– Я в дом заходить не стану, – сказал, –
Мне только надо у тебя что-то спросить, послушай меня».*

2) Употребляется для выражения неопределенности действия (в значении «что-то»), в то же время не совсем теряет свое прямое значение:

*Бир уллу ёзенде да аны бла къалгъанды, дейди,
Да муну бла да бир ойнай-кюле кетгенди, дейди [117, 176].*

*«В одной большой долине с ней остался, говорят,
С ней, однако, играл-смеялся, говорят».*

На такую полифункциональность данной лексики указывается и в специальных грамматических исследованиях [48, 173].

Аффикс принадлежности 3-го лица ед. числа в текстах эпоса употребляется в словах *атасы* «отец», *анасы* «мать» (в кругу семьи):

*Дебет деген – темирчиле атасы,
Бу таулада болгъанды аны къаласы [117, 70].*

*«Дебет – отец всех кузнецов,
В этих горах был его замок».*

*Ол Сатанай болгъанды нартла анасы,
Ёрюзмек да болуп нарт аскерни атасы [117, 73].*

*«Эта Сатанай была матерью нартов,
А Ёрюзмек был отцом нартского войска».*

Уменьшительная форма существительных на *-чик/-чюк* занимает определенное место в нартском эпосе:

– *Темирчик да мен табарма,
Кёмюр да мен табарма* [117, 187].

«– Железо я добуду,
И уголь я найду».

*Къарашауай ары барыргъа,
Темирчигин отха салды,
Кёмюрчюгюн отха салды.
Къарашауай баса кетип,
Ол кёрюкню уа бузгъанды.
Кёмюрчюгюн а чачдыргъанды,
Темирин а атдыргъанды* [117, 187].

«Карашауай, чтобы поехать туда,
Положил железо в горн,
Угля подбросил.
Карашауай раздувал меха так,
Что разорвал их.
Уголь разметал
Что железо треснуло».

В приведенных примерах уменьшительная форма употреблена с целью принижения чего-либо, что обуславливается лингвокреативным мышлением карачаевцев и балкарцев.

К одному и тому же существительному могут относиться несколько *прилагательных* (или такие же эпитеты могут быть выражены существительными). Слово, которое выражает постоянный признак данного существительного или только ему принадлежащее свойство, ставится непосредственно перед существительным. Остальные эпитеты по тому же принципу занимают свои места или являются определениями друг друга [99, 105]:

*Къонгур мыйыкълы, къой кёзлю,
Ётюрюксюз, кеси тамам бир сёзлю* [117, 81].

«Темноусый, с бараньими глазами [большими],
Правдивый, верный своему слову».

*Гемуда юч аякълы, жез къулакълы,
Болат туякълы болгъанды* [117, 176].

«Гемуда трехногим, медноухим,
Булатокопытным был».

Если нарушить порядок следования эпитетов предложение будет звучать неверно, ибо исказится содержание фраз, обозначится несоответствие контексту.

Стилистические функции *местоимений* формируются главным образом за счет синонимов. Наиболее разнообразны их экспрессивно-стилистические значения, свойственные синонимическим заменам указанной части речи.

Это можно наблюдать в таких случаях, когда лицо занимается самовосхвалением, или мнит себя выше всех, злоупотребляя местоимением *мен* «я» или в том же значении местоимением *биз* «мы».

– *Угъай, биз санга жийиргенмей кьонакъ бола турмайбыз, – деди.*
– *Бир бёлек мал бер да кетме кьой.*

– *Мен не береим? Мен эл кьойларын кютеме, кесими бир кьоюм барды, аны элтигиз, – деди [117].*

«– Нет, не брезгуя, твоими гостями *мы* не станем, – сказал. – Дай нам несколько баранов, и *мы* поедем.

– А что я могу вам дать? Ведь я пасу баранов аульчан. Здесь *мне* принадлежит только одна овца, вот ее и забирайте, – сказал Ёрюзбек».

В нартском эпосе вместо того, чтобы называть имя самого персонажа, часто употребляется местоимение 3-го лица *ол* «он»:

Ол жашларына кичилетип къатын алыргъа, онтогъуз къызы болгъан юйдегини излей, жашлары бла узакъ жолгъа чыкъгъанды.

Ол элге кире баргъанлай, Байрым къызы атлы кьуртха къатыннга тюбеп, элден хапар сурагъанды [117, 87].

«Он хотел женить своих сыновей, начиная с младшего, поэтому отправился с ними в дальнюю дорогу на поиски семьи с девятнадцатью дочерьми.

Когда они въехали в аул, им повстречалась ведунья Байрымкыыз, у которой они обо всем расспросили».

Лично-возвратное местоимение *кесим* «сам» выступает в качестве синонима личных местоимений:

– *Мен кеси атымы да кесим тагъарма, – дейди, –*
Сюйген къызыгъымы да кесим табарма, – дейди.
Кеси атын да кеси такъгъанды,
Жин патчахны къызын да кеси тапханды [117, 109].

«— Я своего коня сам привяжу, — сказал [Ёрюзмек]
И сам выберу девушку, которая мне понравится.
Он сам привязал своего коня,
И сам выбрал дочь падишаха джинов, которая понравилась».

Иногда возвратное местоимение *кесим* «сам» употребляется вместе с личным местоимением, чтобы подчеркнуть возврат действия к субъекту.

Для современного карачаево-балкарского языка присуще употребление аффикса *-ла/-ле* при выражении множественного числа. Однако в эпосе встречается маркер множественности *-лар*, присущи для многих тюркских языков. В эпосе его принимают некоторые местоимения. На сегодняшний день такое явление воспринимается как архаичное:

*Алар тытыл басалла,
Уой, уорайдара!
Алар «Ийнай» айталла,
Уой, уорайдара!* [117, 279]

«Они валяют шерсть – [бурку]
Уой, уорайдара!
Они «Ийнай» поют
Уой, уорайдара!»!

В нартском эпосе *междометия* представляют собой группу слов, которые резко выделяются из всего лексического состава и служат для выражения чувств и волевых реакций субъекта. Междометия, будучи связанными, с выражением различных чувств и волеизъявления человека, широкоупотребительны в тех стилях речи, которые обладают повышенной эмоциональностью. Здесь такие слова обладают своими особыми семантическими и грамматическими особенностями. Семантические особенности слов-междометий сводятся к тому, что они выражают обобщенные и осмысленные в данном языковом коллективе эмоционально-волевые проявления, имеющие в своей основе понятийное значение, хотя и завуалированное чувственной и волевой стороной нашей психики [47, 173].

В народном эпосе встречаются междометия по своему образованию первичные и производные.

Первичные междометия в большинстве своем односложны и этимологическому анализу не поддаются. К ним относятся: *а! ы! о! у! ох! ах! ай! ой! оу! ту!:*

А, адам улу, сен этген муратынга жетдинг! «Эй, человек, ты добился, своего!»

Производные междометия – это группа интеръективизированных знаменательных слов типа: *оллох! аперим! тоба, тоба! асто! аллах-аллах! машалла!*:

Тоба, тоба, джашаусуз, сен бурун адамладан кёреме, – деп темирчи, тамам сейир болуб, садакьны эрлай ишлеп, кьолуна тутдурады «– Тоба, тоба, ты оказывается из нашего рода! – удивился кузнец и, быстро исправив лук, отдал его юноше».

Перечень междометий еще можно дополнить конструкциями типа: *оу эшигим! оу кюнюм! о хахай! ай медет!*:

*– Ай, медет а, адам улу, болалмайма,
Сосурукьну бу оюнун эталмайма!* [117, 123]

*«– Ай, медет, человек, не могу справиться,
Эту игру Сосурука не могу осилить!»*

В эпосе «Нарты» можно встретить следующие семантические ряды междометий:

1. Междометия, выражающие упрек, порицание, чувство досады: *ах! ай! эй!, ий, оу-оу, а, айхай, ма, да.*

– Эй, джаулабмы сюресе, эркелебми сюресе? – деп кьычырды «– Эй, гонишь как врага, или как друга? – крикнул он»; *– Ай, ох-ох-ох, сени бу сёлешген заманыма окьуна солудум, санларыма кюч кирди, анга мен бек кьуанама* «Ай, ох-ох-ох, я отдохнул за то время, что с тобой разговариваю, тело наполнилось силой, я этому очень рад»; *– Ай-хай, манга аллай насып кьайда?* «Ой, откуда мне такое счастье?» и т.д.

2. Междометия, выражающие призыв, обращение: *ой алан, хей, аха, э, эй, ха, ий, э-э-э, ый, ыхы, эй-э, иш-иш:*

Э-э-э, джаш, ол бек хыйла кишиди, анга кьарыу эталмазса «Эй, парень, он очень хитрый человек, ты его не сможешь победить»; *– Ий, жашаусуз боллукъ, нек алдадынг, сен гяур тукьумдан болурмуса? – деп соргъанды [Хубун]* «Да чтоб твой век не был долог, почему ты меня обманываешь, может ты из проклятого рода? – спросил [Хубун]»; *– Хей, ким барды? – деп ат юсунден дорбуннга кьычырды* «– Хей, кто здесь есть? – крикнул в пещеру, верхом на лошади [Дебет]» и т.д.

3. Междометия, выражающие презрение, боль, испуг, чувство сильного опасения: *ой! оу-оу! о-йой-йой! оу, ай, а-а-а-а, уф:*

– Оу-оу, аны ючюнмю джанымы аласа? «– Ой-ой, убить меня собираешься»; *А-а-а-а, келдингми? Атышмы, тутушму? – деди.* «А-а-а-а, явился? Будем стреляться или бороться? – сказал» и т.д.

4. Междометия, выражающие восхищение, удивление: *Аллах! Аллах-Аллах! тоба-тоба! хой-хой-хой!, ярабий, я Аллах:*

– *Ой, Аллах, Аллах, не татлы анам болдунг дейди.* «О, Аллах, Аллах, какой нежной матерью ты стала!»; – *Ярабий, бир кесек къарыу кирген болмазмы? – деп, сагъышлана, эки жыйырманчы чолтусун иче эди* «– Ярабий, выпив сороковой ковш, подумал: – Ярабий, стал ли я сильнее?»; *Аллах-Аллах, быланы сиз былай къырмагъыз, атларыгъызгъа минигиз, ол а жаяулай барсын! – деп айтды Алауган.* «Аллах-Аллах, вы их так не губите, садитесь на своих коней, пусть она идет пешком, – сказал Алауган».

5. Междометия, выражающие сожаление: *ай медет! ай таланган! ай, хомух, айхай:*

– *Ай, хомух! «Сен кишилик этсенг, мен атлыкъ этерме», – деген эдинг да, – деди Сосурукъ атына* «Ой, слабак! Ты же говорил: «Если ты сумеешь быть настоящим мужчиной, то я буду настоящим конем»; – *Ай, таланган! Ачмы болгъанса, къонакъ? «Ай, таланган! Проголодался, гость мой?» и т.д.*

Все междометия произносятся с особой интонацией, которая придает тому или иному междометию дополнительные, иногда весьма существенные оттенки значения, и позволяет связывать с ним одно определенное значение из целого ряда разнообразных, иногда диаметрально противоположных значений, свойственных большинству междометий.

К междометиям примыкают *звукоподражательные слова* (мимемы), ориентированные на условное воспроизведение различных звуковых явлений, слышимых в природе: шелест, бульканье, стук, свист, скрип, звон и т.п., также подражание крикам животных и птиц.

Звукоподражательные слова в лексическом составе карачаево-балкарского языка составляют особую группу слов, которые очень конкретно и образно передают слуховые и зрительные представления, возникающие у человека под влиянием внешнего мира.

В нартском эпосе встречаются такие звукоподражательные слова как:

а) *Ха-ха* (условное обозначение смеха), *хап-хап, кау-куу* (лай собаки), *къаркъ-къуркъ* (крик орла), *гюр-гюр* (шуметь).

Итле, Нёгерни кёргенде, «Хап-хап», – деп, юрюп башлалла «Когда собаки увидели Нёгера, начали лаять»; *Ёрюзмек а ныгъышда: «Ха-ха», – деп кюле эди* «А Ёрюзмек хохотал на ныгыше»; *Къушла каркъ-къуркъ эте эдиле, дейди* «Орлы кричали карк-курк, говорят»; *Ач болуп жайылсала, къыркъ кюнню жукъламай, къара орманлада гюр-гюр этип айлангандыла.* «Когда выходили, проголодавшись, ходили по лесным чащам и шумели»; *Сора итле, ол маскени эслеб, джетиб, анга*

басынганлай, Соджукну ити джетгенди да, итлени кау-куу этиб чачханды «Как только псы, заметив собачку, окружили ее, пес Соджука с криком-воем разогнал других псов».

б) *Чыкър-чукър, чыкър-чыкър* (условное обозначение хруста), *зарх-зурх, зынгар-зунгур* (условное обозначение шума).

Чыкър-чукър эте, пол ууата эди аланы, дейди «С хрустом та начала грызть, говорят»; *«Зарх-зурх! Зарх-зурх!» – деп бир бирини башына къагъа, къочхарла алайгъа жетдиле* «Бараны, продолжая биться рогами, друг с другом, приблизились к этому месту»; *Кёлню бузун чыкър-чыкър этдиргенди* «Сделал так, что лед на озере треснул с хрустом»; *Кереклерин алып, чюйге такъдыла, зынгар-зунгур деп жерге акъдыла*. «Взяв его доспехи, повесили на гвоздь, и с грохотом упали на землю».

По своему происхождению и морфологическому составу в нартском эпосе в основном встречаются удвоенные и утроенные звукоподражательные слова:

1. Удвоенные слова *зарх-зурх, къркър-къркър, мур-мур*:

Бир заманда дорбунну тыш жанында мур-мур тауушла эшитиле башлагъандыла. «Вдруг на внешней стороне пещеры, слышались бормотания».

2. Утроенные слова *маф-таф-уф* (условное обозначение языка великанов):

«Маф-таф-уф», – деп, эмеген тил бла бир бирлерине бир затла айтханларын эшитдиле. «Они услышали, как великаны разговаривали на своем языке».

2.2. Синтаксические особенности

Синтаксис подвергает исследованию живую речь со всеми ее общими (а не индивидуальными) для носителей того или иного языка признаками. Некоторые исследователи пишут о том, что синтаксис не должен ограничиваться лишь письменным отражением речи, ибо это было бы равносильно действиям горе-биолога, который для описания жизни ограничивается изучением неживого организма. Определение предложения, как и вообще весь синтаксис, имеет в виду человеческую речь, а не то несовершенное и бледное отражение, какое она получает на письме [81, 327]. Однако это не означает, что синтаксис не пользуется письменными формами речи, он пользуется ими сплошь и рядом, но не ограничивается только таковыми [147, 95]. Исследователь языка, как носитель его, взяв для исследования отрезок речи (обычное предложение из письменных

произведений), никогда не забывает о том, что отрезок связан с другими отрезками речи, и поэтому всегда знает (или должен знать) те отношения, интонационные и другие своеобразия, которые непременно сопровождают речь, хотя и не всегда обозначаются на письме [210, 959].

Касаясь синтаксиса языка нартского эпоса, отметим, прежде всего, что для «синтаксической структуры текста эпоса в целом характерно преобладание простых предложений, как правило, двусоставных пространственных. Интересно при этом отметить, что динамизм повествования обусловил системную представленность в эпосе однородных сказуемых с финитными формами, с помощью которого достигается мелодичность речи» [64, 72].

Это явление присуще живому разговорному языку, проникает и в письменный литературный язык, удерживаясь в нем вплоть до кодификации книжных форм (использующих соответствующие деепричастные аффиксы на месте повторяющихся и временных показателей за исключением последнего члена).

Характерной чертой языка нартского эпоса карачаевцев и балкарцев является то, что здесь весьма редко встречаются союзы и союзные слова, а связь между словами и компонентами сложных предложений осуществляется главным образом с помощью соответствующей интонации (в современном литературном языке, как известно, синтаксическая связь реализуется чаще всего с помощью союзов и союзных слов, представляющих собой арабо-персидские заимствования).

Синтаксис фольклорных текстов почти одинаков в разнодиалектных вариантах произведений фольклора. Особенно это относится к стихотворным жанрам, где наблюдается очень тесная связь между строением предложений и всей композицией в целом.

Как и в героическом эпосе других народов в карачаево-балкарском нартском эпосе прозаическая часть чередуется со стихотворной. Большую часть составляют стихотворные вставки. «Ритмико-эвфонические особенности, органически связанные с типологической характеристикой тюркских языков (агглютинация и сингармонизм гласных и согласных), присущи не только стихотворной, но и прозаической части эпоса. Аллитерация, парно-повторные слова, образованные сочетанием синонимичных и антонимичных единиц, рифмующиеся слова и словоформы составляют основу не только для стихотворных вставок, но и прозаической части эпоса в целом» [64, 73].

В последние годы языковая норма все больше привлекает внимание исследователей, становясь актуальным аспектом и объектом лингвистических наблюдений. Спецификой синтаксического уровня, непосредственно

связанного с процессом мышления и процессом коммуникации, обусловлена особая роль семантики в организации синтаксических единиц. Правомерно предположить, что это общая особенность синтаксиса должна проявить себя и в области синтаксической нормы [79, 47].

Нормативная оценка синтаксического построения двуступенчата: владение языком предполагает соответствие конструкций правилам грамматики – во-первых, и принципу коммуникативно-стилистической целесообразности – во-вторых [31, 82–83].

В исследованиях, посвященных рассмотрению языковых аспектов карачаево-балкарского героического эпоса, внимание специалистов уделялось в первую очередь лексике, фразеологии; что же касается синтаксиса, то он остается неизученным.

Наша задача изучения синтаксического строя карачаево-балкарского нартского эпоса состоит в том, чтобы дать общую характеристику, указать наиболее существенные черты, составляющие специфику построения фраз в эпическом тексте.

Синтаксис эпоса отличается строгой простотой, композиционным совершенством разнообразных конструкций, четким выделением смыслового ядра предложений и зависимых компонентов. Впечатление о громоздкости синтаксической структуры предложений создается в основном за счет их внушительных размеров. Однако при необычайной протяженности они легко расчленимы на части, а в грамматическом и синтаксическом отношении абсолютно ясны.

Универсальным приемом построения эпического текста является так называемая «нанизывающая» манера изложения событий и действий в описании различных предметов. Она основывается на систематическом повторе в эпическом контексте одного и того же слова, а также словосочетаний, оборотов и предложений, воспроизводимых по единой модели на основе синтаксического параллелизма. Это в основном встречается в *нартских песнях*. Например:

*Нартда барды беш батыр,
Ори, орада!
Бири артыкъ бек батыр,
Ори, орада!
Жолда ала от жарыкъла кёрдюле,
Ори, орада!
– Барыкъ эдик – эл жокъду,
Ори, орада!
Къайтыр эдик, къошда жокъду,
Ори, орада!*

*Энди алайгъа барыргъа,
Ори, орада!
Ёрюзмек, сенден алф жокъду,
Ори, орада! [117, 114].*

«В стране нартов есть пять батыров,
Ори, орада!
А один из них всем батырам – батыр,
Ори, орада!
В пути они огни костров увидели,
Ори, орада!
– Поехали бы [но ведь там] нет аулов,
Ори, орада!
– Завернули бы [но ведь там] и кошары нет,
Ори, орада!
Чтобы туда поехать,
Ори, орада!
Ёрюзмек тебя не достает,
Ори, орада!».

Из этого отрывка видно, как лексический повтор глаголов, а также последовательное расположение параллельных простых предложений, сказуемые которых имеют одинаковое рифмовое окончание (эпифору), создают интонацию и ритм эпического стиха, придают ему экспрессию, порожденную строгой симметрией структурных частей всей строфы [136, 56].

Будучи необходимой закономерностью эпического текста, лексические повторы и синтаксический параллелизм служат своего рода мостом, который перекидывается от одной фразы к другой, чтобы обеспечить их более прочную внутреннюю связь и усилить экспрессивность. В сочетании с аллитерацией (т.е. начальной рифмой) они приносят в архитектуру эпоса особую гармонию и ритмику поэтического сказа. В подтверждение этого обратимся к текстам:

*– Адам улу, Сосурукъну сырпыны уа жютюмюдо?
– Къаяланы, эт жауунлай, кеседи!
– Адам улу, Сосурукъну гебоху уа жютюмюдо?
– Къаяланы, къош бишлакълай, тешеди.
– Адам улу, Сосурукъну садагъы уа жютюмюдо?
– Садагъы уа жулдузлагъа жетеди,
Андан къайтып къалаланы тешеди [117, 126].*

«– Человечий сын, а меч Сосурука остер?
– [Он] режет скалы, словно сало!
– Человечий сын, а острое ли копье Сосурука?
– [Оно даже] скалы, словно сыр, протыкает.
– Человечий сын, а остры ли стрелы Сосурука?
– Его стрелы до звезд долетают,
Упав оттуда, крепости пробивают».

В языке эпоса самым типичным способом организации сложных образований является бессоюзное соединение частей, отношения между которыми устанавливаются чисто логически, путем интонационно-го выделения:

*Ачemezни санлары садакъ окъдан толгъанды,
Кюн да батып, энди бюгюн керти кеч да болгъанды.
Кеч болгъандан сора, Къубу да кетерге суюгенди,
Бакъкъыч къатынына бакъдырмаса, сау къалмазын билгенди.
Ахшам къарангы болгъанда, ол юйюне жетгенди,
Дарман Къара билеуню алып, къатыны усталыкъ этгенди [117, 261].*

«Тело Ачемеza покрылось стрелами,
Зашло солнце и стало совсем темно.
Когда стемнело, Кубу решил [домой] поехать,
[Он] знал – если у своей жены-целительницы не полечится,
[ему] не остаться в живых.
Ночью [когда было очень темно] примчался домой,
Его жена взяла волшебный черный оселок и вылечила его».

При этом сочинительные связи превалируют над подчинительными [143, 74]. Художественно-изобразительная роль причастных, деепричастных конструкций особенно ярко проявляется при описании различных предметов, например, богатырского коня – *Гемуды*:

*Гемуда юч аякълы, жез къулакълы,
Болат туякълы болгъанды.
Бир кёзю кёгде не затны да кёргенди,
Экинчи кёзю кечеледе суулань, тенгизлени тюбюнде
Баргъан туюкню кёргенди.
Ол Минги тауну башы бла узалып,
Ал Кавказны отлауларын отлагъанды.
Бойну бла ышый-ышый, Минги тауну башын кез этгенди.
Таула аллында кырдык къуруса,*

*Чегет Кавказны Минги тау жалпакъларын
Отлап, Къара топуракъ этгенди.
Кири уа битеу нартны сабанына жетгенди.
Ол кишигенде, бууаз байталла ташлап,
Къысыр байталла бууаз болгъандыла,
Ажирле къоркъуп, къуруп-къуруп къалгъандыла.
Гемуда чапханда, ташла от чагъып,
Кёкде жулдузла болгъандыла [117, 176].*

«Гемуда трехногим, медноухим,
Булатокопытным был.
Один его глаз видел все, что в небесах происходит,
Другой – даже ночью в реках, в морях
Плывущую волосинку мог заметить.
Он, вытянув [голову] через Эльбрус,
На альпийских лугах Переднего Кавказа пасся.
Он так часто терся шеей о вершину Эльбруса,
что сделал ее двуглавой.
Покончив с травой у подножья гор,
Он пасся на склонах Эльбруса
И оголял [альпийские луга] Северного Кавказа.
Его навоза хватало удобрять все нартские пашни.
Когда он ржал, [от испуга] все кобылицы раньше времени
жеребились,
А яловые кобылицы становились жеребыми.
А жеребцы, испугавшись [его], все перевелись.
Искры, летящие [из-под копыт] Гемуды при его беге,
[Улетов в] небо, в звезды превращались».

Обращают на себя внимание многочисленные конструкции, представляющие собой эпические обращения к герою. Исполняя роль особой стилистической фигуры, эпический вокатив отличается структурным и функциональным своеобразием. Типичной чертой таких конструкций является то, что они строятся на комбинации различных повторов, прежде всего лексических и грамматических, образующих синтаксическую единицу, эквивалентную по составу одному предложению или нескольким.

С функциональной точки зрения эпический вокатив предстает как развернутая характеристика героя, включающая разнообразные выразительные средства (эпитеты, сравнения, метафоры, гиперболы и т.д.), с помощью которых в яркой образной форме описываются те или иные качества героя, и достигается необходимый стилистический эффект.

Об этом можно судить по следующим отрывкам, являющимися образцами эпической характеристики богатыря:

–*Иги жаш, – дегенди ол, – эрттеден бери санга туберге суююн турганма.* «– Хороший парень, – сказал он, – давно хотел тебя видеть»;

–*Кет-кет, эл алдаган, жер жалаган, уй, аман Шырдан!*

Дунияда адам излеп тапмаган къара тюлкюню ёлтюрген! [117, 241].

«–Прочь-прочь, обманывающий народ, лижущий землю, плохой Ширдан!»

Убивший чернобурю лисицу, которую на земле никто не находит!»;

–*Аллах юйюнгю къурутурукъ а, къырып къояса!*

«– Аллах, что твой дом изничтожит, убьешь ведь!»

В составе эпического вокатива, как отмечалось выше, часто встречаются постоянные эпитеты, закрепленные за определенным героем. Например:

Ишигиз къолай болсун, арыган чийбыдырла!

«Бог в помощь, уставшие толстопузые!» (обращение к эмегенам);

Ой, нарт улу тулпар Алауган!

«Ой, нартский сын храбрый Алауган!».

Здесь содержатся такие постоянные эпитеты как: *обур [Сатанай] – ариу [Сатанай], алф [Ёрюзмек] – деу [Ёрюзмек]* и т.д.

Такого рода формулы-характеристики, традиционные для того или иного героя, употребляются в разных местах эпоса. Повторяясь дословно или варьируясь, они облегчают изложение и запоминание эпического сюжета. Благодаря особой ритмико-синтаксической организации, поэтическому благозвучию и высокой экспрессии, формулы-характеристики служат важным компонентом эпического произведения.

Широкое распространение получили в тексте эпоса анафорические конструкции, созданные не только путем лексико-синтаксического повтора, но и повторением одной и той же суффиксальной морфемы, способствующей ритмико-эвфонической организации стиха:

Улан, кимсе, айт, сюеме билирге,

Ант этеме, Агунданы берирге! –

Дегенинде, Къарашауай бурулду анга.

Деди: «Мени жууабым олду санга:

Нарт Дебетни жашы Алауган – атам,

Эмеген къызды мени анам.

Минги тауда буз тешикте ёсгенме,

Сютюм болмай, буз сяммекле эмгенме» [117, 199].

«Юноша, скажи, кто ты, [я] хочу знать,
Клянусь, отдам тебе [в жены] свою дочь Агунду!
Карашауай обернулся к нему и ответил,
– Мой ответ тебе будет такой:
Мой отец Алауган – сын нарта Дебета,
Моя мать – дочь эмегенши.
Я рос в ледяной трещине Эльбруса,
Не имея, молока, [я] ледяные сосульки сосал».

В разговорной речи, в особенности, в его устной форме, используются в основном простые предложения, причем очень часто – неполные, реже употребляются сложные (в основном бессоюзные).

– *Манга да ийнанырладапайталмайма* «Я тоже не могу сказать, что они мне поверят»; *Къызлары ала, къоя да тургъанма* «[Я ведь] брал в жены, потом оставлял многих их девушек»; *Уучужерлерине да кёнке-рекиргенме* «Часто ходил в места, где они охотились» [117, 225].

При стилистическом анализе разных типов предложений важно также показать их экспрессивные возможности, от которых зависит обращение к той или иной конструкции в определенной речевой ситуации [43, 152].

Определенно-личные предложения в эпосе в сравнении с двусоставными придают речи краткость, динамичность. Такой тип односоставных предложений можно встретить в основном в поэтической речи:

Ол итден туугъан жашны ёлтюрмей къоймам. «Этого собачьего сына живым не оставлю»;

*Нарт элени артларын этерек,
Тыырларын, отларын ёчюлтюрек* [117].

«Уничтожили бы страну нартов,
Разрушили бы их жилища, потушили бы их очаги»;

– *Бир от алып келейим», – деп жортханды.* «– Пойду, принесу огонь», – сказал и уехал».

Определенно-личные предложения придают экспрессию, делают тон более ярким.

Односоставные предложения приведенного типа нейтральны в стилистическом отношении и подчеркнутая глагольность придает им динамизм. Стилистические возможности синтаксиса нартского эпоса расширяются и благодаря тому, что с полными предложениями могут успешно конкурировать и *неполные*, имеющие четкую функционально-стилевую закреплённость и яркую экспрессивную окраску. Их стилистическое использование в речи определяют экстралингвистические факторы и их грамматическая природа.

Неполные предложения образуют диалогические единства, создаются непосредственно в процессе живого общения. В языке эпоса это рассматривается как характерная особенность диалога:

– *Жол болсун, ахшы улан!*
– *Сау бол, – деди Шауай.*
– *Къайдан келесе?*
– *Да былайда Нартдан келеме* [117, 199].

«– В добрый путь, славный юноша!
– Спасибо, – ответил Шауай.
– Откуда ты едешь?
– Да вот, отсюда, из Нарты еду»;

– *Нек тураса? – деп сорду.*
– *Жылкычыгъа келгенме, – деди.*
– *Неге жарарса? – деди.*
– *Жылкычы боллукъма, – деди* [117, 200].

«– Что стоишь? – спросил.
– К табунщику пришел, – ответил.
– На что годишься? – спросил.
– Хочу стать табунщиком, – ответил».

– *Уоу, Рачыкъау! – деп кычырдыла.*
– *Уоу, – деп да бир ауаз* [117, 201].

«– Уау, Рачикау! – крикнули.
– Уау, – вторит голос».

В карачаево-балкарском нартском эпосе сложные предложения (преимущественно бессоюзные) употребляются реже, чем простые. Это объясняется экстралингвистическими факторами: содержание высказываний обычно не требует сложных синтаксических построений, которые отражали бы логико-грамматические связи между предикативными единицами, объединенными в сложные синтаксические конструкции. «Отсутствие союзов компенсируется интонацией, приобретающей в устной речи решающее значение для выражения различных оттенков смысловых и синтаксических отношений» [42, 180].

Тем не менее, имеются эпические сказания, содержащие значительное количество сложносочиненных конструкций. Например:

Къызыл Фук да башы кесилип ауду,
Ол кюн тюшге дери къызыл къан жсауду.

*Тюшден сора таза жсауун жсаугъанды,
Нарт халкына улуу къууанч салгъанды,
Деу Ёрюзмек а къуш уяда къалгъанды [117, 81].*

«Рыжий Фук упал с отрубленной головой,
В тот день до обеда лила красная кровь.
После обеда чистый дождь пошел,
Нартскому народу принес много радости,
А могучий Ёрюзмек остался в орлином гнезде».

Однородные члены предложения можно относить в целом к нейтральным стилистическим средствам синтаксиса, не исключая их выразительности и яркости, так как они имеют большие возможности для использования в различных функциональных стилях.

Тексты нартского эпоса осложнены однородными членами предложения, характеризующими их стилистическую роль. Прежде всего, следует отметить разницу между предложением, имеющим однородные члены, с одной стороны, и также рядом самостоятельных простых предложений – с другой. Второе эмоционально и экспрессивно и используется редко, обычно в приподнятой речи. Стоит лишь заменить ряд имеющихся отдельных предложений одним предложением с однородными членами, чтобы убедиться, как снизится эмоциональность отрывка, а изложение приобретет спокойный, заранее задуманный характер.

Существуют грамматическое, синтаксическое и логическое понятия однородности, которые не совпадают полностью, а лишь соотносятся [150, 47].

Однородными членами предложения грамматически считаются такие члены предложения, которые выполняют в нем одинаковую синтаксическую функцию и объединены одинаковыми смысловыми и синтаксическими связями с каким-либо определенным, общим для них членом предложения. А логическая однородность требует, кроме этого, обязательной смысловой совместимости, соответствия общего родового и частных видов понятий, которые включаются в это же родовое понятие:

1. *Ол (Кюн тейриси) суулары, кёклени, жерлени бегимиди.* «Бог солнца властелин воды, неба и земли»;

2. *Къайнар-тейри бла Жер Тейриси таулары, жерлени, суулары, жулдузлары да жаратхандыла, болдургъандыла, дейди* «Бог воды и Бог земли придумали и сотворили горы, землю, воды и звезды».

3. *Бутун, къолун къалакъ этип тартханды*
Желле сюре, къара жерге атханды [Сатанай] [117, 72].

«Превратив руки и ноги в весла, начала грести,
Ветры, погоняя [ее], на черную землю вынесли».

Из данного примера следует, что грамматическое понятие однородности наиболее шире логического, а выделяемые на его основе конструкции с однородными членами имеют значительно больше изобразительно-выразительных возможностей с их функционально-стилевым применением. Соотносительность этих понятий создает дополнительные условия для использования однородных членов в художественной и в публицистической литературе, благодаря стилистическому приему, построенному на целенаправленном синтаксическом объединении в одном ряду однородных членов при их смысловой несовместимости, то есть при нарушении логической однородности.

Думается, совершенно прав Н.Н. Маевский, считающий, что стилистическое назначение любого языкового средства, его употребление определяются, прежде всего, экстралингвистическими факторами, к которым можно отнести задачи, цели, содержание сообщения, читательскую аудиторию и др. Сюда, по его мнению, следует включить избранную сказителем в связи с этими факторами форму изложения, подачу материала, специфические возможности самого языкового средства [105, 69–71].

В карачаево-балкарском языке, как и в других языках, однородные члены предложения употребляются для описания, и детальной характеристики какой-либо картины действительности, предмета, явления, понятия, признака, действия, что способствует уточнению мысли, помогает придать ей особую убедительность и силу:

Харрала адамлагъа ушайыракъ, уллу, къызыл, тюклюле болуп, хар затны айырмай ашагъандыла. «Харралы были похожими на людей, но были большими, волосатыми, красными и ели все подряд»; *Эмегенле адамлагъа ушайыракъ, эриши, ийисли, акъылсыз, анкъау, менгиреу, эссизле болуп, агъачлада, дорбунлада жашап, ханс, тамыр, не жаныуар тапсала да, ашап жорюгендиле.* «Эмегены были похожими на людей, но некрасивые, вонючие, тупые, бессознательные существа, и жили они в лесах, пещерах, ели корешки растений или животных, в зависимости, что найдут»; *Кеси – ариулань ариуу, акъыллылань акъыллысы, жигерлени жигери, усталань устасы болгъанды* «Сама – красивейшая из красивых, умнейшая из умных, мастерицей на все руки была».

Исследуя языковые особенности «Нартов», мы убедились, что однородные члены предложения в них как стилистическое средство синтаксиса используются с целью: 1) создать у читателя (или у слушателя) образное представление о ком или о чем-либо, а также определенное настроение, вызванное данным описанием; 2) усилить, подчеркнуть

смысловое содержание высказывания, придать речи большую выразительность, эмоциональность; 3) полнее, убедительнее аргументировать, конкретизировать высказанное положение.

Трудно переоценить роль народного эпоса при творении живых художественных картин, портрета и духовного мира, образа передачи его чувств, эмоциональных состояний, усиления гармоничности в авторском повествовании и т.д. В прозаическом языке нартгады конструкции с однородными членами предложения имеют огромный смысл, придавая речи компактность и завершенность.

Однородные члены предложения в карачаево-балкарском нартском эпосе широко используются как средство лаконичного описания окружающей природы, характера и образа нартских героев. Например: *Анда, алайда, дагъыда уллу, бийик Шаушюгют сырт барды* «Там еще есть большое и высокое плато Шаушюгют»; *Къаллай адамла десенг (нартла): къарыулу, батыр, кеслери да уллу санлыла, акъыллы, оюмлу, баи адамла болгъандыла* «Если спросишь какие люди нарты: сильные, смелые, громоздкие, умные люди».

*Ариулугъу таишы, тауну жарыта
Хар бир затны ол кесине къарата [Сатанай] [117, 71].*

«Красота [Сатанай] камни и горы озаряла,
Всех вокруг заставляла на себя глядеть».

Эти образы и сравнения в процессе передачи определенного содержания оказывают на читателя психологическое и эстетическое воздействие. Ведь именно в художественной литературе неразрывно реализуются две языковые функции: функция воздействия и функция сообщения.

Однородные члены предложения по содержанию не должны повторять друг друга. Но синонимы все с возрастающим или наоборот, меньшим по объему содержанием могут употребляться, и это есть один из приемов экспрессии речи (градация) [99, 72]. Например:

*Къууурурма, кюйдюрюрме жашагъан жеригизни,
Жыйырырма, къартайтырма бетлеригизни.
Къурушуула, сёдегейленирле аякъларыгъыз! [117, 80].*

«Опалю, сожгу земли, на которых вы живете,
Сморщу, состарю ваши лица.
Скрючатся, искривятся ваши ноги!»

В карачаево-балкарском нартском эпосе, как обычно, перед однородным последним членом ставится союз эм «и», а когда этот союз отсутствует, то перечисление предметов или лиц одного класса или группы еще не закончено, и будет продолжаться дальше:

Нартда жангыз онгсуз къартла, тиширыула эм сабийле къалгъанларын билип, эмегенле нарт элгеге чабыуулукъ этгендиле «Узнав, что в стране Нартов остались только беспомощные старики, женщины и дети, великаны напали на нартские аулы».

В устном народном творчестве карачаевцев и балкарцев употребление однородных членов, выраженных глаголами, в диалогах еще больше усиливают значение решительности, иронии, гнева, насмешки, понуждения и т.д.

Также огромную роль однородные члены предложения, выраженные глаголами, играют и при раскрытии противоречивых сторон одного и того же понятия, при противопоставлении образов, обрисовке характера персонажа: *Къуш балала буюкъдула, алай алагъа хата этмезин кёргенде (Сосурукъ), къууандыла, аны бла шагъырей болдула* «Птенцы орла сначала сжались от испуга, но когда поняли, что им ничего не грозит, обрадовались и тут же познакомились с ним (Сосуруком)».

*Отха салып, къып-къызыл кызыдырады,
Жутады да, ызына чыгъарады (эмеген)* [117, 122].

«Докрасна закаляет,
Заглатывает и вытаскивает вновь».

*Бир заманда ол (эмеген) уянды, сюелди,
Кёз ичинде атлыны сермеди*

«Вдруг он (эмеген) проснулся, встал,
схватил всадника в глаз».

В эпосе «Нарты» заслуживают внимания предложения, содержащие в себе однородные причастия, деепричастия, а также причастные и деепричастные обороты:

Ол заманда адамла кыйын, къарангы жашауда жашап, неден да къоркъа, бугъа, буюгъа тургъандыла. «В те времена люди жили тяжело и в невежестве, боясь и остерегаясь всего»; *Сосурукъ, ол (Сатанай) айтханча, юлешип тамамлагъандан сора, келе келип, бир къаяланы тюбюнде тохтап, сырпынын чыгъарып, ол эмегенни ёнчегинден кесине жетген кесегин, сырпынны аузуна бир тартып, къаланы сермегенди.*

«Сосурук, как сказала Сатанай, раздал (куски пищевода эмегена) и на обратном пути остановился у одной крепости, вытащив меч (Сосурук), провел по его лезвию кусочком пищевода эмегена, который пришелся на его долю, и, размахнувшись, ударил по крепости».

Наблюдается также употребление одинаковых падежных окончаний, вместе с каждым однородным членом, что дает возможность обратить внимание читателя на конкретный однородный член:

Тауладан, тенгизледен, сууладан ётюп, бир уллу къара агъачны ичинде тала барды. «Перейдя через горы, океаны, реки, среди большого черного леса есть поляна».

Употребление одинаковых падежных окончаний предложного падежа *-дан/-ден* в однородных членах предложения наблюдается тогда, когда автор хочет обратить внимание читателя на каждый из этих однородных членов. Включение в текст распространенных однородных членов предложения позволяет дать подробную, детальную обрисовку предмета, явления, расширенную характеристику какой-либо картины действительности, сохраняя, вместе с тем, относительную лаконичность изложения по сравнению с текстами, где используются синонимичные конструкции иного типа.

Грамматические особенности языка нартского эпоса охватывают как морфологию разных частей речи (преимущественно словоизменительную систему), так и строение разных типов предложений. Как традиционный жанр устно-поэтического творчества, сохранивший многие архаичные и реликтовые явления языка, нартский эпос отличается не только консервацией в его языке грамматических черт, утраченных территориальными диалектами, но и чрезвычайным своеобразием ряда морфологических и синтаксических признаков.

Грамматические варианты в карачаево-балкарском нартском эпосе от других вариантов слов отличаются: грамматической системностью, взаимозаменяемостью, функциональной эквивалентностью грамматического значения в пределах сопоставляемых текстов, однородностью сравниваемых структур.

Поскольку рассматриваемые варианты создаются по образцу существующей грамматической модели, они редко унифицируются правилами орфографии и орфоэпии, функционально тождественны; в количественном отношении в исследуемом языке их больше по сравнению с другими видами вариантов.

У глаголов, на которые приходится абсолютное большинство грамматических вариантов карачаево-балкарского языка, варьируют формы причастия, деепричастия, имени действия, инфинитива, категории времени, аспекта возможности и невозможности, вопросительная форма. У остальных частей речи варьируют лишь отдельные формы: у прилагательных и наречий – степени сравнения, существительных – падежные формы, местоимений – личные формы сравнения.

Синтаксис эпоса подвергает исследованию живую речь со всеми ее общими для носителей того или иного языка признаками. Тексты нартского эпоса осложнены однородными членами предложения, характеризующими их стилистическую роль.

Грамматические особенности языка которого охватывают как морфологию разных частей речи (преимущественно словоизменительную систему), так и строение разных типов предложения, «Как традиционный жанр устно-поэтического творчества, сохранивший многие архаичные и реликтовые явления языка, эпос отличается не только консервацией в его языке грамматических черт, утраченных территориальными диалектами, но и чрезвычайным своеобразием ряда морфологических и синтаксических признаков. Последние, как правило, носят наддиалектный характер, хотя степень их распространения различна» [117, 98].

Касаясь синтаксиса языка нартского эпоса, отметим, прежде всего то, что здесь преобладают простые предложения, весьма редко встречаются союзы и союзные слова, а связь между словами и компонентами сложных предложений осуществляется, главным образом, с помощью соответствующей интонации.

Синтаксис эпоса отличается строгой простотой, композиционным совершенством разнообразных конструкций, четким выделением смыслового ядра предложений и зависимых компонентов. Впечатление о громоздкости синтаксической структуры предложений создается в основном за счет их внушительных размеров. Однако при необычайной протяженности они легко расчленимы на части, а в грамматическом и синтаксическом отношении абсолютно ясны.

ГЛАВА III

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «НАРТЫ»

Стилистическая система карачаево-балкарского языка, как и любого другого развитого национального языка, вырастает из взаимодействия общественно обусловленных речевых и экспрессивных форм и образующих их языковых средств. Стиль речи состоит из относительно ограниченных структур речи.

Становление и формирование стилей карачаево-балкарского языка началось задолго до образования его литературных норм. С дальнейшим развитием национального литературного языка и в становлении его норм, также в изучении истории развития, народный язык, несомненно, может стать основой, так как современный карачаево-балкарский язык своими корнями сплетается с народным языком, и ибо лексико-грамматические, стилистические, орфографические нормы заложены в народном языке.

Думается, что М.З. Улаков, определяя развитие и становление стилей карачаево-балкарского языка, справедлив, что «долитературный период формирования данного языка характеризуется бытованием в лексико-семантической системе функционально-разговорного стиля, в состав которого входят такие «подсистемы как уучу тил «охотничий стиль», келишим тил «деловой стиль», келечи тил «стиль сватовства», къара сёз «форма повествования», назму тил «стиль поэзии». Известно, что «форма повествования» и «стиль поэзии» носили наддиалектные черты и именно они формировали основы карачаево-балкарского литературного языка. Здесь отразились самые яркие черты национального языка, и этими формами изложены фольклорные произведения, а также первые письменные памятники карачаевцев и балкарцев» [165, 126].

По мнению Халикова М.М.: «Функциональная стилистика изучает реальную картину употребления языка в различных социально-значимых сферах общения. Язык – объект многомерный, как в плане системно-структурного построения, так и в плане функционально-коммуникативном. Этим предопределен автономный – до известной степени – характер двух соотносительных и взаимодополнительных аспектов стилистического изучения языка – экспрессивной и функциональной стилистики. Их интересы часто пересекаются (например, когда речь идет об экспрессивной лексике разговорного употребления), но в целом они ориентированы на изучение языка как функционирующей динамической системы в разных ракурсах [184, 7].

С точки зрения функциональной стилистики особого внимания заслуживает древнейший героический нартский эпос карачаевцев и балкарцев, характеризующийся чрезвычайно богатыми и разнообразными особенностями языка, стиля и поэтики. Рассматривая стилистические особенности эпоса, целесообразно выделить специализированные элементы каждого стиля на всех уровнях языка: лексики, фразеологии, морфологии и синтаксиса.

Язык эпоса представляет собою замкнутый набор значимых единиц и систему правил их соединения и функционирования в текстах, – с этой стороны он обладает устойчивостью, известным постоянством. В рамках такого устойчивого постоянства мы сталкиваемся с многообразием, которое осуществляется через варьирование и трансформацию значений и применений, через сдвиги, наложение новых смыслов, замещение прежних. В процессе живого функционирования закономерно возникают гибридные образования, дает себя знать разностадийный семантический синкретизм: обилие «сдвинутых» значений пронизывает систему, окрашивает тексты, происходит обогащение и усложнение эпического содержания [134, 9].

Изучение стилистических особенностей нартского эпоса открывает новые возможности для раскрытия литературного образа, художественного мира произведения в целом. Художественный образ может существовать только в словесной форме. Слово или язык является материальным носителем образности.

Язык является первоосновой поэзии как письменной, так и устной. Нельзя изучать особенности как литературного, так и фольклорного произведения, не зная того «первоэлемента», из которого создаются эти произведения [18, 107].

Лексический состав эпоса в лингвистическом понимании можно рассматривать как особый стилистический пласт, противопоставленный

языку художественной литературы, а вместе с ним и другим языковым стилям.

Изучение языкового богатства произведений карачаево-балкарского нартского эпоса, его стилистических и художественно-изобразительных средств дает возможность не только глубоко и разносторонне оценить эти произведения, но и помогает изучению карачаево-балкарского языка.

В быту карачаевцев и балкарцев нартские сказания существуют в двух основных формах – певческой (музыкальной) и прозаической, или в сочетании обоих форм [8, 82].

Именно язык поэзии дает возможность максимально выявить семантические и стилистические особенности слова, подчеркнуть тонкие оценки смысла и выразить авторскую оценку явлений. В этом отношении наибольший интерес представляют *нарт жырла* «нартские песни», то есть произведения, существующие в поэтической форме.

Песенный фольклор карачаевцев и балкарцев исследователь А.И. Рахаев относит к типу эпического повествовательного творчества, и считает, что песни нартского эпоса в своей морфологии почти полностью следуют определенной В.Я. Проппом морфологии волшебной сказки. И, что параллельно ряд элементов сюжетики эпоса сближается с мифом [139, 94].

Для песенной эпики карачаево-балкарского нартского эпоса характерен развитый сюжет и эпический стиль повествования с многократными повторами одних и тех же эпизодов. В силу этого изучение стихотворной речи является одной из важнейших задач теоретической стилистики.

Стихотворная часть в основном выполняет функции диалогов, то есть прямой речи эпического персонажа. В нартском эпосе эта часть занимает основное место, а в более поздних текстах заметно увеличивается объем прозаической части произведения. В поэтической части эпоса язык раскрывает все свои возможности, так как требования к нему здесь максимальные. Образно говоря, поэзия как бы выжимает все соки из языка, язык при этом превосходит здесь самого себя.

В контексте нашего исследования особо следует выделить сказания об основных героях эпоса – *Сосуруко*, *Дебете*, *Ачемезе*, *Ёрюзмеке*, *Сатанай*, *Карашауае* и др. В них особое внимание обращает диалектный архаизм лексики, ее выразительность, эмоциональность. «Для карачаево-балкарского нартского эпоса характерна эмоционально-экспрессивная функция стилистических приемов. Эмоционально-экспрессивными словами обычно интерпретируются разновидности

высоких и сниженных стилистических средств языка. Они составляют значительную часть карачаево-балкарской лексики. На эмоционально-экспрессивную окраску слова накладывает отпечаток его значение, которое содержит элемент оценки и значит, что номинативная функция слова осложнена экспрессивностью» [170, 21].

В нартском эпосе эмоциональность слов выражает субъективное отношение говорящего к объекту речи, его чувства и настроение. Она может выражать положительную или отрицательную оценку, передающую различные оценки чувства: *Мондай эмеген да анга ийнанды*. «Глупый великан в это поверил»; *Эмегенле адамлагъа ушайыракъ, эриши, ийисли, акъылсыз, анкъау, менгиреу, эссизле болуп, агъачлада, дорбунлада жашап, ханс, тамыр, не жаныуар тапсала да, ашап жюриюгендил*. «Великаны были похожими на людей, но уродливыми, вонючими, тупыми, распущенными, бестолковыми, несообразительными и жили в лесах, пещерах, питались травами, корнями, съедали все живое без разбору».

В приведенных примерах описываются великаны, являющиеся отрицательными героями нартского эпоса. Здесь эти качества определяются прилагательными *мондай* «глупый», *эриши* «некрасивые», *ийисли* «вонючие, зловонные», *акъылсыз* «тупые», *анкъау* «распущенные», *менгиреу* «бестолковые», *эссизле* «несообразительные».

Антонимичными героями в Нартиаде являются нарты. На протяжении всего эпоса они противопоставляются великанам и по качествам характера, и по внешним данным.

Традиционность фольклора наиболее ярко отражается в устойчивости многих, так называемых «общих мест» эпических клише. Мокриенко В.М. пишет о том, что «устное народное творчество насквозь пронизано устойчивыми формулами, стереотипными образами и сочетаниями, они подобны разноцветным камешкам, из которых складывается мозаика фольклорного целого» [114, 203].

Таковыми общими местами в нартском эпосе являются: 1. Портретные характеристики персонажей эпоса, в основном главных врагов нартвов — эмегенов. 2. Стереотипные описания догоняющего героя противника, чье приближение нередко уподобляется стихийным силам природы. 3. Единоборство нартского героя с эмегеном. 4. Коварство эмегенов. 5. Гибель врага только от своего оружия. 6. Богатырское детство будущего героя. 7. Пребывание богатырского коня героя в подземелье, где также в черном сундуке спрятано оружие. 8. Богатырство коня. 9. Укрощение и испытание коня. 10. Вызов противника (угон лошадей). 11. «Предварительная недооценка героя» (А.П. Скафтымов). 12. Магические действия нартских героев (закливание природных явлений, универсальное оборотничество) и т.д. [182, 52].

Тексты произведений нартского эпоса содержат богатый лексический материал, поэтому наибольший интерес представляет язык фольклора, изучаемый с лексико-стилистической стороны. Письменно тексты изучаемого карачаево-балкарского эпоса были зафиксированы после многих веков устной передачи от поколения к поколению. Что же касается стиля и лексических особенностей этих произведений, то эта тема остается малоисследованной и актуальной. Но, благодаря бесконечным сюжетным возможностям в произведениях нартского эпоса можно отметить широкую палитру возможностей. Исследование в лингвостилистическом плане текстов эпоса позволяет раскрыть новые качества карачаево-балкарского литературно-художественного языка, подробно рассматривает эмоционально экспрессивные функции стилистических приемов, характерных для героических эпосов.

В качестве основных понятий и категорий лингвостилистики в нартском эпосе можно выделить стилистические функции таких художественных средств как: прямая речь, повторы, эпитеты, сравнения, метафора, гипербола и др.

Лексический материал исключительно важен для постижения национального колорита нартского эпоса, так как именно в языке эпоса традиционные формулы приобретают эмоционально-экспрессивную неповторимость.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод, что особую роль в определении особенностей языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса играет анализ стилистических функций и его художественных средств.

3.1. Традиционные формулы

Значительное место в арсенале художественных средств, используемых в народно-эпических сказаниях, занимают устойчивые поэтические фразы, которые в научной литературе получили известность как «устойчивые формулы», «эпические клише» и т.д., переходящие от одного поколения к другому почти не подвергаясь изменениям» [154, 65].

Многими поколениями сказителей карачаево-балкарского фольклора был выработан круг устойчивых моделей (поэтических формул) для описания различных сцен и эпизодов. В данной работе нам хотелось бы дать более подробную характеристику традиционных формул на материале широко известного героического нартского эпоса карачаевцев и балкарцев. Такой анализ, как нам кажется, будет способствовать

определению статуса языка эпической поэзии, его места среди наддиалектных форм речи.

Обработанность языка карачаево-балкарского нартского эпоса особенно наглядно проявляется именно в таких устойчивых словесных моделях (формулах), которые считаются одним из основных признаков языка эпоса. Эти речевые формулы дают концентрированное отображение некоторых черт национальной самобытности, специфики языка, мировоззрения народа, особенности его художественного мышления.

Традиционные формулы и эпитеты составляют существенную черту эпических традиций у различных народов, поэтому в проблеме, связанной с языком фольклора, по своей значимости и выделяется этот вопрос. «Традиционные формулы и другие языковые элементы фольклора ярко отражают особенности как устно-поэтической речи, так и композиционного строения разных жанров устного народного творчества» [96, 48].

Основной характерной чертой карачаево-балкарского нартского эпоса является то, что традиционные формулы и эпитеты тесно взаимосвязаны между собой. Эпические формулы представляют собой характеристику героя, описание его силы, храбрости, внешнего облика, боевого снаряжения.

Традиционные формулы и эпитеты дают представление об эпическом идеале героя, его месте в эпическом мире, его отношении к той художественной действительности, которая изображена в конкретном эпическом произведении.

Справедливыми в данном отношении можно считать слова А.Н. Веселовского, что история эпитета есть «история поэтического стиля... и поэтического сознания, а традиционные формулы выражения наполнены содержанием очередных общественных мирозерцаний» [22, 73].

Народный эпос карачаевцев и балкарцев, продолжающий и в наши дни свои эпические традиции, сохранил строевые признаки, которые позволяют по-новому ставить вопросы общей теории и типологии.

Для более глубокого осмысления вопросов формирования древних эпических произведений специалисты обращаются к живым традициям языка эпической поэзии. В понимании общих вопросов эпоса живая эпическая традиция, анализ его поэтики и языка, в особенности произведений, бытующих в народном фольклоре в поэтической форме, могут внести существенные коррективы. Для общей теории эпической поэзии, ее языка, поэтики, на наш взгляд, значительный интерес представляет анализ материала сказаний об основных эпических героях нартского эпоса и связанных с ними традиционных эпитетов, формул. Подобный анализ дает возможность выявить слабые места некоторых

теоретических положений о языке эпической поэзии, определить место языка эпической поэзии среди наддиалектных форм речи.

Значительный вклад в понимание сущности эпических формул внес В.М. Жирмунский, который показал неразрывную связь этого явления с традиционностью патриархального быта, а также с типизирующим характером мышления и стиля.

В языке эпической поэзии традиционные формулы, бесспорно, относятся к наиболее ярким его компонентам. «Традиционные формулы восходят к глубокой древности, отражая особенности поэтического мышления, в котором типическое и традиционное преобладает над индивидуальным» [76, 194].

Традиционные формулы, как и народный эпос, многослойны. В них выделяются разные пласты. Эпические модели связаны со стилистическими и композиционными принципами строения карачаево-балкарского нартского эпоса. Они выражают свойства и качества не только героев произведения, но и всего эпоса. Но в то же время нельзя утверждать, что «язык эпоса от начала до конца является формульным», — что доказывает А.В. Десницкая [70, 32].

Это подтверждается изучением языка карачаево-балкарского нартского эпоса. Поскольку в любом сказании, даже в самом древнем, архаичном по своему сюжету имеются новообразования, то есть отдельные отступления от эпических моделей, построения формульных выражений и традиционных эпитетов, что является закономерным, то такой эпос развивается как жанр устно-поэтического творчества. «Само понятие «устно-поэтическое творчество» несовместимо с понятием полной консервации языковых, стилистических и композиционных средств, хотя устойчивость и традиционность последних — одна из характерных черт эпической поэзии» [98, 177].

Для изучения языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса важно отметить, что некоторые произведения народного эпоса включают элементы не только стихотворного повествования, но ряд таких произведений существует в сочетании двух форм: певческой и прозаической. И эти произведения могут исполняться в разных вариантах. Но степень варьирования и формульности определяется разными факторами. Мы солидарны в этом вопросе с А.В. Десницкой, которая считает, «что певец может дословно повторять одно и то же произведение множество раз, держать в памяти весь текст произведения, в том числе стереотипные формулообразные языковые единицы, метрические каноны, веками сложившиеся особенности народного стихосложения. Это свидетельствует о том, что устойчивость эпического текста

определяется не только наличием в памяти певца устно-поэтических формул-моделей, но и большей ролью, которую играют заучивание и запоминание готовых текстов в процессе устной передачи песен от поколения к поколению» [70, 66].

Языковые и стилистические особенности традиционных формул народного эпоса, в особенности эпической части, объясняется не только тем, что они являются продуктом устного народного творчества. Своеобразие традиционных формул во многом связано с их назначением, формой исполнения. Многие циклы нартского эпоса, в том числе и очень древние, архаические произведения устной эпической поэзии по своей форме являются стихотворно-песенными и предназначены для музыкального исполнения.

Отличительными признаками языка формул нартского эпоса являются не только наличие особого стиля лексики, связанного с народным героическим эпосом, но так же их синтаксическое и морфологическое строение. Язык традиционных формул карачаево-балкарского нартского эпоса имеет свои дифференциальные признаки.

Типические формулы карачаево-балкарского нартского эпоса Т.М. Хаджиева (1981) делит на следующие виды:

- 1) атрибутивные формулы;
- 2) формулы сравнения;
- 3) устойчивые формулы, выраженные прямой речью;
- 4) устойчивые формулы-зачины;
- 5) эпические формулы [182, 56].

Атрибутивные формулы включают в себя постоянные эпитеты прилагательные, субстантивные определения, употребляющиеся в сочетании с именами персонажей нартского эпоса; эпитет «... становится постоянным в силу своей смысловой выразительности, эпитет особенно рельефно выделяет существенные черты определенного явления» [60, 68]. К ним также относятся стереотипные формулы-характеристики эмгенов, характеризующие отдельные типичные признаки предметов и явлений.

В нартском эпосе у каждого героя имеется основной (постоянный) эпитет, определяющий стержневой элемент его характеристики и физического состояния. Каждый эпитет присоединяется только к одному именованию героя. Стилистическое использование их в нартском эпосе является особенностью его языка. Например, эпитетами положительных героев эпоса являются: *нарт* «нартский», *деу* «могучий», *ариу* «красивый», *алф* «великий и гигантский», а его врагов: *мондай* «глупый», *аман*

«плохой», «подлый», *ийисли* «вонючий» и т.д. (*нарт Сосурукъ, деу Алауган, ариу Сатанай, алф Ёрюзмек; мондай эмеген* и т.д.).

В языке эпоса встречаются также эпитеты-характеристики: *Аны бёрю тону да желпегей, эки мыйыгъы да, кёрпелей (Ёрюзмек)*. «Его волчья шуба внакидку, его усы подобны мерлушке (Ёрюзмека)»; *со-стар таишдан туугъан Сосурукъ*. «Сосурук, рожденный из камня»; *жангыз кёзлю эмеген* «одноглазый эмеген» и т.д.

Необходимо отметить и то, что большинство формул-эпитетов общетюркского или древнетюркского происхождения, к которым относятся эпитеты, характеризующие главных героев-богатырей эпического произведения. Например:

Деу Ёрюзмек къызып баргъанды даугъа: – Энди жасакъ бердирмем, – дегенди, – санга – «Могучий (великий) Ёрюзмек, разгневанный пошел к нему (Фуку): – Теперь не позволю нарта́м платить тебе дань, – сказал»; Обур Сатанай да ол ишине билгенди, Ёрюзмекге жер атын жибергенди «Хитрая Сатанай узнала про это, и послала Ёрюзмеку его коня-ветра».

Отрицательные персонажи нартского эпоса характеризуются соответствующей сатирической формулой. Например: *мондай эмеген* – «глупый эмеген», *аман гадур* – «подлое существо» и т.д.:

Мондай эмеген да анга ийнанды «Глупый эмеген поверил ему»; *Бу аман гадур хыйла этер, деп кьоркъгъанды*. «Он [Сосурук] испугался, что это подлое существо его обманет».

Здесь эмоционально окрашенные лексемы «*мондай эмеген*», «*аман гадур*» обозначая предмет и те или иные чувства, эмоции говорящего, выполняют две функции – номинативную и экспрессивную. Помимо предметного содержания эти слова включают в себя большее пренебрежительное, презрительное экспрессивное значение и придают повествованию большую выразительность.

Типическим формулам-сравнениям также характерна образность. Передавая внутренние страдания героев, сказитель прибегает к иносказанию:

*Нарт Ёрюзмек жел атына миннгенди,
Кёкча кюкюреп, ол нартлагъа келгенди* [117, 81].

«Нарт Ёрюзмек сел на своего коня-ветра,
И, гремя как гром, пришел к нарта́м»;

Хар бир жиги (Дебетни), безги киби́к, ачылгъанды «Каждый сустав его раздвигался, точно петля»; *Къылычлары (Дебетни) ташланы, санынныча кесгендиле* «Его (Дебета) мечи камни словно мыло рассекали».

В карачаево-балкарском нартском эпосе широкое распространение получили устойчивые формулы выраженные прямой речью. Они имеют ряд разновидностей:

а) Контактные формулы-приветствия нартвов и эмегенов «великанов»:

– *Кюн ахшы болсун, чийбыдыр!* «Добрый день, сыробрюхий!».

– *Сау кел, татлы къабын!* «Добро пожаловать, лакомый кусочек!»

[117, 127].

б) Формулы-обращения:

Къарашауай, барып, Ёрюзмекге тилейди:

Ауруунгу алайым а, къорунг болайым [117, 197].

«Къарашауай пошел и Ёрюзмека попросил:

Да перейдут твои болезни ко мне, да буду жертвой за тебя!»

в) Формы вызова на бой:

Къалагъа тюгел да жетгинчи бир эмеген (Чюердини),

чартлап, аллына чыгъып:

Атышмы, тутушууму? – деп кыычырды.

Атышхан къатынла да этедиле – тутушууу [117, 258].

«Он еще не успел доехать до замка,

как его (Чюерди) схватил эмеген:

Стреляться или бороться? – спросил он

Стреляться могут и женщины – борьба».

г) Формулы гнева.

– *Ашыкъ бла байыкъмай, итден туугъан, баиша ырысхыдан толсанг а!* (Ачемез) [117, 270]. «– Разбогател бы ты, рожденный собакой, не альчиками, а чем-нибудь другим».

д) Традиционные восклицания:

Ай, таланган! Ачмы болгъанса, къонакъ? «Ну и ну! Неужто, проголодался, гость?»; *Ай медет а, адам улу болалмайма!* «Увы, сын чело века, неумогу мне!».

е) Формулы-проклятия:

Ай, кюнюнг, кеченг да аман болсун!

Къабан тишилини тишлери къайырылсын,

Къабан тишли гумулжукладан айырылсын! [117, 89].

«Да будут твои день и ночь недобрыми!»,
«Пусть выпадут зубы у кабанозубого,
Пусть кабанозубый с муравьями расстанется!».

Постоянством в языке эпоса отмечены устойчивые формулы-зачины: распространен зачин, предваряющий повествование и указывающий на время: *эртте-эртте* «давным-давно», *бир жол* «однажды» и т.д.

Важно отметить, «...что эпические зачины не только носят национально-наддиалектный характер, но также отличаются структурными признаками, общими для всех западно-кавказских языков. Это обстоятельство свидетельствует о том, что принципы их построения восходят к глубокой древности» [156, 54].

В структуре эпоса нашли свою нишу также эпические формулы, с помощью которых передаются процессы, действия или события. Их встречается значительное количество. Нами выявлены следующие разновидности формул:

а) формулы, характеризующие быстрый чудесный рост будущего героя.

Юч жыллыкъны (Къарашауай) ол юч кюннге ёседи «За три дня он вырастал как – за три года;

б) формулы, ориентированные на описание длительности боя:

Юч кече бла юч кюн уруихандыла. «Они боролись три дня и три ночи»;

в) традиционная формула, описывающая укрощение богатырского коня: *Жел Гемуда юч кере кёкге чыгъып, юч кере жерге тюшдю.* «Гемуда как ветер три раза поднялся в небо и три раза опустился на землю»;

г) формулы количественной семантики:

Нелляй бир баргъанын ким билсин. «Кто знает, сколько он шел»;

д) устойчивые словесные модели, какими сказитель пользуется при описании боевых сцен и подвигов героев: *Ачезни санлары садакъ окъдан толгъанды.* «Тело Ачеза покрылось стрелами», *Деу Ёрюзмек уруп (эмегени) башын тайдырды.* «Могучий Ёрюзмек ему (эмегену) снес голову»;

е) готовые формулы-характеристики, использующиеся и при описании эпических героев, их оружия, одежды, коня, упряжи:

*Ол Дебетни отдан болгъанды жүреги,
Къурчдан болгъанды санларыны кереги* [117, 69].

«Сердце Дебета было из огня,
Из стали были части его тела»;

*Дебет болгъанды темирлени чыгъаргъан,
Темир ишге юйренирге буюргъан* [117, 69].

«Дебет был первым «кто железо добыл,
(Он) кузнечному делу завещал (других) учить».

*Садакълары Минги таудан ётгендиле,
Къылычлары (Дебетни) къаяланы кесгенди* [117, 69].

«Стрелы (Дебета) Минги тау пробивали,
Мечи скалы рассекали»;

*Нарт аскерни сауут кючю ёсгенди,
Къылычлары къаяланы кесгенди* [117, 69].

«Сила оружия нартского войска росла,
Мечи (Дебета) скалы рассекали».

По своему лексическому составу и синтаксическому строю эти формулы многообразны и весьма выразительны. Они включают особые лексические наборы, придающие своеобразный стилистический оттенок языку текстов нартского эпоса.

Обилие стандартных формул в языке карачаево-балкарского нартского эпоса показывает, с одной стороны, его обработанность, а с другой – архаичность. Для образования стандартных моделей требуется время, шлифовка текста и эпоса многими поколениями сказителей. Таким образом, в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев подобных формул более чем достаточно, так как обработка языка данного эпоса продолжалась много веков.

«Если исследователь желает получить понятие об истинно народных элементах... эпоса, тогда раньше всего ему следует выделить различные места, повторяющиеся в более или менее измененном виде. Они составляли материал, из которого поэт создал свой эпос», – писал В.В. Радлов об неизменяемых формулах и традиционных местах народного эпоса [138, 36].

Как показывает фактологический материал, все эти устойчивые модели (эпитеты, метафоры, сравнения и т.д.), которые создавались в процессе многовекового развития эпоса различными сказителями, сохраняются во многих вариантах нартских сказаний неизменными. Именно это указывает на то, что язык нартского эпоса является наддиалектным языком, отличающимся от повседневной бытовой речи.

О наддиалектности языка карачаево-балкарского нартского эпоса свидетельствуют не только упомянутые особенности, но так же архаичный характер форм его лексики [138, 43].

Можно сделать вывод, что формулы в устном повествовательном стиле не ограничены сравнительно небольшим количеством эпических «общих мест», но в действительности насыщают собой все.

Это доказывает, что в устойчивости многих, так называемых «общих мест» эпических клише весьма ярко отражается традиционность фольклора. По устаревшей лексике можно проследить историю формирования языка карачаево-балкарского нартского эпоса. Дальнейшее изучение его как наддиалектной формы карачаево-балкарского эпоса может способствовать решению многих вопросов истории и современности изучаемого языка.

Следовательно, в нартском эпосе традиционные формулы занимают значительное место. Они в языке эпической поэзии относятся к наиболее ярким его компонентам, имеют свои дифференциальные признаки, что проявляется в их синтаксическом и морфологическом строении.

3.2. Повторы

Давно привлекающее внимание лингвистов явление повтора особенно характерно для живой разговорной речи и языка различных жанров фольклора. Повторы – это синтаксическая фигура являющаяся средством усиления выразительности не только образно-художественной речи, но и речи необразной.

Синтаксические фигуры, наподобие музыкальных оборотов и повторяющихся музыкальных фраз, придают речи особое благозвучие, облегчают тем самым ее восприятие.

Повторы – один из самых распространенных приемов в героическом эпосе. Повторяться могут отдельные слова, сочетания, иногда целые тирады, а также отдельные мотивы, эпизоды, ситуации. «Типологически разные эпосы объединяются рядом общих жанровых черт, среди которых немалое значение имеет и величавый, мерный ход повествования, эпический разворот событий. Важную роль при этом играет принцип повторяемости во всех его проявлениях» [60, 90].

Повтор считается наиболее часто встречающейся из всех синтаксических фигур. Как определенные художественные приемы, создающие своеобразную повествовательную структуру жанра, образующие

и четкий ритм развертывания сюжета, повторы с точки зрения содержания чрезвычайно разнообразны.

Они сообщают повествованию «спокойствие и плавность» [10, 245], концентрируют внимание слушателя на более значительных явлениях повествуемых событий, о чем свидетельствует и анализ карачаево-балкарского нартского эпоса.

Исследователи языка и стиля фольклора отмечают, что повтор – чрезвычайно распространенное явление в языке, но тем не менее оно не нашло в лингвистике соответствующего его роли отражения в виде специальной теории и исследовательской задачи. Они также указывают, что в лингвостилистике доминирует точка зрения, согласно которой повтор преимущественно явление плана языкового выражения. Это приводит к тому, что очевидные случаи повторения элементов плана содержания в экспрессивных целях не получают адекватной интерпретации.

Учитывая это, М.М. Халиков уделяет особое внимание повтору как явлению плана языкового содержания и, на наш взгляд, совершенно правдиво считает, что «повторение в тексте единиц плана содержания в стилистико-экспрессивных целях – такая же реальность, как и повтор формально-строєвых элементов речи» [184, 33].

Существуют разные классификации повтора. Обращая внимание на формальную сторону, некоторые ученые указывают на три вида повтора: дословный повтор, повтор слова с изменением его формы, повтор синонимических слов. Эти виды повтора, в свою очередь, подразделяются на несколько подвидов.

Повтор в карачаево-балкарском нартском эпосе выполняет структурно-организующую функцию, задачу оформления ритма стиха. Он играет значительную роль в текстах эпоса. По мнению Н.Б. Пюрвеевой, которое разделяем и мы, «эпический стиль является стилем системообразующим. Повтор в эпосе связан и с самими основами мировоспитания» [137, 155].

Сказители народного эпоса повторяли по несколько раз один и тот же текст, в одних и тех же выражениях, поэтому возникают типичные для героического эпоса повторения. Среди них можно выделить постоянные формулы, которыми обозначаются повторяющиеся действия, характеристики героев, их снаряжения. Некоторые формулы имеют варианты.

Для карачаево-балкарского нартского эпоса наиболее типичны следующие виды повторов:

1. Простой (или «неупорядоченный») повтор. Это когда повторяется одно и то же слово или фраза подряд, или в разных местах одного предложения, или в нескольких соседних предложениях.

Например:

*Ой, Ёрюзмекге Сатанай да юйретген эди,
Ой, юйретген эди,
– Энди Фукга ма былай эт деген эди,
Ой, деген эди, ой, деген эди [117, 82].*

«Ой (выслушав Ёрюзмека), Сатанай поучала его,
Ой, поучала его.
– Теперь с Фуком поступи так, – сказала (она),
Ой, сказала, ой, сказала»;

*Ай, Ёречикъаулары Акъ ат а азат, – дейди.
– Муну аякъ тауушу уа баишады, маржа, – деп.
Бир сокъур къарт Ёрюзмекге, –
Ёречикъаулары Акъ атлы уа болмаз, – дейди.
Гемуда жетгенин оза, жетгенин оза [117, 183].*

«Ой, да (ведь) белый конь Ёречикауовых
других опережает, – говорит,
– Цокот копыт скачущего впереди коня мне не знаком,
маржа, – говорит.

Один слепой старик сказал Ёрюзмеку, –
По-моему – это не белый конь Ёречикауовых, – (он) сказал,
Гемуда мчался, обгоняя всех, обгоняя всех»;

*– Сора, айтчы, оюнлары кѣпмюдюле?
– Оюнларын айтсам а, бек кѣпдюле
Алай санга кереклиси ючдюле [117, 121].*

«Тогда скажи много игр (у Сосурука)
– (По правде) сказать, игр (у него) очень много,
Но тебе из них нужны только три».

2. В карачаево-балкарском нартском эпосе применяется такой поэтико-стилистический прием как анафора, что имеет место и в эпосе других народов. «Преимущественно это лексическая и синтаксическая анафора, то есть повтор одинаковых или схожих слов, фраз внутри одного стиха или в двух разных стихах, а также синонимический повтор. Часто используется повтор стилистических и ритмических образований в начале строки» [137, 155].

*Нартланы баишы Ёрюзмек а, дейле да,
Нартланы баишы Ёрюзмек а, дейле да.
Ёрюзмек да къыйналып да ёсгенди, дейле,
Кёп къыйынлыкълагъа да тёзгенди, дейле.
Ёрюзмек атланып тебирегенди, дейле.
Мал-Хушту арагъа да кетгенди, дейле.
Ол ура, бере да кетгенди, дейди,
Бийик сыртлагъа да жетгенди, дейди.
Бийик сыртладан да, ой, къарады да,
Уллу ёзенде бир от жарыкъла кёргенди, дейди [117, 109–110].*

«Ёрюзмек был главой нартов, говорят,
Ёрюзмек был главой нартов, говорят.
Ёрюзмек в детстве много бед испытал, говорят.
Много бед испытал, говорят.
Ёрюзмек в дорогу отправился, говорят.
В Мал-Хушту он поехал, говорят.
Он долго скакал, говорят,
И до высоких гор доскакал, говорят.
С высоких гор, ой, он посмотрел,
И в большой долине свет костров увидел, говорят».

Для *анафоры* естественна однотипность, и выражается она усиленными повторами. Все виды анафор – и фонетическая, и лексическая, и синтаксическая, и строфическая встречаются в карачаево-балкарских народных песнях и особенно в таком древнем литературном памятнике эпосе «Нарты»:

*Ай да, Кюн да тутулалла аны ючюн,
Титирейле, къалтырайла аны ючюн [117, 70].*

«Затмение солнца и луны бывает из-за этого,
Гремят и сотрясаются из-за этого».

Многократное повторение определенных строф, стихов или слов в начале стиха приобретает характер рефрена:

*Нарт удулары – Тейри къуллары,
Нарт удулары – жигит балалары,
Нарт удулары – бёрюд аналары,
Бек суюгенлери – Умай-бийчеди.
Умай-бийче уа – бир сейир-тамаша:*

*Аны санлары – марал сыфатлы,
Аны жүрююшю – жүлдуз учханлай,
Аны мюйюзю – ай жабыыханлай,
Аны кёзлери – танг жүлдузлай.
Юч аякълы, тамаша Умай,
Юч аякълы, акъ марал Умай [117, 283].*

«Нартов сыны – слуги Тейри.
Нартов сыны – бесстрашные джигиты.
Нартов сыны – дети волчицы.
Больше всех они чтят Умай-бийче.
А Умай-бийче – дочь Тейри.
А Умай-бийче – диво дивное:
Она – в образе белой оленухи,
Ее бег [подобен] полету звезды,
Ее рога подобны месяцу,
Ее глаза – как утренняя звезда.
Трехногая, дивная Умай,
Трехногая белая оленуха Умай».

Хотя некоторые исследователи и считают подобные расчлененные классификации излишними [157, 282–285], мы придерживаемся мнения Н.Б. Пюрвеевой, согласно которой «варьирование определенной ситуации в различных «картинках» создает эпическую ретардацию и эпическую полноту описания (динамика через статику), здесь эпос сближается с изобразительным искусством» [137, 158].

В рассматриваемом жанре фольклора наличествует и эпифора, которая обычно свойственна главным образом письменной речи. Обычно выделяются следующие разновидности стихотворной эпифоры – реди́ф и рефре́н. Как отмечают многие исследователи: реди́ф, представляющий собой повтор слова или словосочетания после рифмы, характерен, прежде всего, для классической арабской, персидской и тюркоязычной поэзии. Указанное подтверждается и на материале карачаево-балкарского нартского эпоса:

*Айт-айт, батыр Ёрюзмек атланьт чыкъгъан эди, дейди.
Бара-бара ол бек арыды, сорукуъду, дейди,
Жол юсюнде бир акъ маралгъа жолукъду, дейди.
Къоланындан тюшюп: «Атарем», – дегенде, дейди,
Ол бир сыртха ёрлеп кетди, дейди [117, 106].*

«Богатырь Ёрюзмек отправился в путь, говорят.
После долгой езды он устал, утомился, говорят.

[Вдруг] на своем пути белую оленуху увидел, говорят.
Спешившись с Колана, хотел [ее] пристрелить, говорят.
[Но] оленуха на другой горе оказалась, говорят».

*Дебетге тууду да онтогъуз улан да,
Дебетге тууду да онтогъуз улан.
Кичилешидирип а къатын алдыла да,
Алауган хариб а, ой алгъа туууп а, ой артха къалды,
Ол къатынсызлай а къартха къалды [117, 159].*

«У Дебета было девятнадцать сыновей,
У Дебета было девятнадцать сыновей,
Начиная с младшего женили.
А Алауган, бедняга, самый старший, ой, остался холостым,
Ой, без жены состарился».

Некую эпическую картину воспроизводит содержание *рефрена*, которая содержит определенное настроение и фон повествования. Разные формы и типы лексических и синтаксических повторов поддерживаются повторами музыкальными. Рефрен или припев – повтор одинаковых строк после каждой строфы или группы строф – это характерная принадлежность нартских песен, имеющих собственную мелодию. Повторы типа рефрена – один из способов общего композиционного членения. Повторяемость – это принцип единый для поэтической и музыкальной стороны эпоса. Например:

*Тейри бла кёк башында жашайса сен, Элия!
Нартла бла доммай шишлик ашайса сен, Элия!
Элия! Элия! Элия!
Элия! Элия! Элия!
Нартла бары баш урабыз санга айланып, Элия!
Барыбыз да къууанабыз санга къарап, Элия!
Элия! Элия! Элия!
Элия! Элия! Элия! [117, 284].*

«(Вместе) с Тейри на небесах живешь ты, Элия!
Вместе с нартами шашлыки из зубра ешь ты, Элия!
Элия! Элия! Элия!
Элия! Элия! Элия!
Все нарты склонили головы, повернувшись к тебе, Элия!
Все радуемся, (когда) видим тебя, Элия!
Элия! Элия! Элия!
Элия! Элия! Элия!».

Повтор, как средство выделения, призван подчеркнуть одну из основных мыслей песни-поэмы или характерную деталь, которая в образной форме дает представление о явлении.

Лексический повтор выполняет функцию зачина каждой части, основным фактором организации (абзацев) является повтор структуры, когда воссоздаются установленные конструкции, но не их лексическое наполнение.

К числу повторов относится характер общих мест.

Имена существительные в карачаево-балкарском нартском эпосе повторяются чаще всего в функции обращения:

*Къызыл таякъ, уу таякъ,
Эмегени жыкъ, таякъ.
Къызыл таякъ, алгыш таякъ,
Нарт элине алгыш таякъ [117, 285].*

«Красная палка, ядовитая палка,
Эмегена с ног свали, палка.
Красная палка, благословенная палка,
Для нартской страны благословенная палка».

Повторы обращений усиливают эмоциональную выразительность стиха, подчеркивают настойчивость обращения.

Этот стилистический прием в карачаево-балкарском нартском эпосе может выступать как средство композиционного членения текстового целого, как средство выделения важной мысли, а иногда и воплощения основной идеи эпоса.

Таким образом, в карачаево-балкарском нартском эпосе повторы несут определенную коммуникативную нагрузку. Они иногда усиливают ту или иную мысль, иногда связывают друг с другом эпизоды, разделенные значительными пространственно-временными барьерами.

3.3. Функции изобразительно-выразительных средств в структуре языка карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты»

Нартский эпос карачаевцев и балкарцев богат различными лексическими образными средствами, имеющими непосредственное отношение к стилистике и карачаево-балкарского языка. В контексте нашего исследования целесообразно обратиться к тропам-лексемам,

употребляющимся в переносном значении и призванным для создания образа.

На современном этапе развития науки о языке лексической стилистикой принята определенная систематика тропов, в которую входят метафора, олицетворение, аллегория, метонимия, антономазия, синекдоха, эпитет, сравнение, гипербола, литота и др. [41, 130–151]. Эти изобразительно-выразительные средства характеризуются различной функциональной нагруженностью в структуре нартского эпоса.

В текстах нартского эпоса значительное место отведено *сравнениям*, которые отмечены значительными функциональными возможностями и широким спектром значений. Сравнения представляют собой простейшую форму образной речи, так как всякое образное выражение можно свести к сравнению.

Обладая особой динамичностью, лексика карачаево-балкарского эпоса отличается смысловым и стилистико-семантическим разнообразием. Сравнение возникает тогда только, когда одни слова сопоставляются с чем-то другим, с некоторой «темой», которой они противостоят как «образ». В результате этого сопоставления представляемое как бы конкретизируется, становится более очевидным и выразительным. С помощью сравнений раскрывается характер героев, передаются их духовные качества, настроения, эмоции, психологическое состояние. Одним из важнейших признаков сравнений является элемент неожиданности, изобретательности, новизны, что свидетельствует о динамичности многих сравнений.

В рассматриваемом нами жанре фольклора нередки и сравнения, передающие статичные признаки, которые могут быть положительными или отрицательными и выполняют в основном изобразительные функции, благодаря которым тексты достигают ярко выраженного звучания. В этих случаях источником сравнений служат реальные явления природы, образы из мира животных и растений, но в карачаево-балкарском нартском эпосе самое большое число сравнений связано с народной жизнью, с бытовыми предметами и орудиями производства, т.е. эти сравнения этно-бытового характера.

Карачаево-балкарский язык, фольклор карачаевцев и балкарцев изобилуют различного рода сравнительными конструкциями, которые, с одной стороны, свидетельствуют о значительных функциональных возможностях языка, а с другой, показывают идиоэтническую специфику отдельно взятого социума, его лингвокреативное мышление.

Сравнение в эпосе – образное выражение, образованное на сопоставлении двух предметов, понятий, обладающих общим признаком, за счет которого усиливается художественное значение первого предмета.

Стремление придать яркость, необычность, приподнятость эпическим событиям и выразить к ним свое отношение определяет подбор сравнений [137, 194].

Сравнение является одной из характерных и распространенных форм художественного описания в эпосе. Сказители нартского эпоса, прибегая к сравнению, придавали повествованию ясность и яркость изложения, которым достигали наибольшей эмоциональной изобразительности.

По мнению Хаджиевой: «Источником эпических сравнений служат реальные явления природы, космоса, образы из мира животных, птиц, растений. Самое же большое число приходится на сравнения этно-бытового характера, связанные с народной жизнью и бытовыми предметами и орудиями производства» [182, 56].

Из сравнений вытекали тропы, такие художественные приемы, как параллелизм, метафора, гипербола, образные высказывания.

Аспект сравнений, изучаемый нами, сугубо стилистический, который устанавливает, при каких лексических единицах и при каких частях речи употреблены сравнения, которые дополняют смысловую структуру слов образными ассоциациями.

В произведениях нартского эпоса встречается значительное количество сравнительных дискрипций, образованных посредством сравнительного послелого *кибик* «как бы», «вроде бы», «словно», «точно», «подобно». С помощью этих простых сравнений, которые переплетаются с метафорическими, в основном в текстах, описываются необычные качества кузнеца Дебета:

*Сингирлери, жсыя кибик, созулгъанды [Дебетни],
Керек болса, ол ызына жыйылгъанды [117, 69].*

«Сухожилия его растягивались, словно тетива [Дебета],
Когда нужно было, они снова сокращались».

*Ол (Дебет) ташланы, гыржсын кибик ашагъанды
Кёп ташлада не барлыгъын сынагъанды [117, 69].*

«Он (Дебет) ел камни как хлеб.
Чтобы узнать, что есть в каждом камне,
испробовал много камней».

*Хар бир жиги (Дебетни), безги кибик, ачылгъанды
Сюймесе уа, артына жыйылгъанды [117, 69].*

«Каждый сустав его раздвигался, точно петля.
А когда он не хотел, обратно сдвигался».

Так как сравнения, как и другие художественные средства, берутся из народного быта, то большая часть сравнений основана на уподоблении бытовым предметам, что доказывают приведенные примеры. В них компаративные сочетания выполняют функции различных конституентов предложений, при этом репрезентируют признаком действия, дающие возможность глубже постигать как экстралингвистическую действительность.

Немало и конструкций, в которых компаративные дескрипции рассматриваемой структуры выполняют предикативную функцию:

*Эшик къангала кибики тишлери,
томуроу кибики бели*

«Зубы ее словно дверные доски,
словно чурка талия».

Подобные примеры ориентированы на выражение портретной характеристики персонажей. «Очень часто яркие сравнения с бытовыми предметами при описании силы эмегенов. При этом циклопическая сила и огромность эмегенов в балкаро-карачаевских нартских песнях и сказаниях характеризуются косвенно, через предметы и явления, которые имеют отношения к эмегенам (например, который эмегены толкают во время своих игр, огромный как стог сена)» [182, 54]:

Антау гебенча чарх, аллындагъы къая жухланы оя, ташланы юз-мезча ууата, келип Сосурукъну тобукъларына тийди, Сосурукъну эки тобугъун сындырды. «Колесо размером как стог сена, ломая перед собой выступы скал, раздробляя камни как песок, ударившись об колени Сосурука, раздробил оба колена Сосурука» [117, 138].

Отмеченное выше характерно и для сравнительно-употребительных конструкций, содержащих в своем составе такие морфемы, как *-ча, -лай /-лей*. Примеры:

*Къылычлары (Дебетни) ташланы, сырпынныча кесгендиле.
Окълары уа Минги таудан ётгендиле* [117, 69].

«Его (Дебета) мечи камни словно мыло рассекали,
А пули пробивали гору Эльбрус».

*Аны жюрюшю [Уммай-бийчени] – жулдуз учханлай,
Аны мюйюзю – ай жабыиханлай,
Аны кёзлери – танг жулдузунлай* [283, 69].

«Ее поступь [Умай-бийче] подобен полету звезды,
Ее рога месяцем украшены,
Ее глаза – что утренняя звезда».

*Тенгизледе чабакъча жюзюп, тенгизлени чачарма,
Ёшюнгом бла уруп, анда суу къаяланы чачарма.
Къара тенгизде, къушлай учарма.
Алай жерде, Генжетайча болалмам [117, 190].*

«Я в море буду как рыба, обгоню даже рыб,
Грудью, ударив, подводные скалы могу разбить.
В темном небе, как орел, могу летать.
Только на земле не могу быть таким же быстрым,
.....как Генжетай».

В ряде случаев сравнение основывается и на метафоре: *Ариулугъу къарагъан кёзню къаматхан, кёкде кюннге эришген бир сейир зат болгъанды Сатанай-бийче*. «Сатанай-бийче была настолько красива, что на нее нельзя было смотреть, не зажмурившись, на небе она соперничала с солнцем».

Особую группу составляют сравнительно-различительные конструкции, в которых один из элементов сравнения представлен основным падежом имени, а другой – исходным. В них основание сравнения выражается, как правило, адъективными лексемами:

*Къурчдан къаты болгъанд аны жсыякълары,
Турчдан бек болгъанды туякълары [117, 179].*

«Крепче стали были его скулы,
Крепче железа были его копыта».

При помощи сравнения создается портретная характеристика героев.

*Ариулугъу ташны, тауну жарыта,
Хар бир затны ол кесине къарата.
Сатанайны кёргенде, тохтай элле суула да,
Кечеледе жарый элле тюзле, таула да [117, 71].*

«Красота Сатанай освещала и камни и горы так,
Все удивлялись, видя ее.
Воды останавливались, при виде Сатанай,
Ночью светились долины и горы».

В подавляющем большинстве сравнения используются при глаголах движения и незначительная часть при глаголах, передающих состояние, душевные переживания [40, 46].

Слова в сравнении сохраняют свое номинативное значение, и этим оно отличается от метафоры. Они стремятся придать яркость, необычайность, приподнятость событиям и выразить к ним свое отношение. Это зависит от наблюдательности сказителя.

Большое количество слов в эпосе «Нарты», которые в эпическом сознании не осознаются, в переносном несут *метафорический* смысл и понимаются в своем же переносном значении. Такой характер имеют не только отдельные слова, но и целые словосочетания.

Среди других тропов в нартском эпосе метафора занимает главное место. «Метафора как языковой феномен означает перенос названия одного понятия на другое по сходству признаков этих понятий. Такой перенос обусловлен свойством человеческого мышления сравнивать уже имеющиеся понятия о предметах, действиях, явлениях с новыми» [54, 84]. Позволяет в краткой форме создать емкий образ, который основан на ярких образных ассоциациях. Например:

*Аягъындан чыкъгъан топуракъ,
Тауну, таины жабады.
Кёкде къанатлыла баилары бла учадыла,
Къарын туюбу бла къоянла къачадыла,
Бурун тешигинден ургъан тылпыу, жел болуп.
Тереклени, орманланы аудурады [117, 236].*

«Грязь, летящая из-под копыт,
Накрывает и горы, и камни.
В небе над птицами пролетает,
Под брюхом зайцы скачут,
Дыхание, вырывающееся из ноздрей,
превратившись в ветер,
Деревья, леса валит».

Эта метафора на сходстве всадника с некой огромной (не земной) силой, в контексте получает особый символический смысл.

Разные предметы, действия, явления с такими же понятиями могут иметь сходные признаки. Эти признаки делают возможным употребление названий предметов, действий, явлений одного семантического класса для обозначения другого семантического класса.

По свидетельству лексикологов, «чем более многопризнаковым, информативно богатым и нерасчлененным является значение слова, тем легче оно метафоризируется» [54, 84]. В нартском эпосе употребляются в переносном, метафорическом, значении слова, наиболее

употребительные, важные для жизни общества. Например: *алтын* «золото» – *алтын чач* «золотые волосы»:

*Сатанайгъа Суу анасы къарагъанды,
Алтын чачын къолу бла тарагъанды [117, 71].*

«За Сатанай ухаживала Богиня воды,
Золотые волосы рукою расчесывала».

Метафоризация значения может проходить в пределах одной функциональной категории слов, сопровождаться семантическим сдвигом. Метафоризация, не выходящая за пределы конкретной лексики, используется для целей номинации. Вторичная для метафоризации функция служит техническим приемом образования имен предметов: *жагъа* «берег» – *кёлню жагъасы* «берег озера»:

Бир кюн элде киши къалмай, бирер кючлю аркъан да алып, кёлню жагъасына баргъандыла да, бирери бирер чунгур къазып, алагъа кирип букъгъандыла. «Однажды все мужчины села, взяв с собой крепкие веревки, пошли на берег реки, вырыв каждый по яме, спрятались там».

Такой тип метафоры некоторые лингвисты называют номинативным.

Следует различать языковые (узуальные) метафоры и индивидуальные (окказиональные) метафоры. Языковые метафоры – это факты языка, результат переноса на основе релевантных и общеизвестных признаков сходства. Индивидуальные метафоры – факт речи, результат переноса на основе второстепенных, нерелевантных признаков; они экспрессивны. Следовательно, различие «метафорического переноса» и «метафоры», о которых говорилось чуть выше, есть различие между языковыми и индивидуальными метафорами [54, 90].

Сходство между предметами и явлениями объективной действительности в карачаево-балкарском языке, как и в других языках, может быть самым различным, например, во внешних признаках, в выполняемых функциях, в месте расположения, в форме и вкусе и т.д. В соответствии с этим и образуются переносные значения: *доммай* «зубр» – *доммай эмеген къыз* «спокойная (тупая), как зубр девушка-эмегенша»:

Дорбунда бир доммай эмеген къызны кёрдю. «В пещере увидел спокойную (тупую) зубриху, девушку-великаншу».

Между индивидуальными и языковыми метафорами нет принципиальных различий, индивидуальные метафоры с течением времени могут стать языковыми.

Справедливо мнение многих исследователей, что индивидуальные авторские метафоры очень выразительны; возможности создания их

неисчерпаемы, как неограниченны возможности выявления сходства различных признаков.

Употребление одной метафоры влечет за собой нанизывание новых метафор, связанных по смыслу с первой; в результате этого возникает развернутая метафора [41, 144].

*Ёрюзмек дегенинг – къаялада кийик аякълы эди.
Сёлешгенде – багъыр жаякълы эди [117, 80].*

«Ёрюзмек – на скалах дичью ходит.
Когда разговаривает – челюсть из меди».

Развернутые метафоры в народном эпосе привлекают художников слова как особенно яркий стилистический прием образной речи. Такие метафорические выражения передают храбрость, непобедимость, стремительность, смелость и ловкость героя:

Метафорические выражения, передающие храбрость, непобедимость, стремительность, смелость и ловкость героя:

*– Ёрюзмек а нарт элени башыды!
Нарт элени тыянырыкъ ташыды! [117, 88].*

«– А, Ёрюзмек – предводитель нарттов!
Он – опора страны нарттов!».

Стилистическая функция метафоры здесь усиливает эмоциональную выразительность повествования.

Стилистическое явление, когда метафорическое выражение берется в прямом смысле и в дальнейшем описании реального явления возникает новое осмысление этого выражения, называется «реализацией метафоры» [137, 180].

Метафорически описывается в эпосе Сосурук:

*Сосурукъ тенгизлени тюрбюнде юзмезлени санаучу эди.
Ол кёзден бек жютю болуучу эди [117, 118].*

«Сосурук на дне океанов считает песчинки,
Глаз его был острым».

Метафоризируется боевой конь Карашауа:

*Гемуда юч аякълы, жез кьулакълы,
Болат туякълы болгъанды [117, 176].*

«Гемуда трехногим, медноухим,
Булатнокопытным был».

В данном примере стилистическая функция метафоры призвана создать синтезированное представление о внешнем облике героев, с целью обрисовать его поярче.

Справедлива Пюрвеева Н.Б. в том, что о метафоре, как явлении эпического стиля, можно говорить, когда связь между образами поддерживается как прямым, так и переносным смыслом. Именно этот вид метафоры легко развивается в символ [137, 179].

Метонимия – это замена одного слова другим на основе связи их значений по смежности. Метонимические переносы в эпосе употребляются в языке чаще, чем метафорические. Как и метафорические, они бывают индивидуальные и узуальные.

Основные виды узуальных метонимических переносов в карачаево-балкарском эпосе в основном представлены следующими типами метонимии:

1. Перенос названия с действия на его результат:

Бир сюрюуню сойгъанды «Зарезал стадо (зубров)».

2. Перенос названия с вместилища на содержимое или объем содержимого: *къазан* «казан»:

Алауган тогъуз къазанны бошагъанды. «Алауган покончил с девятью казанами [еды]».

3. Перенос названия с места населенного пункта на совокупность его жителей: *эл* «жители села»:

Индийланы арбазда эл жыйылып, той эте болгъанды. «Во дворе у Индиевых собралось все село и пировало».

Не учитывая того факта, что в языке совокупность людей может обозначаться словом, обозначающим место, где они живут, работают и т.д., некоторые лексикологи и лексикографы считают, что в таком случае слово приобретает соответствующее значение [121, 4]. Источники метонимического сближения понятий в нартском эпосе неисчерпаемы, что дает простор творческому использованию этого тропа.

Таким образом, метафорические словосочетания в эпосе являются ярким свидетельством своеобразия художественного мышления предков карачаевцев и балкарцев. Будучи по своей конструкции образным выражением, основанным на сравнении, метафора в различных формах и модификациях участвует во всяком поэтическом тропе и придает языку эпоса определенный стилистический колорит.

К средствам образной выразительности, использованным в эпосе, относятся *эпитеты*, обозначающие качества предметов и свойств явлений. В самом общем виде эпитет интерпретируется как образное определение того или иного предмета, действия.

В тюркской фольклористике вопрос об эпитетах обстоятельно разработан, но в карачаево-балкарском языке малоизучен. Мы придерживаемся мнения А.З. Холаева, что категория эпитета в карачаево-балкарском нартском эпосе развита слабо. Она проявляется в двух формах. В первом случае – это общий эпитет, он относится ко всем героям эпоса, без индивидуализации персонажей, является устойчивым определением героизма вообще. Слово *нарт* или *нартла* «нарты» – общий эпитет для всех героев нартского эпоса [187, 119].

Таким образом, эпитет «*нарт*» в устах народа стало нарицательным и употребляется как синоним «удалого молодца». Эта теория четко выражена в нартском эпосе: *нарт Ёрюзмек* «нарт Ёрюзмек», *нарт улула* «потомки нартов», *нарт батырла* «нартские [богатыри]», *нарт Сосурукъ* «нартский Сосурукъ» и т.д.

*Нарт Ёрюзмек, сени кюнюнг аман болсун!
Сени мыллыгынга аман къуш къонсун!* [117, 81].

«Нарт Ёрюзмек, пусть твои дни будут несчастными!
Пусть твое тело будет клевать орел!».

Нарт батырла жортууулдан къайтханда, нарт элдеде от болмай, ол кългъан нарт улула да сууукъдан къырыла тура эдиле. «Когда нартские богатыри вернулись с похода, в нартских селах не было огня и остатки нартских потомков от холода погибали».

Наделенные яркими эпитетами, нартские герои воспринимаются как живые и реальные личности. Некоторые постоянные эпитеты переходят от сказителя к сказителю и поражают своей стабильностью и живучестью [182, 55]. «Эпитет выражает отношение народа к окружающему его миру, выражает народное мнение, его суд и оценку», – писал В.Я. Пропп [129, 390].

Следующая категория эпитета выражается в устойчивых определениях, характеризующих главную черту персонажа. Например:

1. Мудрость, находчивость и остроумие главной героини Сатанай подчеркнуты в текстах эпоса яркими эпитетами: *къуртха* «всезнающая», *хар нени да билген* «проницательная», *обур* «ведунья», *ариу Сатанай* «красивая Сатанай», *къаратон Сатанай* «бездетная Сатанай»:

Обур Сатанай жер юсюнде чыкъгъан кырдыкланы, хансланы, тереклени тиллерин билгенди. «Ведунья Сатанай знала язык растений, трав и деревьев, которые росли на земле»;

2. Про главного героя Сосурука: *состар ташдан туугъан.* «Сосурук – рожденный из гранита», *темир санлы* «тело как из железа» и др.:

– Бек алгъа – атыш, андан сора – тутуш, – деп таидан туугъан алай айтды. «– Сначала – стрельба, потом – борьба, сказал рожденный из камня».

3. При описании богатырского коня в нартском эпосе в основном акцентируется внимание на их боевых качествах, но также указываются их физические недостатки – Гемуды: *жабагъылы тай* «Гемуда – неказистый, облезлый жеребенок», *жабагъалы жохар* «облезлый жеребенок», *жабагъалы жары тай* «неказистый, облезлый жеребенок» и др.

Жабагъалы тайгъа минип, келе тургъанлай [Сосурукъ], эл къыйырында бир сюрюуючо жашиха тюбеди. «Когда [Сосурук] на неказистом, облезлом жеребенке ехал в свой ауул, на окраине селе встретил пастуха» и др.

Быстроту коня характеризуют эпитеты: «къушжетер ат» – «конь, догоняющий [при беге] орла», «жел ат» – «конь ветер» или «аягъы жерни тутмагъан ат» – «конь [при беге] не касающийся копытом земли» [182, 55].

Большинство эпитетов в нартском эпосе постоянны, они придают характерный колорит эпическому повествованию. Постоянными принято считать эпитеты, которые наиболее часто присоединяются к имени, иногда даже сливаются с ним, образуя единое целое: *Деуэт-Батыр*, *Акъ-бийче*, *Уммай-бийче*, *Темир-Къану* и др., хотя части этих имен могут употребляться и изолированно:

Кюнчыгъыш жанында Темир-Къануну аскерлери жолгъа чыгъа тургъанларын кёрдюле. «Они увидели, как с востока вышла армия Темира-Капу»; *Дуниягъа чыкъмагъанды Акъ-бийчеча.* «Не родилась еще на земле подобная Ак-бийче»; *Атына атадыла Саламчы улу Деуэт-Батыр.* «Назвали его сыном Саламчы – Деуэт-Батыром».

В нартском эпосе балкарцев и карачаевцев помимо общекавказских эпитетов типа «нарт», «джигит», которые составляют часть имени всех эпических героев, как и у других тюркоязычных народов, широко используются особого рода «титуты-эпитеты»: «эр», «деу», «алп», «батыр» и т.п. [182, 54].

Следовательно, в карачаево-балкарском языке в роли эпитета часто выступают определительные существительные: *алф Ёрюзмек* «алф Ёрюзмек», *батыр Ёрюзмек* «богатырский Ёрюзмек», *деу эмеген* «огромный эмеген» и т.д.:

*Алф Ёрюзмек токъсан кюнню урушханды,
Тейри, бары къалмай анга болушханды* [117, 81].

*«Алф Ёрюзмек девяносто дней сражался,
Все Тейри ему помогали»;*

Деу эмеген жуук да билмей жатады «Огромный великан, ничего не ведая, спит».

Каждый эпитет присоединяется только к одному именованию героя: *кызыл Фук* «Рыжий Фук», *желмаууз ат* «конь-чудище»: *Кызыл Фукну барды желмаууз аты* «У рыжебородого Фука есть конь-чудище».

Постоянные эпитеты весьма разнообразны и отличаются устойчивостью излюбленных определений: *алтын къала* «золотой замок», *ариу Сатанай* «красивая Сатанай», *бёрю тон* «волчья шуба», *жабагъылы жары тай* «облезлый с тонкой кожей жеребенок» (досл.), *тёбе санлы деу Алауган* «с огромным как холм телом великан» (досл.), *обур акъылы билгич Сатанай* «всезнающая ведунья Сатанай» и т.д.

Большинство эпитетов выражается прилагательными, стоящими в атрибутивной позиции впереди или после существительного. Они прикреплены как к собственному имени героев, так и к его нарицательным обозначениям.

*Къонгур мыйыкълы, къой кёзлю,
Ётюрюксюз, кеси тамам бир сёзлю* [117, 78].

«Темноусый, с глазами как у агнца божьего,
Правдивый, верный своему слову».

С помощью изобразительных эпитетов здесь создается портрет героя эпоса – *Ёрюзмека*.

Изобразительные эпитеты присоединяются к имени, сливаются с ним, образуя единое целое. С помощью варьирования именований сказители выражают свое отношение к герою, создают речевые характеристики героев. К примеру, приведем эпитеты, присоединенные к характеристикам отрицательных героев эпоса – *эмегенам* «великанам»: *мондай эмеген* «глупый великан», *анкъау эмеген* «тупой великан», *сылхыр эмеген* «дурашливый великан» и т.д. Все они имеют определенное оценочное значение – отрицательное.

Анкъау эмеген аны ангыламагъанды «Тупой эмеген не понял этого» и др.

Таким образом, в нартском эпосе «постоянными» являются почти исключительно собственные имена и эпитеты, вошедшие в их состав. Другие эпитеты, характеризующие различные объекты, одушевленные и неодушевленные сохраняют типизирующе-идеализирующий характер.

Эпитеты создают приподнятость повествования. Постоянный эпитет обычно выражает основной признак предмета. Он образован путем

простой связи двух слов, первое из которых является определяющим по отношению ко второму, т.е. он образован по модели первого типа изафета:

Къызыл Фук «Рыжий Фук», *мондай эмеген* «глупый великан» и т.д.
Къызыл Фук кёкге учду «Рыжий Фук улетел на небо».

Следующая группа – это эпитеты, по своему характеру приближающиеся к метафоре, в которых заключен меткий признак сравнения.

Среди эпитетов-кеннингов в эпосе «Нарты» мы находим:

а) эпитеты цветовые (белый, красный, желтый). Например: *къызыл таякъ* «красная палка», *акъ марал* «белая лань», *сары жохар* «желтый жеребенок» и т.д.:

Айт-айт, батыр Ёрюзмек атланyp чыкъгъан эди, дейди.
Бара-бара ол бек арыды, сорукъду, дейди,
Жол юсюнде бир акъ маралгъа жолукъду, дейди [117, 106].

«Батыр Ёрюзмек отправился в путь, говорят.
После долгой езды он устал, утомился, говорят.
[Вдруг] на своем пути белую оленуху увидел, говорят».

Сары жохар тайны сайлады «Он выбрал желтого жеребенка».

б) эпитеты, указывающие на материал, из которого сделан тот или иной предмет, или его размер: *алтын чолпу* «золотой ковш», *бёрю тон* «волчья шуба», *тёбе санлы Ёрюзмек* «похожий на холм Ёрюзмек» и т.д.:

Алтын чолпуну кьолгъа джыяргъа излегенлени саны азаймагъанды, ол себебден сермешуленди да учу-къыйыры болмагъанды «Желающих завладеть золотым ковшем не уменьшилось, поэтому не было конца и краю войнам [на нартской земле]»; *Ёрюзмекни бёрю тону болгъанды* «У Ёрюмeka была волчья шуба».

в) эпитеты мелиоративной и пейоративной оценки (*отважный, смелый, храбрый, мужественный, красивый, злой* и т.д.): *батыр Ёрюзмек* «отважный Ёрюзмек», *пелиуан Къарашауай* «храбрый Карашауай», *аман тилли Геляхсыртан* «злoязычный Геляхсыртан» и т.д.:

Ачы тилли Гиляхсыртан аты бла анга келгенди «Злoязычный Гиляхсыртан прискакал к нему на своем коне»; *Бурун заманлада Къарашауай деп бир ахырзаман пелиуан киши болгъанды* «Давным-давно жил храбрый человек по имени Карашауай» [117, 201] и т.д.

Ряд компонентов, которые могут избираться, для именования каждого персонажа конечен, и в каждом конкретном случае сказитель как бы комбинирует отдельные составляющие в именовании, отбирает нам более актуальные фрагменты, меняет характер их сочетания, добиваясь при этом наиболее яркого, с точки зрения эстетики, эффекта.

Одним из основных средств характеристики являются *эпитеты* – обращения. Диалог и является той частью эпического текста, где бытуют эпитеты-обращения:

*Кет, итден туугъан, тобад, гёген бла
Башынгы сени мен сындырырма* [116].

«Прочь, собачье отродье, клянусь, кувшином
Голову тебе я разобью».

Помимо предметного содержания, эти слова включают в себя пренебрежительное, презрительное экспрессивное значение и придают повествованию большую выразительность.

Таким образом, постоянные эпитеты проходят через все содержание эпоса, лежат в основе его структуры, играют важную роль в раскрытии его содержания, в создании образов. С помощью эпитетов сказители народного эпоса создают сильную окраску описываемых явлений. Поэтому основным свойством стиля эпоса является эпитетация.

В карачаево-балкарском нартском эпосе широко употребляется антитеза, являющаяся типичным приемом для данных текстов, что определяется ее жанровыми особенностями. Основой фольклорного сюжета является противопоставление, которое составляет основу ее художественной поэтики.

Антитеза в эпосе является сюжетообразующим, композиционным и стилистическим приемом. Как мы уже говорили, сюжет некоторых песен строится на столкновении и борьбе нартских героев с многоголовыми одноглазыми эмегенами. И можно сказать, что в их основе «почти всегда лежит антитеза активного героизма эпических персонажей и пассивного могущества великанов» [182, 56].

С помощью антитезы сказители раскрывают характеры героев, чтобы наиболее ярко отразить в тексте разницу противоположенных качеств персонажей. Сопоставляя великанов и нартов, рассказчики дают нам понять, какой из героев является положительным, а какой отрицательным.

Противоположные герои нартского эпоса (великаны и нарты) представляются: нарты – богатыри, обладающие большой физической силой, но в сравнении с великанами ничтожно малы, а великаны обладают огромной циклопической силой, но глупы и бестолковы. В данном фольклорном памятнике противопоставляются такие качества противоположных героев как ум, хитрость и находчивость нартов, сила и коварству великанов.

Антитеза лежит в основе сюжета многих сказаний и реализуется в столкновении категорий «добра» и «зла», «тьмы» и «света». Коварству, тупости и силе эмегенов противопоставляется ум и находчивость нартских героев.

Сравнивая людей, действия и явления антитеза является главной идеей данного жанра фольклора. Основная ее функция в карачаево-балкарском эпосе – изобразить противопоставление доброго и злого, отрицательного и положительного и показать итог этого противопоставления.

Антитеза иногда употребляется и в традиционных формулах; например, когда встречаются противники, то на приветствие одного из них: «Эй, кюнюнг ахшы болсун!» («Да будет твой день добрым!») – другой отвечает всегда: «Ой, кюнюнг аман болсун!» («Чтоб день твой был недобрым!») [182, 57].

Исходя из этого, следует, что в языке карачаево-балкарского нартского эпоса особое место занимают антонимы, – слова с противоположным значением. Это связано с одной из основных идей произведений устного народного творчества в целом – темы жизни и смерти. «Контрастность двух начал, разные представители добра и зла удачно противопоставляются по своей природе друг к другу посредством языковых средств» [145, 8]. Антонимы – очень сильное стилистическое средство языка. «Они нужны для передачи контрастов, для осуществления приема антитезы в ораторской и поэтической речи» [140, 73].

С их помощью достигается эффект контраста, служащий исключительно ярким средством изображения и характеристик лиц, предметов, событий путем их сопоставления с противоположными по смыслу явлениями.

В сказаниях о борьбе нарттов с эмегенами антонимы служат одним из главных принципов построения образа эпического героя. Нарты противопоставляются не только к эмегенам и другим врагам, но и между собой.

Противопоставление слов с антонимическими значениями способствует более полному раскрытию возможностей слова, полному охвату значения слова, поэтому и оно широко используется в письменной и устной речи – в выразительных целях [169, 164].

В сказаниях карачаево-балкарского нартского эпоса примером антонимии могут служить антонимичные герои нарты (добро) и эмегены (зло).

Антонимы служат для создания контрастных образов, логически противопоставляя их друг другу, выполняют важную стилистическую функцию. Они, выражая противоположные значения, движения, свойства, качества, так же служат контрастному изображению предметов и действий.

Наличие качественного признака в значении слова, который градуируется и доходит до противоположного, является основным условием для появления антонимики. В текстах исследуемого фольклорного жанра все условно, противоположно, что обосновывает и наличие здесь большого количества антонимичных слов и выражений, которые, выражая противоположные значения, движения, свойства, качества, так же служат контрастному изображению предметов и действий. Поэтому больше всего антонимов у прилагательных и наречий.

Среди антонимов-прилагательных в карачаево-балкарском эпосе, в основном, встречаются слова, выражающие следующие значения:

1) общую и частичную оценку: *харам* «добытый нечестным трудом» – *халал* «добытый честным трудом», *акъыллы* «умный» – *тели* «глупый», *ахшы* «хороший» – *аман* «плохой» и т.д.

Ой, харам, халал а биз айырмайбыз «Ой, мы не выбираем добытый честным трудом или нечестным»; *Аманла хапар сора билмей эдиле, ахшыла уа хапар айтмай эдиле* «Тупые не умели расспрашивать, а умные ничего не рассказывали»;

2) физиологическое состояние человека и животных: *жаш* «молодой» – *къарт* «старый», *бууаз* «стельная» – *къысыр* «яловая» (эвф.), *уллу* «стар» – *гитче* «млад», *ариу* «красивый» – *эриши* «некрасивый, уродливый»:

Нартла бла бирге жер юсюнде бек эриши, не эселе да жашагъандыла «Вместе с нартами на земле жили вдобавок еще и очень некрасивые» – *Адам улуну башы нартла эдиле, бек ариу адамла эдиле* «Первыми людьми на земле были нарты, очень красивые люди»; *Ол алагъа уу, нартлагъа уа дарман болгъанды* «Для них это было ядом, а для нартов лекарством»; *Халкъны ауузуна тюшюп, уллу, гитче да: «Алауганлай, къатынсыз къарт болгъун!»* – *дегендиле, сюймегенлерин къаргъасала* «На устах всего народа, и стар, и млад, когда проклинали нелюбимых, говорили: «Чтобы состарился как Алауган, без жены»;

3) цветовые признаки: *акъ* «белый» – *къара* «черный»:

«Минги тауну ёлмез къара суу», – дегенлери алду «Бессмертная черная вода Эльбруса это», – говорят – *Мен анда бир-бирде, буз эмизикле эмип, бир-бирде уа акъ маралны сютюн ичип, алай ёсгенме* «Я там иногда сосал сосульки из льда, иногда пил молоко белой оленухи»;

4) температурные признаки: *исси* «жаркий» – *сууукъ* «холодный»:

Ол жыл жай исси болгъанды, битеу жер кюйюп къалгъанды «В тот год лето было жарким, вся земля выгорела» – *Сууукъ къышда дорбунлада тургъанла* «Холодные зимы проводили в пещерах»;

5) понятия, связанные с локативным значением: онг «правый» – сол «левый»:

*Солдан эм онгдан сермешидиле,
Фукну кьолундан сырпыны чартлагъынчы [117, 79].*

«Они сражались направо и налево,
Пока из рук Фука не выпал меч».

6) качество изготовления предмета: уста «качественно» – осал «некачественно»:

Нартла уста ишленген адыр кёрселе: «Бу Дебетни кьол ызына ушайды», – дегендиле. «Когда нарты видели посуду, сделанную качественно, они говорили: «Это, похоже сделал Дебет» – Осал ишленген адыр кёрселе уа: «Ай, муну уа Дебет ишлерге керек кёреме», – деп бюсю-ремегенлерин билдиргендиле. «Когда видели посуду, сделанную некачественно, они говорили: «Ой, надо было, чтобы это сделал Дебет»;

7) понятия, связанные с количественным значением: аз «мало» – кёп «много»:

Азмы-кёпмю жюрюдю, аны ким билсин? «Мало ли, много ли он бродил, кто его знает?».

По принципу антонимичности в языке карачаево-балкарского эпоса построены также парные слова: *ары-бери* «туда-сюда», *айырылыр-айырылмаз* «разойдется, не разойдется» и т.д.:

Жашчыкъ, садакъчыгъын да алып, уугъа ары-бери бара да баишлады. «Мальчик, взяв лук, начал ходить там-сям на охоту»; Андан айырылыр-айырылмаз, дагъыда тубериклерине ашыкъгъандыла. «Не успев расстаться, они спешили встретиться вновь».

Так как в эпосе в антонимы объединяются слова на основе их значения, то одно и то же слово, при наличии у него разных значений, может иметь несколько антонимов. Например:

*1. Сингирлери, жсыя киби, созулгъанды,
Керек болса, ол ызына жыйылгъанды [117, 69].*

«Сухожилия его растягивались, словно тетива,
Когда нужно было, они снова собирались».

*2. Хар бир жиги, безги киби, ачылгъанды,
Суймесе уа, артына жыйылгъанды [117, 69].*

«Каждый сустав его (Дебета) раздвигался, как петля,
А когда он не хотел – собирался вновь».

Это объясняет то, что антонимы тесно связаны между собой, представляют собой особое лексическое единство и исключительно часто используются в речи нартских сказаний совместно.

Языковые антонимы встречаются во всех языковых стилях. Использование же контекстуальных антонимов больше характерно для языка художественной литературы, где они употребляются в выразительных целях.

Сюжет сказаний строится на столкновении и борьбе противоположностей. Поэтому антонимы составляют наибольшую его лексическую группу.

Нартский эпос богат антонимами, образованными от глаголов, например: *кетгенди* «ушел» – *келгенди* «пришел».

*Ёксюз жашичыкъ да, жилияп, анасына кетгенди,
Бир заманда, ачыуланып, аны анасы келгенди* [117, 260].

«И мальчик-сирота, заплакав, к матери пошел
И та, рассерженная, к нему (Ачемезу) пришла».

Таким образом, в языке карачаево-балкарского нартского эпоса антонимы выполняют важную стилистическую функцию, усиливая эмоциональность речи. Их употребление обусловливается самыми разнообразными причинами и тесно связано как с речевыми обстоятельствами, так и с намерениями сказителя. Однако, в любом случае, антонимы, расширяя смысл лексических средств в фольклорных текстах, позволяют разнообразить язык, делая его истинным, выразительным и красочным, и помогают сказителям изобразить всю полноту охвата явлений.

Разносторонней характеристике и описанию внешности персонажей карачаево-балкарского нартского эпоса, углублению и расширению существующих понятий об окружающей действительности способствуют синонимы.

Стилистика, выясняя условия точного и выразительного обозначения отдельных понятий в языке, в первую очередь рассматривает синонимы. Обычно синонимами называются слова с близким, но не тождественным значением. В карачаево-балкарском нартском эпосе синонимы очень распространены. Например: *тюбе* – *жолукъ* «встречать», *ариу* – *чырайлы* «красивый», *бала* – *сабий* «ребенок», *байлыкъ* – *ырысхы* «богатство», *эркин* – *азат* «свободный», *мал* – *хайыуан* «скотина», *заран* – *хата* «вред», *терк* – *эрлай* – *мычымай* «быстро», *улла* – *деу* – *деменгили* – *мазаллы* «большой» и т.д.

В эпических текстах встречаются синонимы, различающиеся стилистической окраской и имеющие различное частеречное происхождение:

1) глаголы: *тюбе* – *жолукъ* «встречать», *аша* (нейтральное) – *буштукъла* (грубо просторечное) – *жут* (разговорное) «есть» и т.д.:

Хар кюн сайын бир ирик ашарыкъма «Каждый день буду съедать одного барана» – Эмеген айыуну жутду «Великан проглотил медведя».

2) существительные: *бала – сабий «ребенок», заран – хата «вред», мал – хайыуан «скотина», къарын – быдыр «живот»* и т.д.:

Ол уста темирчи жаныуарланы, хансланы да тиллерин билгенди «Этот искусный кузнец знал язык животных и растений» – Малла къырыла эдиле, адамла суугъа тарала эдиле «Животные погибали, люди от жажды страдали»; Сабийлени быллай сёзлери Алауганнга ётеди «Эти слова детей заставили Алаугана задуматься» – Ол заманда эмеген къатын артына къаран: «Ай, адам улу! Билмей тургъанлай балам болуп къалдыг да», – деди «Тогда эмегенша, обернувшись, сказала: «Ай, человеческий сын! Неожиданно ты стал моим ребенком».

3) прилагательные: *уллу – деу – деменгили – мазаллы – тёбе санлы «большой», эриши – ушагъыусыз – къутсуз – жапысыз «некрасивый», ариу – чырайлы «красивый», эркин – азат «свободный»,* и т.д.:

Экинчи тюрлюсю – орталыкъ дуппурлача уллула, эриши, сылыкъ, жапысыз, ийисли эки аягъыны юсюнде адамлача жюрюгендиле «Второй вид – огромные, как небольшие холмы, некрасивые, противные, уродливые, вонючие... на двух ногах ходили как люди» – Чачы болмай, башы, доммакъча кызарып, уллулугъу тогъуз геммешни бирге кёошханча, ушагъыусыз болуп, бутларыны, кёлларыны чеги болмагъанча алай «На красной, как медь, голове не было волос, огромная как девять буйволов вместе, была некрасивая. Руки и ноги были необъятной толщины»;

4) местоимения: *нек – не «зачем», ненча – неллай бир – къаллай бир «сколько»* и т.д.:

– Да нек айып этеме, амалсыз жолоучу болгъанма «– Да зачем мне тебя стыдить, я тоже стал путником по нужде» – Не келгенсе, адам улу? «Зачем пришел, сын человека?».

5) наречия: *терк – эрлай – мычымай «быстро, мгновенно», алгъын – бурун «давно»* и т.д.:

Ол «ёлеме», – деп жыгъылыр, эрлай ичин жарып, женгил мени ал «Она, вскрикнув «умираю», – упадет, а ты быстро, вскрыв ей живот, вытащи меня оттуда» – Сатанай, мычымай алайгъа жетди «Сатанай мгновенно дошла туда».

Некоторые синонимы представляют собой (парные слова): *айлана-жорюй «ходить», бара-жорта «идти», сау-эсен «здоровый», сауут-саба «оружие», ишсиз-кючсюз «бездельничать»* и т.д.:

Дебет жер юсюнде нартланы темир керекле бла тамамлап, нартла иш тапмай тохтагъанларында, ол: «Мен ишсиз-кючсюз жер юсюнде туралмам», – деп къанатлы арба ишлеп, кёкге кетгенди, дейдиле

[117, 298]. «Говорят, когда Дебет снабдил нарттов на земле всем, что им было нужно из железа, и у нарттов не стало для него работы, он, сказав: «Я не смогу жить на земле без работы», – сделал крылатую арбу с крыльями и улетел на небо»; *Айлана-жюрюй барып, бир уллу черекни боюнунда бир къара дорбундан къап-къара бир тютюн кюнню бетин къаралтып, къаяланы юсюн туманча басып тургъанын кёргенди* [117, 157]. «Ехал он долго-долго и, когда доехал до большой реки, увидел, что из одной огромной пещеры валит черный-пречерный дым, окутывая солнце и горы, словно туман».

Существуют синонимические слова, фразеологические обороты, морфологические формы и категории и синтаксические конструкции. За каждым синонимом стоит смысловое и стилистическое своеобразие, то есть специфические смысловые оттенки, изучаемые стилистикой. В основе синонимии лежит общность значения речевых средств. В каждом синониме представлено и то общее, что позволяет его ставить в параллель с другими словами, и то частное, специфическое своеобразие, что отличает его от других. Тожественных по значению слов в языке не бывает.

В языке карачаево-балкарского нартского эпоса синонимия выполняет важную стилистическую функцию, употребление которых определяется самыми различными причинами и тесно связано, как с речевой ситуацией, так и с намерениями говорящего. Однако в любом случае, синонимы в эпосе позволяют разнообразить язык, делают его более точным, выразительным и красочным.

Существование синонима оправдывается его смысловой спецификой и стилистическим своеобразием [74, 84].

В народном эпосе синонимы часто используются при описании местности и героев эпоса. Взятые отдельно, они могут показаться однозначными. На самом же деле, как правило, синонимы, имея общее ядро значения, имеют разнообразные расхождения в значении.

По мнению некоторых исследователей, синонимическая связь слов предполагает не только общность их значения, но, что особенно существенно, вызывает также семантическую дифференциацию и специализацию этих слов-синонимов, различие в их стилистической тональности, связанной с различной относительной широтой их употребления, их разнообразной сочетаемостью и зависимостью от определенных речевых контекстов, что можно отнести и к нартскому эпосу [152, 15].

Как известно, иногда те или другие особенности синонимов, которые не всегда отчетливо заметны, определяют его значение. Умение разграничивать синонимы, использованные в устном народном

творчестве, выбирать из них наиболее уместный и точный представляет важный стилистический навык народа.

Прав Гвоздев А.Н., утверждая, что «Синонимами являются слова с одинаковым предметным значением, служащие для обозначения одних и тех же понятий и отличающиеся только дополнительными оттенками. Точнее сказать, когда два или несколько слов выступают как синонимы, они получают одинаковое предметное значение, то есть используются для обозначения одного отдельного предмета или явления, или качества, или действия (взятые в целом слова, со всеми разветвлениями их значений, могут иметь и разное предметное значение). Этим и обусловлено то, что один синоним может замещать другой [40, 45].

Синонимика в эпосе – сфера бесконечных возможностей речевого творчества. Функцию синонимов в языке нартского эпоса, как и в языке других художественных произведений, изучает стилистика. Большую группу составляют синонимы общеупотребительные, бытующие в языке и используемые авторами с помощью разнообразных приемов включения их в текст. Изучение роли синонимических средств общенародного языка и приемов их употребления – одна из задач стилистики.

Обозначая одно понятие, каждая группа синонимов представляет своеобразное единство в том отношении, что характеризует его с разных сторон. Говорящий и распоряжается всей группой синонимов для целей высказывания. При этом обнаруживается, насколько богатый запас синонимов имеется в распоряжении отдельных лиц.

Например, для обозначения слова *батыр* «*богатырь*» кажется, что может быть использован лишь эпитет *нарт*, тогда как для владеющего рядом синонимов не составит труда использовать или *деу* «*великий*», или *жигит* «*смелый*» и т.д. Все гнездо синонимов, выражающих одно основное понятие, объединяется у говорящих, в тесно связанную группу. Это единство – живая, действующая лексическая закономерность, как согласование – обязательное синтаксическое требование.

Но в сравнительно редких случаях сказитель использует сразу целую группу синонимов, взаимно дополняющих друг друга, стремясь полнее и разностороннее охарактеризовать данное понятие. Этим достигается цель уточнения, когда сказитель желает более выразительно передать мысль. Например:

*Ашыкъланы чыгъарып, бу къатынга атханды,
Жюрексинип, таралып, буз юсюне жатханды (Ачемез) [117, 259].*

«Вытащил альчики и бросил женщине (Ачемез),
И рыдая, страдая, лег на лед».

Ефимов А.И. справедливо отметил, что такое использование синонимов, помимо выражения усиления и экспрессивной яркости (всестороннего охвата явления), производит также впечатление известного затруднения найти одно вполне отвечающее намерениям автора слово [74, 19].

Богатство синонимов, используемых в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев, свидетельствует о том, насколько богат исследуемый язык. А анализ работы над синонимами дает хорошее представление о том, как проявляется словесное мастерство народа.

Следовательно, важнейшая стилистическая функция синонимов в эпосе усиливает эмоциональную выразительность речи, является средством наиболее точного выражения мысли.

В карачаево-балкарском нартском эпосе *прямая речь* в своем текстологическом месторасположении строго не определена и может встречаться в художественной структуре всего повествования. Некоторые сказания почти полностью построены на прямой речи (*Ачей улу Ачемез* «Ачемез сын Ачая», *Ёрюзмек бла Ногъайчыкъ* «Ёрюзмек и Ногайчик») [181, 24].

Прямая речь в народном эпосе представляет собой многообразие устойчивых традиционных формул. К ней чаще обращаются при описании встречи героев с другими фольклорными персонажами.

Устойчивые традиционные формулы, в большинстве случаев, встречаются в стихотворной части нартского эпоса, благодаря чему она эмоционально более насыщена и в художественном отношении намного богаче, чем прозаическая часть.

В карачаево-балкарском нартском эпосе прямая речь представляет собой средство эпической динамики, то есть повествовательным поводом к новым действиям, служащим дальнейшему развитию сюжета. Например: в сказании «*Ёрюзмек бла Къызыл Фук*» Ёрюзмек говорит мальчику, который позвал его:

- *Кел, аихы улан, чакъыргъан жерге барайыкъ, – деди,*
- *Атыма мин, бирге барабыз, – дегенди.*
- *Да мен къалай минейим? – деп сорду.*
- *Къолунгу тутдур, аягъынгы ёзенгиге сал, – деди.*
- *Мен кесим минерме. – деп, – чабып къуймучуна илинди* [117, 89].

- «– Поедем, добрый молодец, туда, куда нас пригласили,– сказал,
- Сядь на моего коня, поедем вместе, – сказал.
- А как мне туда взобраться? – спросил он
- Дай мне руку, вложи ногу в стремя, – сказал.
- Я сам сяду, – сказал, – побежал и схватил коня за хвост».

И после диалога:

Ала барып уллу сыйгъа кирдиле «Они пошли и оказались на застолье».

Диалоги встречаются в эпизодах, где описываются встречи героя с новым персонажем. Иногда в поэтической речи героев часты традиционные восклицания и приветствия нартов и эмегенов. Например:

– *Кюнюнг ахишы болсун, чийбыдыр!*

– «Добрый день, сырое брюхо!»

– *Сау кел, татлы къабын!* [117, 203].

– «Здравствуй, лакомый кусочек!»

Диалоги, по Хаджиевой Т.М., бывают в вопросно-ответной форме или же ответом-объяснением.

Например:

– *Кѣп болсун малын, толу болсун къошунг!* – дейди.

– *Кет, аман зыккыл, мен аланы кѣкден жыялмай турама. Тейри къазан агъачны алып бойнунга берирме,* – деди.

– *Нартланы бек телилери сен болурса, къошха барсала алай айты-учудула да, мен да андан айтама. Терс болган эсем, кечгинлик бер,* – деди. – *Ол тууарла, ичиндеги къаралдым не затды?* – деп сорду.

– *Ол Усхуртукланы къара бугъады,* – деп жууаплады.

– *Къатына барып, бир къарайыммы?* – дегенди Къарашауай.

Сюрючю:

– *Сен аны къатына къалай барлыкъса, аны къатына алыкъа адам баралмагъанды. Кюн къызгъанда, жай чилледе аны ауанасында жюз ийнек сериун этеди. Нартла къыш, жай тайларын жайлыкълугъа къыстайдыла, къыш ашатып, жарау этедиле* [117, 203].

«– Пусть много скотины будет, пусть полон будет твой кош! – сказал.

– Уходи, несчастный (оборванный, в лохмотьях), я не могу их с пастбища обратно загнать. Как возьму перекладину для казана и дам по шее, – сказал.

– Наверно ты самый глупый из нартов. Они так обращаются, когда приходят в кош, и я, поэтому так говорю. Если не прав, прошу простить меня, – сказал. – Что это за черное существо среди стада? – спросил.

– Это черный бык Усхуртуковых, – ответил.

– Сейчас подойду и посмотрю, – сказал Карашауай.

– Как ты это сделаешь, еще никто не смог к нему подойти. Летом, когда печет солнце, в его тени охлаждаются сто коров. Нарты весенних и зимних жеребят отправляют на летние пастбища, а потом начинают тренировать».

Стилистическая функция прямой речи в произведениях нартского эпоса выражается в том, что именно с ее помощью достигается эмоци-

ональная выразительность повествования, диалог является одним из композиционных приемов в сказании.

Так же в народном эпосе встречаются монологи: «...монологи-приказы, монологи-заклинания, монологи-наказы, присущ еще и магизм» [181, 42].

Гипербола является одним из наиболее употребительных поэтических приемов в художественно-изобразительной системе карачаево-балкарского нартского эпоса. Сказители, чтобы усилить впечатление, прибегали к гиперболическому представлению описываемых предметов и явлений. Прием гиперболизации является в эпическом повествовании постоянным. В эпосе карачаевцев и балкарцев ярко гиперболизируются герои сказаний, а так же окружающие их предметы, явления природы. Гиперболизация физической силы, которая находит свое проявление в поступках и действиях героев, в эпосе проявляется наиболее четко. Опираясь на эпические тексты, мы выявили следующие наиболее частные параметры, подвергающиеся гиперболизации:

1. Гиперболизуется быстрый рост героев. Например:

*Юч айында мынга бир бешик да жарамай кълды.
Жети айында бу ашыкъъланы къолуна алды.
Бузгъа чыкъса, ашыкъ-къашыкъ къоймайды,
Жетайлыкъ жаши жетижыллыкъча ойнайды* [117, 259].

«В три месяца (все) люльки стали ему малы,
В семь месяцев он (Ачемез) взял в руки альчики.
Когда он выходит на лед, выигрывает все альчики,
Семимесячный мальчик играет как семилетний».

2. Гиперболизуется огромная сила нартских героев, которой они обладают уже в детстве. Например:

Къарашауайгъа бир ай болгъанда, уугъа айланырча жаши болгъанды. Тереклени сындырып, садакъ ишлеп, хансладан садакъ бау этип, маралланы ёлтюрюп тебирегенди. Анга эки ай болгъанда, атасын, анасын да хорлагъанды [165]. «В месячном возрасте уже Карашауай начал ходить на охоту. Свалив деревья, он делал из них луки, а из трав тетиву и охотился на маралов. В два месяца он смог (в борьбе) одолеть своих отца и мать»;

3. Гиперболизуется и аппетит главных героев эпоса. Например:

*Сау ирикни Ногъайчыкъ ашагъанды,
Алашасы гебенни бошагъанды* [117, 101].

«Ногайчик целого валуха съел,
А его мерин съел целую копну сена».

4. Гиперболизуется военное снаряжение, оружие нартгов: *сырпын* «меч», обладающий волшебными свойствами:

Сырпыны ташны гыржынныча кесгенди «Его меч рассекал камни, как хлеб».

*Садакълары Минги таудан ётгенди (Дебетни)
Окълары къара тенгизге тюшгенди.
Нарт аскерни сауут кючю ёсгенди,
Къылычлары къаяланы кесгенди [117, 70].*

«Стрелы (Дебета) Минги тау пробивали,
(Его) стрелы до черного моря долетали.
Сила оружия нартского войска росла,
Мечи (Дебета) скалы рассекали».

5. Гиперболично и описание коня нартских героев.

*Гемуда юч аякълы, жез къулакълы,
Болат туюкълы болгъанды.
Бир кёзю кёкде не зат да кёргенди,
Экинчи кёзю кечеледе сууланы, тенгизлени тюбюнде
Баргъан тюкню кёргенди [117, 176].*

«Гемуда трехногим, медноухим,
Булатнокопытным был.
Один его глаз видел все, что в небесах происходит,
Другой даже ночью в реках, морях
Плывущую волосинку мог заметить».

6. Бег коня уподоблялся туману, ветру, дождю и т.д.

*Гемуда чапханда, ташла от чагъып,
Кёкде жулдзула болгъандыла.
Бир бурун тешигинден ургъан тылпыу - жай,
Экинчисинден ургъан къыш этгенди [117, 176].*

«Искры летящие (из-под копыт) Гемуды при его беге
(Улетев), в небе, в звезды превращались.
(Горячий) пар исходящий из его одной ноздри,
(зиму) в лето превращал,
А (холодный) пар из второй ноздри (лето) в зиму превращал».

7. Герои карачаево-балкарского нартского эпоса не только мужественны, решительны и находчивы, но они еще обладают необыкновенными качествами.

Например, гиперболизуется красота и ум Сатанай.

*Ариулугъу ташны, тауну жарыта,
Хар бир затны ол кесине къарата.
Сатанайны кѣргенде, тохтай элле суула да,
Кечеледе да жарый эдиле тюзле, таула да [117, 72].*

«Красота (ее) камни и горы озаряла,
Всех заставляла на себя глядеть.
Сатанай увидев, (даже) реки останавливались,
И даже ночью становились светлыми равнины и горы».

Сатанай обладает магической красотой: «она может менять свой облик, лечить раны».

8. В эпосе всех народов встречаются отрицательные герои, фантастические чудовища, хозяева стихии, которые воюют с людьми и пожирают их. В карачаево-балкарском нартском эпосе олицетворяет этот образ многоголовый одноглазый эмеген, который не несет в себе исторической конкретики и принадлежит к архаическому слою эпики. При создании образов отрицательных героев с помощью гиперболы показываются их величина и уродство:

Эмеген къатынны чачы болмай, башы, доммакъча, къызарып, уллудугъу тогъуз геммеини бирге къошханча болуп. Тырнакълары къушину бурунуча узун, жютюле. «Женщина-великан без волос, с покрасневшей как олово и огромной как девять буйволов головой. Ногти, словно клюв орла, острые».

Для изображения низменных качеств чудовищ, чаще всего используется гипербола гротеск.

Так, с помощью поэтического гротеска в балкаро-карачаевском нартском эпосе раскрываются все отрицательные черты врага, вызывается к нему отвращение и презрение. При описании эмегенов гипербола почти всегда статична. Гротескно изображаются прожорливость и сон эмегенов, их тяжеловесность, малоподвижность [182, 54].

9. Гиперболизуется незаурядность и исключительность нартских персонажей.

*Деу Ёрюзмек къычыргъанды, хахайлап:
– Эмегенлени тауусугъуз! – деп, тууайлап.
Нарт Ёрюзмек сырпынын булгъай эди,*

*Аууз жели булутланы чача эди.
Сырпыны да элияча чакъгъанды,
Эмегенни бир ургъанлай жсыкъгъанды
Сырпыны да къулач-къулач созулгъанды,
Керек болса, ол ызына жыйылгъанды [117, 343].*

«Деу Ёрюзмек громко закричал:
– Уничтожайте эмегенов!
Нарт Ёрюзмек мечом размахивает,
Своим дыханием тучи разгоняет.
Его меч, как молния, сверкает,
Разит эмегенов одним ударом.
Его меч в сражении удлиняется,
Когда нужно, обратно складывается».

Персонажи нартского эпоса делятся на две группы, каждая из которых наделяется положительными и отрицательными чертами. Этим обуславливается и тот факт, что гипербола в нем отмечена двухвекторностью, сопряжена с механизмом аксиологии, базирующейся на мелиоративном и пейоративном началах.

Кроме того гипербола в нартском эпосе может наслаиваться на другие тропы, образуя эпитеты, сравнения, метафоры, придающие образам героев черты грандиозности. В соответствии с этим, здесь можно выделить гиперболические эпитеты, гиперболические сравнения и гиперболические метафоры.

Как известно, стили карачаево-балкарского языка формировались задолго до становления его литературных норм, поэтому современный карачаево-балкарский язык переплетается корнями с народным языком, так как лексико-грамматические, стилистические нормы заложены именно в народном языке. Изучение этих аспектов нартского эпоса открывает новые возможности для раскрытия литературного образа, художественного мира произведения в целом.

Карачаево-балкарский нартский эпос сложился на основе гармоничного чередования прозы и стиха.

В процессе развития и становления карачаево-балкарского литературного языка некоторые системы разговорного стиля начали приобретать наддиалектные черты.

Традиционность фольклора весьма ярко отражается в устойчивости многих традиционных формул, которые приобретают эмоционально-экспрессивную неповторимость.

Фактологический материал эпоса позволяет выявить такие разновидности типических формул, как атрибутивные формулы, формулы компаратива, формулы, выраженные прямой речью, формулы-зачины, так называемые «эпические формулы». Все они характеризуются многообразием в структурном отношении, стилистических функций и широким спектром значений.

Основную роль в определении особенностей языка и стиля карачаево-балкарского нартского эпоса раскрывает анализ таких стилистических функций художественных средств эпоса, как повторы, синонимы, антонимы, гиперболы, метафоры, сравнения, эпитеты, прямая речь и т.д. Посредством данных языковых средств в эпосе «Нарты» удачно противопоставляются категории жизни и смерти, добра и зла.

Развитие устно-поэтического творчества своими корнями уходит вглубь веков, поэтому для фольклорных произведений всегда характерна наддиалектная, обработанная форма языка. Ведь по устаревшей лексике можно проследить историю формирования языка карачаево-балкарского нартского эпоса. Благодаря использованию подобных стилистических фигур еще ярче выделяются духовные ценности добра и справедливости: удачное использование которых во всей стилистической полноте яркости создает неповторимые эпические образы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Последнее десятилетие характеризуется тем, что филологи уделяют все больше внимания изучению фольклора, его образного языка и художественных средств. Возрастает интерес к фольклорному стилю и его лексическому словарю.

В монографии рассматривается карачаево-балкарский нартский эпос с точки зрения языка и стиля, так как этот пласт является наименее изученным «местом» фольклора в лингвистическом плане. Между тем он играет значительную роль в формировании литературного языка карачаевцев и балкарцев. Данный памятник является самобытным и оригинальным творением этих народов. В нартских сказаниях отразились их история, мировоззрение, а так же быт, нравы и традиции.

В тюркологии вопрос изучения языка и стиля фольклорных произведений уже ставился и успешно решался в трудах разных исследователей, однако в лингвистическом аспекте фольклор карачаевцев и балкарцев, его язык все еще не стал объектом специального исследования. Интерес ученого может базироваться на том, что нартский эпос имеет как отличительные, так и общие с другими прозаическими произведениями фольклора черты. Если с формальной повествовательной стороны тексты героического эпоса близки между собой, то благодаря своим диалогическим формулам сближается и с карачаево-балкарской разговорной речью. Немаловажный интерес представляют в лингвистическом плане и традиционные формулы фольклора. В эпосе, состоящем из отдельных текстов, язык рассматривается с точки зрения отражения в его богатой лексике элементов традиционной культуры карачаевцев и балкарцев.

В работе, в ее лингвистической части, дается описание малоизученных, либо вовсе неизученных ранее явлений и фактов, составляющих своеобразие эпического языка на уровне лексики, морфологии, синтаксиса и фразеологии.

Героический эпос, можно сказать, выделяется среди других жанров не только древностью, но и широтой функциональной нагрузки.

Нартские сказания сохранили до нашего времени общенности языка и языковых средств, наддиалектность и традиционность текстов, а также художественную форму их построения. В процессе развития тексты карачаево-балкарского нартского эпоса испытали влияние различных жанров фольклора: в эпические сказания вошло много пословиц и поговорок.

Сохранение в языке эпоса устно-поэтической фольклорной архаики объясняется, прежде всего, древностью его возникновения. Мотивы отдельных произведений распространены у многих народов Кавказа. Бытованию архаических, грамматических, синтаксических, фонетических, лексических элементов способствовала и традиционная стихотворная форма устно-поэтических произведений. В свою очередь письменная форма литературного языка всегда влияет на языковые особенности фольклорных сказаний.

Известно, что литературный язык в устной форме сложился и развивался в языке устного фольклорного жанра. Поэтические тексты певцами исполнялись без каких-либо изменений, но постепенно обрабатывались в лингвистическом аспекте, передаваясь из уст в уста, из поколения в поколение, между тем приобретая междиалектные особенности на всех уровнях языка. Эти изменения получили отражения: в фонетике – в том, что подавляющее большинство диалектных фонетических соответствий унифицировано, ряд фонетических явлений в текстах карачаево-балкарского песенного эпоса обусловлен междиалектными чередованиями, что отражает особенности специфики языка данного ареала; в грамматике – язык эпоса характеризуется, во-первых, сохранением архаических явлений в языке, унаследованных от прошлых веков. Во-вторых, морфология карачаево-балкарского эпоса испытала на себе воздействие разговорной речи в его основных диалектных разновидностях, вследствие чего вытеснены многие малопродуктивные морфологические варианты. В области грамматики обращают на себя особое внимание эпические грамматические формы числа.

Большое место в языке героического памятника, наряду с многочисленными пословицами, красочными сравнениями и эпитетами, занимает фразеология. Она в текстах передает героический дух персонажей, а также их подвиги, чем значительно обогащает арсенал выразительных средств языка эпоса. В синтаксисе главным приемом построения нартских сказаний является манера изложения событий и фактов, что представляют собой повторы оборотов и предложений. Данные изменения языка не дают возможность считать его литературным, так

как в процессе реализации и интенсивного развития словарного состава письменности, карачаево-балкарский язык постоянно реагирует на изменения, что связано с общественной жизнью народа.

Особое место в поэтическом языке карачаево-балкарских нартских сказаний занимают эпические формулы, которые различаются по своей форме и содержанию. Эти традиционные формулы включают в себя постоянные эпитеты и сравнения. Благодаря им дается яркое описание героя и его характера, а так же привлекает частое употребление конструкций, представляющих собой формулы-обращения к герою.

У литературного языка можно выделить две основные формы функционирования – письменную и устную. Так как произведения устного народного творчества дошли до нас в устной форме, то есть в сказаниях, основными способами их выражения являются устные пересказы, так же отшлифованный и в определенной степени нормированный их язык имеет лишь устную форму, зафиксированную только за поэтическими жанрами фольклора. Последние в свою очередь имеют свои ограничения, накладываемые на них лексической системой, но в устной поэзии так же проявляются значительные особенности строения его языка.

Фольклорный язык нельзя обособлять с разговорным. В языке устно-поэтического фольклора нет четкой стилевой дифференциации. Литературные произведения не могут охватить и отобразить все богатство, все многообразие лексического состава фольклорных текстов. Все это свидетельствует о невозможности отождествления языка фольклорных произведений, изданных на литературном языке, поэтому язык устно-поэтического творчества никак не может быть устной формой литературного языка.

Героический эпос в процессе своего многовекового функционирования постоянно обогащался, что стал неоценимым древнейшим источником в формировании и дальнейшем развитии национальной карачаево-балкарской художественной литературы. Все произведения карачаевских или балкарских писателей и поэтов, к какой бы исторической эпохе литературы они не принадлежали, включают образы, мелодии, обычаи, национальный колорит народного эпоса. Известно, что язык развивается вместе с обществом, поэтому по словарному составу можно определить эволюцию языка во времени.

Таким образом, карачаево-балкарская художественная литература, которая возникла на крепком фундаменте устного народного творчества, продолжая и развивая его лучшие традиции, используя образы, тематику, приемы изображения, а в отдельных моментах и сюжеты, несет в себе богатейшие языковые средства, в определенной степени подготовленные

для применения в новых условиях, в рамках современной новой формы и содержания письменной национальной литературы. Нартский эпос явился связующим звеном, способствовавшим формированию общенациональной поэтической и языковой традиции карачаевцев и балкарцев, что легло в основу общенародного карачаево-балкарского языка.

Данная монография не ставит перед собой задачу исчерпывающего анализа языка героического эпоса «Нарты». Она лишь показывает, что карачаево-балкарской лингвофольклористике предстоит еще немало поработать по исследованию различных аспектов эпоса «Нарты».

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абаев В.И.* Общие элементы в языке осетин, балкарцев и карачаевцев (из материалов балкаро-карачаевской экспедиции АН СССР, 1930–1931) // Языки мышления. Л.: Наука, 1933. Т. 1. С. 71–89.
2. *Абдиназимов Ш.Н.* Лексический состав эпоса «Кырк кыз» («Сорок девушек»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нукус, 1992. 25 с.
3. *Абдуллаева А.З.* Фразеология кумыкского языка в сравнительном освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Махачкала, 2002. 54 с.
4. *Алейников М.* Карачаевские сказания. СМОМПК. 1883. Вып. 3. Отд. 2.
5. *Алиева А.И.* История записи и публикаций фольклора балкарцев и карачаевцев в XIX – начале XX века // Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях. Нальчик: Эльбрус, 1983.
6. *Алиева Т.К.* Вариантность слова и литературная норма (на материале карачаево-балкарского языка): автореф. дис... д-ра филол. наук. Нальчик, 2006. 40 с.
7. *Алиева Т.К.* Вариантность слова и литературная норма (на материале карачаево-балкарского языка). Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2006. 287 с.
8. Антология народной музыки балкарцев и карачаевцев. Т. I. Мифологические и обрядовые песни и наигрыши. Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых. 2015. 432 с.
9. *Асамутдинова М.* Названия одежды и ее частей в узбекском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969. 28 с.
10. *Астахова А.М.* Былины. Итоги и проблемы изучения. М.-Л.: Наука, 1966. 292 с.
11. *Ахматова М.А.* Однокоренные синонимы в карачаево-балкарском языке: автореф. дис... канд. филол. наук. Махачкала, 1997. 19 с.
12. *Ахматов И.Х.* Проблемы семантического анализа простого предложения: (на материале карачаево-балкарского языка). Нальчик: Кабардино-Балкарский гос. ун-т, 1979. 99 с.
13. *Ахматов И.Х.* Лексика карачаево-балкарского языка в сравнительном освещении. Нальчик, 1988. 28 с.
14. *Барлас Л.Г.* Русский язык: Стилистика. М.: Просвещение, 1978. 255 с.

15. *Башиева С.К.* Некоторые проблемы фразеологической стилистики карачаево-балкарского языка // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИИФЭ, 1987. С. 113–125.

16. *Башиева С.К.* Вариантность в карачаево-балкарском языкознании // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИИФЭ, 1993. С. 50–58.

17. *Богатырев П.Г.* Некоторые очередные вопросы сравнительного изучения эпоса славян // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 326–334.

18. *Богатырев П.Г.* Язык фольклора // Вопросы языкознания. 1973. №5. С. 106–116.

19. *Богатырев П.Г.* Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971. 544 с.

20. *Булякович С.Ф.* Особенности языка и стиля эпоса «Урал-батыр»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 23 с.

21. *Будагова З.И.* Об изучении языка азербайджанского фольклора // Советская тюркология. 1986. № 6. С. 40–49.

22. *Веселовский А.Н.* Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 404 с.

23. *Велиев К.Н.* Эпический текст как предмет лингвистической поэтики // Советская тюркология. 1990. № 5. С. 17–29.

24. *Велиев К.Н.* Традиционные формулы в тюркоязычном эпосе (опыт лингвопоэтического анализа) // Советская тюркология. 1987. №3. С. 88–94.

25. *Вербицкая Л.А.* Давайте говорить правильно. М.: Высшая школа, 1993. 144 с.

26. *Виноградов В.В.* Проблемы русской стилистики. М.: Высшая школа, 1981. 320 с.

27. *Виноградов В.В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 255 с.

28. *Виноградов В.В.* Язык художественного произведения // Вопросы языкознания. 1954. № 5. С. 8–26.

29. *Виноградов В.В.* Героический эпос народа и его роль в истории культуры // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во академии наук СССР, 1958. С. 5–12.

30. *Виноградов В.В.* О языке художественной литературы. М.: Соцлитиздат, 1959. 654 с.

31. *Винокур Т.Г.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 223 с.

32. *Винокур Т.Г.* Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка: Сб. ст. / ред. Т.Г. Винокур и Д.Н. Шмелев. М.: Наука, 1968. С. 18–26.

33. *Винокур Г.О.* Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 27 с.
34. *Винокур Г.О.* О языке художественной литературы / сост. Винокур Т.Г. М.: Высшая школа, 1991. 448 с.
35. *Винокур Т.Г.* Функциональная характеристика стилистических свойств высказывания в современном русском языке // Социальная и функциональная дифференциация литературных языков. М.: Наука, 1977. С. 299–324.
36. *Винокур Т.Г.* К вопросу о норме в художественной речи // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 267–282.
37. Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка: Сб. ст. / отв. ред. М.З. Улаков. Нальчик: КБИИФЭ, 1993. 169 с.
38. Вопросы лексики, грамматики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 196 с.
39. *Геляева А.И., Улаков М.З.* Современные принципы и методы лингвистических исследований и дальнейшее развитие национальных языков. Нальчик: Изд-во КБНЦ РАН, 2003. 30 с.
40. *Гвоздев А.Н.* Очерки по стилистике русского языка. М.: Просвещение, 1965. 408 с.
41. *Голуб И.Б.* Стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1976. 208 с.
42. *Голуб И.Б.* Стилистика современного русского языка. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1986. 335 с.
43. *Голуб И.Б.* Грамматическая стилистика современного русского языка. М.: Высшая школа, 1989. 208 с.
44. *Голуб И.Б.* Стилистика русского языка. М.: Рольф, 2007. 448 с.
45. *Горбачевич К.С.* Вариантность слова и языковая норма: На материале современного русского языка. Л.: Наука, 1978. 238 с.
46. *Горбачевич К.С.* Изменение норм литературного языка. Л.: Просвещение, 1971. 270 с.
47. Грамматика карачаево-балкарского языка. Фонетика, морфология, синтаксис. Нальчик: Эльбрус, 1976. 571 с.
48. Грамматика киргизского языка. Часть I. Фонетика и морфология. Фрунзе: Илим, 1987. 402 с.
49. *Гузев Ж.М.* Семантическая разработка слова в толковых словарях тюркских языков. Нальчик: Эльбрус, 1985. 194 с.
50. *Гузев Ж.М.* Тюркская фразеология и ее лексикографическая разработка // Советская тюркология. 1984. № 6. С. 46–52.
51. *Гузев Ж.М.* Вариантность слова и толковые словари тюркских языков // Вопросы лексики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИИФЭ, 1984. С. 5–27.

52. *Гузеев Ж.М.* Диалектизмы в толковых словарях тюркских языков // Актуальные вопросы карачаево-балкарской грамматики и лексики. Нальчик: КБИНФЭ, 1982. С. 113–124.

53. *Гузеев Ж.М.* Функционально-стилистическая отнесенность и эмоционально-экспрессивная значимость слова // Вопросы лексики и семантики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИНФЭ, 1993. С. 66–74.

54. *Гузеланы Ж.М.* Бусагъатдагъы къарачай-малкъар литература тил. 1-чи кесеги. Нальчик: Эльбрус, 1998. 304 б.

55. *Гузеланы Ж.М.* Къарачай-малкъар тилни тинтиуюню тарыхы эм проблемалары. Нальчик: Эльбрус, 2002. 140 б.

56. *Гузеланы Ж.М., Хуболланы С.М.* Къарачай-малкъар диалектология: Методика кӀргюзтмеле бла сынау ишле. Нальчик: КъМКЪУ, 1993. 42 б.

57. *Гузеланы Ж.М.* Бусагъатдагъы къарачай-малкъар литература тил, 2-чи кесеги. Морфемика, морфология, сӀз къурау. Къарачай шахар: КЧГУ, 2006. 263 б.

58. *Гулиева Ф.Х.* Сравнительное изучение образа нарта Сосурука (Сосруко) // Эпос единения и дружбы. Материалы международной конференции «Сказания о нартах – эпос единения и дружбы». Нальчик, 2013. С. 66–70.

59. *Гулиева-Занукоева Ф.Х.* К вопросу изучения образов, мотивов, сюжетов нартского эпоса (На материале карачаево-балкарского цикла о Сосуруке) // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. Вып. II. Владикавказ, 2013. С. 33–37.

60. *Гутов А.М.* Художественно-стилевые традиции адыгского эпоса. Нальчик: Издательский центр «Эль-фа», 2000. 219 с.

61. *Гутов А.М.* Адыгский эпос и его эволюция // Нарты. Адыгский эпос. Нальчик, 2012. С. 8–59.

62. *Гухман М.М.* Взаимодействие диалектных ареалов и развитие наддиалектных форм в донациональный период (на материале германских языков) // Энгельс и языкознание. М.: Наука, 1972. С. 46–47.

63. *Гухман М.М.* К типологии германских литературных языков донационального периода // Типология германских литературных языков. М., 1976. 296 с.

64. *Далгат У.Б.* Литература и фольклор (теорет. аспекты). М.: Наука, 1981. 301 с.

65. *Джуртубаев М.Ч.* Древние верования балкарцев и карачаевцев. Нальчик: Эльбрус, 1991. 255 с.

66. *Джуртубаев М.Ч.* Карачаево-балкарский героический эпос. М.: Поматур, 2004. 288 с.

67. *Дзодзикова З.Б.* Осетинская разговорная речь. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2002. 155 с.

68. *Дзодзикова З.Б.* Структурно-функциональные характеристики осетинской разговорной речи: автореф. дис. ...д-ра филол. наук. Владикавказ, 2003. 31 с.

69. *Демирчазаде Э.* История изучения азербайджанского языка // Советская тюркология, 1979. С. 49–54.

70. *Десницкая А.В.* Наддиалектные формы устной речи и их роль в истории языкознания. Л.: Наука, 1970. 99 с.

71. *Дмитриев Н.К.* Грамматика башкирского языка. Уфа, 1950.

72. *Дьячков-Тарасов А.Н.* Заметки о Карачае и карачаевцах. СМОМПК. 1898. Вып. 25. Отд. 2.

73. *Ефимов А.И.* Стилистика русского языка [Предисл. акад. В. Виноградова]. М.: Просвещение, 1969. 262 с.

74. *Ефимов А.И.* О языке художественных произведений. М.: Гос. учебно-пед. изд-во министр-ва просвещ. РСФСР, 1984. 288 с.

75. *Жарашуева З.К.* Материалы по карачаево-балкарской фразеологии. Нальчик: Эльбрус, 1968. 94 с.

76. *Жирмунский В.М.* Средневековые литературы как предмет сравнительного литературоведения // Сравнительное литературоведение. Л.: Наука, 1979. С. 158–174.

77. *Жубанов Е.Х.* О природе казахского наддиалекта и проблемах истории литературного языка // Советская тюркология. 1974. № 3. С. 63–67.

78. *Зайнуллин М.В.* Система лексических и лексико-грамматических средств выражения модальности в современном башкирском языке. Уфа, 1981. 84 с.

79. *Золотова Г.А.* О характере нормы в синтаксисе // Синтаксис и норма. М.: Наука, 1974. С. 145–176.

80. *Иностранцев К.А.* Хунну и гунны. Ленинград, 1926. 156 с.

81. *Истрина Е.С.* Вопросы учения о предложении по материалам А.А. Шахматова. Сб. «Акад. А.А. Шахматов». М.: Наука, 1947. 327 с.

82. *Калинин А.В.* Лексика русского языка. 3-е изд. М.: Изд-во МГУ, 1978. 232 с.

83. *Караяева А.И.* О фольклорном наследии карачаево-балкарского народа. Черкесск, 1961. 79 с.

84. *Караяева А.И.* Очерк истории карачаевской литературы. М.: Наука, 1966. 320 с.

85. Карачаево-балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях / сост. Т.М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 431 с.

86. *Карданов Б.М.* Семантико-стилистические функции устойчивых выражений в прозе А. Кешокова. Нальчик: Эльбрус, 1982. 95 с.

87. Книга моего деда Коркута. Огузский героический эпос / Пер. акад. В.В. Бартольда. Изд. подгот. В.М. Жирмунский, А.Н. Кононов. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. 299 с.

88. *Кожина М.Н.* Стилистика русского языка. М.: Просвещение, 1977. 223 с.
89. *Кожина М.Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь: Перм. кн. изд., 1966. 213 с.
90. *Короглы Х.* Огузский героический эпос. М.: Наука, 1976. 238 с.
91. *Короглы Х.* Вопросы тюркской фольклористики // Советская тюркология, 1987. № 5. С. 32–38.
92. *Кравцов Н.И.* Историческая поэтика фольклора // Фольклор: Поэтическая система. М.: Наука, 1977. С. 6–13.
93. *Кравцов Н.И.* Проблемы фольклора // Проблемы теории фольклора. М., 1975. С. 6–7.
94. *Крысин Л.П.* Речевое общение в условиях языковой неоднородности. М.: Наука, 2000. 221 с.
95. *Куликова В.П.* Изучение стилистических функций лексических и грамматических средств при анализе языка художественного произведения // Вопросы теории и методики изучения лингвистических дисциплин в вузе. Калинин, 1985. С. 145–153.
96. *Кумахов М.А.* К проблеме языка эпической поэзии // Вопросы языкознания, 1979. № 2. С. 48–60.
97. *Кумахова З.Ю., Кумахов М.А.* Отражение процессов языкового взаимодействия в развитии стилистической системы языка // Развитие стилистических систем литературных языков народов СССР. Ашхабад, 1968. С. 212–227.
98. *Кумахов М.А., Кумахова З.Ю.* Язык адыгского фольклора. Нартский эпос. М.: Наука, 1985. 222 с.
99. *Курбатов Х.Р.* Татарская лингвистическая стилистика и поэтика. М.: Изд-во «Наука», 1978. 218 с.
100. *Кучмезова Л.Б.* Формирование и развитие наддиалектных типов карачаево-балкарского языка // Под редакцией Улакова М.З. Нальчик, 2014. 135 с.
101. *Кучукова З.А.* Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик, 2005. 312 с.
102. Къарачай-малкъар тилни морфологиясы. Нальчик. Изд-во «Полиграфсервис и Т», 2005. 202 б.
103. *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание: Изобр. Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. М.: Наука, 1971. С.
104. *Лопатинский Л.Г.* Предисловие к публикации А.Н. Дьячкова-Тарасова «Заметки о Карачае и карачаевцах». СМОМПК. 1898. Вып. 25.
105. *Маевский Н.Н.* Стилистическое использование однородных членов предложения в «Острове Сахалине» // Язык прозы А.П. Чехова. Ростов: Изд-во Ростов ун-та, 1981. С. 69–78.

106. *Малкондуев Х.Х.* Изучение карачаево-балкарской Нартиады в начале XXI в. // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2009. № 5. С. 228–235.
107. *Малкондуев Х.Х.* Фольклор и фольклористика // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 2010. С. 8–36.
108. *Малкондуев Х.Х.* Жанровая классификация карачаево-балкарской народной лирики // Филологические труды. Нальчик: Эльбрус, 1977. Вып. 1. С. 65–78.
109. *Малкондуев Х.Х.* К вопросу об аллитерации в карачаево-балкарской народной лирике // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 78–86.
110. *Малкондуев Х.Х.* Параллелизм и метафора в балкаро-карачаевской народной обрядовой лирике // Вопросы кавказской филологии и истории. Нальчик: Эльбрус, 1981. Вып. 3. С. 22–44.
111. *Махиева Л.Х.* Лингвистическая терминология карачаево-балкарского языка. Нальчик, 2007. 147 с.
112. *Мелиоранский П.М.* «Об Орхонских и Енисейских надгробных памятниках с надписями», 1898.
113. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. I–III. М., 1881–1887.
114. *Мокиенко В.М.* Образцы русской речи: Историко-этимологические и этнолингвистические очерки фразеологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. 277 с.
115. *Мусаев К.М.* Лексика тюркских языков в сравнительном освещении (западнокыпчакская группа). М.: Наука, 1975. 358 с.
116. Нарты / сост. М. Журтубаев, Х. Малкондуев. Нальчик, 1995. 464 с.
117. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Наука, 1994. 656 с.
118. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М.: Наука, 1970. 60 с.
119. *Оссовецкий И.А.* Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 172–190.
120. *Остряков П.* Народная литература кабардинцев и ее образцы. ВЕ. 1879. Т. 4. Кн. 8–9.
121. *Отаров И.М.* Лексикология карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1996. 217 с.
122. *Отарланы И.М.* Къарачай-малкъар нарт таурухла // Заман, 2000. 29 сент.
123. Очерки истории башкирского литературного языка. М.: Наука, 1989. 255 с.
124. Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. С. 8–36.
125. *Петенева З.М.* Язык и стиль русских былин. Львов: Высш. шк., Изд-во при Львов. ун-те, 1985. 209 с.

126. *Петенева З.М.* К вопросу о месте языка фольклора в системе общенародного языка. М.: Наука, 1986.

127. *Петенева П.Г.* К вопросу о месте языка фольклора в системе общенародного языка // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН ССР, 1958.

128. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.

129. *Пропп В.Я.* Язык былин. УЗ ЛГУ. 1954. № 133. Вып. 3.

130. *Потанин Г.Н.* Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М., 1899.

131. *Потанин Г.Н.* Греческий эпос и ордынский фольклор. ЭО. М., 1894. № 21.

132. *Потанин Г.Н.* Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. «Живая старина» за 1916 г. Пг., 1918.

133. *Потебня А.А.* Мысль и язык. М.: Издательство «Правда», 1992. 236 с.

134. *Путилов Б.Н.* Героический эпос и действительность. Л.: Наука, 1988. 223 с.

135. *Путилов Б.Н.* Основные аспекты связей фольклора с традиционной-бытовой культурой // Советская этнография. 1975. № 2. С. 12–36.

136. *Пюрбеев Г.Ц.* Эпос «Джангар» культура и язык. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1993. 128 с.

137. *Пюрвеева Н.Б.* Поэтика героического эпоса «Джангар»: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Нальчик, 2003. 50 с.

138. *Радлов В.В.* Образцы народной литературы северных тюркских племен. Предисловие к V т. // «Манас» – героический эпос киргизского народа / Сб. ст. Ред. и автор предисловия С. Мусаев. Фрунзе: Илим, 1968. 232 с.

139. *Рахаев А.И.* Песенная эпика Балкарии. Нальчик: Изд-во «Эльбрус», 1988. 166 с.

140. *Реформатский А.А.* Введение в языкознание. М.: Наука, 1960. 431 с.

141. Русская разговорная речь: Фонетика, морфология, лексика, текст / отв. ред. Е.А. Земская. М.: Наука, 1983. 238 с.

142. *Рыбаков С.Г.* О поэтическом творчестве Уральских мусульман: (татар, башкир, тептярей). СПб., 1895. С. 42.

143. *Сафиуллина Ф.С.* Синтаксис татарской разговорной речи. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1978. 251 с.

144. *Самситова Л.Х.* Безэквивалентная лексика башкирского языка: автореф. дисс... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 20 с.

145. *Санъяров Ф.Б.* Язык и стиль эпоса Урал-Батыр: автореф. дисс... канд. филол. наук. Уфа, 1999. 23 с.

146. *Сидорова Т.Л.* Функционирование народно-разговорной лексики в типах речи персонажей: автореф. дисс... канд. филол. наук / Ун-т дружбы народов им. П. Лумумбы. М., 1985. 17 с.

147. Синтаксис и норма: Сб. ст. / отв. ред. д-р филол. наук Г.А. Золотова. М.: Наука, 1974. 283 с.

148. *Скворцов Л.И.* Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. М.: Наука, 1977. С. 29–57.

149. *Смирницкий А.И.* Морфология английского языка. М.: Изд-во литературы на иностранном языке, 1959. 234 с.

150. Современный русский язык: в 2-х ч. / под ред. Д.Э. Розенталя. Ч. I. М.: Высшая школа, 1979. 319 с.

151. Современный татарский литературный язык (синтаксис) М.: Изд-во Наука, 1971. 309 с.

152. *Сорокин Ю.С.* Развитие словообразовательного состава русского литературного языка 30–90 гг. XIX века. М.-Л.: Наука, 1965. 565 с.

153. Стилистика русского языка: [Учебное пособие для пед. ин-тов / В.Д. Бондалетов, С.С. Вартапетова, Э.Н. Куммена, Н.А. Леонова] / под ред. Н.М. Шанского. Л.: Просвещение, 1982. 262 с.

154. *Сыдыков А.* Традиционные формулы в творчестве киргизских народных сказителей // Советская тюркология. 1974. № 4. С. 66–71.

155. *Тенишев Э.Р.* Отражение диалектов в тюркских рунических и уйгурских памятниках // Советская тюркология. 1976. № 1. С. 27–33.

156. Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981. 309 с.

157. *Томашевский Б.В.* Писатель и книга. Очерки текстологии. Изд. 2-е. М.: Искусство, 1959. 279 с.

158. *Толгуров З.Х.* Движение балкарской поэзии. Нальчик, 1984.

159. *Тхаркахо Ю.А.* Становление стилей и норм адыгейского литературного языка. Майкоп: Адыгейское отделение Краснодарского книжного издательства, 1982. 191 с.

160. *Томашевский Б.В.* Язык и стиль. Стих и язык. М.-Л.: Наука, 1959. 326 с.

161. *Тульчинский Н.П.* Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар нальчикского округа Терской области. ТС на 1904. Владикавказ, 1903. Вып. 6.

162. *Туманский А.Г.* Араб. яз. и кавказоведение. Тифлис, 1911.

163. *Улаков З.М.* Малкъар халкъ жомакъла. Нальчик: Эльбрус, 1989. 112 с.

164. *Улаков З.М.* Бурунгулу таурухла бла хапарола. Нальчик, 1980. 105 с.

165. *Улаков М.З.* К истории становления и формирования стилей карачаево-балкарского языка // Проблемы исторической лексики карачаево-балкарского и ногайского языков. Сборник научных трудов. Черкесск, 1993. С. 126–137.

166. *Улаков М.З., Кучмезова Л.Б.* Преемственность наддиалектных форм в современном карачаево-балкарском языке // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2009. № 2. С. 176–182.

167. Улаков М.З. Карачаево-балкарская терминология // Формирование терминологии на титульных языках республик Российской Федерации и СНГ. М., 2000. С. 97–107.
168. Улаков М.З. Проблемы карачаево-балкарской стилистики // Советская тюркология. 1986. № 3. С. 56–60.
169. Улаков М.З. Проблемы лексической стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: Эльбрус, 1994. 116 с.
170. Улаков М.З. Проблемы стилистики карачаево-балкарского языка: автореф. дис. ... док. филол. наук. Нальчик, 1995. 63 с.
171. Улаков М.З. Стилистическая дифференциация лексики карачаево-балкарского языка (функциональный аспект) // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИНФЭ, 1987. С. 100–113.
172. Улаков М.З. Эмоционально-экспрессивная окраска лексики карачаево-балкарского языка // Проблемы семантики и стилистики карачаево-балкарского языка. Нальчик: КБИНФЭ, 1987. С. 160–175.
173. Улаков М.З. Стилистические функции синонимов и структура синонимического ряда // Вопросы лексикологии и грамматики карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1993. С. 24–32.
174. Унгвицкая М.А. Проблема фольклоризма и литературы тюркских народов Сибири // Современная тюркология, 1976. № 1. С. 102–112.
175. Уразбаева З.Г. Вариантность слова в современном башкирском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1980. 25 с.
176. Урусбиев С-А. Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области. СМОМПК. 1881. Вып. 1. Отд. 2.
177. Урусбиева Ф.А. Карачаево-балкарская сказка. Вопросы жанровой типологии. Владикавказ, 2010. 125 с.
178. Фольклор народов РСФСР: Межвуз. науч. сб. / Башк. гос. ун-т им. 40-летия октября. Уфа, 1982. Вып. 9. 156 с.
179. Фразеологический словарь русского литературного языка / Сост. А.И. Федоров. Новосибирск: Наука, 1995. Т. 1. А-М, 391 с. Т. 2. Н-Я, 396 с.
180. Хаджиева Т.М. Поэтика балкаро-карачаевского нартского эпоса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980. 18 с.
181. Хаджиева Т.М. Некоторые повествовательные особенности карачаево-балкарского нартского эпоса // Художественный язык фольклора кабардинцев и балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 22–44.
182. Хаджиева Т.М. Нартский эпос балкарцев и карачаевцев / Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1994. С. 8–66.
183. Холанский М. Великорусские былины Киевского цикла. Варшава, 1885.
184. Халиков М.М. Основы стилистики современного аварского языка: автореф. дис. ... док. филол. наук. Махачкала, 1998. 48 с.

185. *Хапаева С.М.* Языковая система карачаевской поэзии 30–40-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Нальчик, 1999. 21 с.
186. *Хисамиева З.А.* Язык дастанов Кадыр-Гали Бека: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 1980. 20 с.
187. *Холаев А.З.* Карачаево-балкарский нартский эпос. Исследование карачаево-балкарских нартских сказаний. Нальчик: Эль-Фа, 1974. 143 с.
188. *Холаев А.З.* К вопросу о балкарско-карачаевском нартском эпосе // Сказания о нартах – эпос народов Кавказа. М.: Наука, 1969. С. 282–294.
189. *Холаев А.З.* Устное народное творчество // Очерки истории балкарской литературы. Нальчик: Эльбрус, 1981. С. 13–31.
190. *Холаев А.З., Урусбиева Ф.А.* Фольклор // Малкъар литератураны историясыны очеркleri. Нальчик: Эльбрус, 1984. С. 17–68.
191. *Хуболов С.М.* Семантические разряды компоративных фразеологизмов в карачаево-балкарском языке // Известия КБНЦ РАН. Нальчик, 2009. № 2. С. 290–295.
192. *Худяков И.Н.* Об эмоционально-оценочной лексике // ФН, 1980.
193. *Чеченов А.А.* Проблемы формирования и развития языка карачаевцев и балкарцев. М.: ИЯ РАН, 1996. 174 с.
194. *Чичеров В.И.* Вопросы теории и истории народного творчества. М.: Сов. писатель, 1959. 310 с.
195. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. М., 1985. 160 с.
196. *Шкрабо И.Г.* Вариантность слов в современном литературном языке: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Минск, 1977.
197. *Щерба Л.В.* Языковая система и речевая деятельность. М.: Наука, 1974. С. 319–338.
198. *Щерба Л.В.* Избранные работы по языкознанию и фонетике / отв. ред. М.И. Матусевич. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1958. Т. 1. 181 с.
199. *Этезова Л.С.* Некоторые стилистические особенности карачаево-балкарского нартского эпоса // Культурная жизнь юга России. Краснодар, 2007. № 3. С. 61–62.
200. Языки и фольклор народов сибирского Севера [сборник статей. Отв. ред. чл.-кор. АН СССР В.А. Аврорин]. М.-Л.: «Наука» [Ленинградское отделение], 1966.
201. Язык и стиль произведений фольклора и литературы: Межвузовский сборник научных трудов / Воронежский государственный университет им. Ленинградского комсомола. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1986. 121[2] с.

Словари-источники

202. *Батчаев А.-М.Х.* Словарь арабо-персидских заимствований в карачаево-балкарском языке. Черкесск, 2010. 156 с.
203. *Башишланы С.Къ., Жарашыуланы З.Къ.* Къарачай-Малкъар тилни школ фразеология сёзлюгю. Нальчик: Эльбрус, 1994. 317 б.
204. Древнетюркский словарь. Л.: Наука, 1979. 676 с.
205. *Жарашыуланы З.Къ.* Къарачай-малкъар тилни фразеология сёзлюгю. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 476 с.
206. Карачаево-балкаро-русский словарь / под ред. Э.Р. Тенишева и Х.И. Суюнчева. М.: Русский язык, 1989. 832 с.
207. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. I А-Ж. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1019 б.
208. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. II З-Р. Нальчик: Эль-Фа, 2002. 1071 б.
209. Къарачай-малкъар тилни ангылатма сёзлюгю. Ючтомлукъ. III С-Я. Нальчик: Эль-Фа, 2005. 1019 б.
210. Современный толковый словарь русского языка. Спб.: Норинт, 2004. 959 с.
211. *Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.* Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1976. 543 с.
212. *Улаков М.З., Махиева Л.Х.* Карачаево-балкарский словарь лингвистических терминов. Нальчик, 2008. 104 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
ГЛАВА I. СВОЕОБРАЗИЕ ЛЕКСИКИ И ФРАЗЕОЛОГИИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «НАРТЫ»	13
1.1. <i>Лексические особенности</i>	20
1.2. <i>Фразеологические особенности</i>	41
ГЛАВА II. ОСОБЕННОСТИ ГРАММАТИКИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «НАРТЫ»	51
2.1. <i>Морфологические особенности</i>	52
2.2. <i>Синтаксические особенности</i>	63
ГЛАВА III. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА «НАРТЫ»	78
3.1. <i>Традиционные формулы</i>	82
3.2. <i>Повторы</i>	90
3.3. <i>Функции изобразительно-выразительных средств в струк- туре языка карачаево-балкарского героического эпоса «Нарты»</i>	96
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	124
ЛИТЕРАТУРА	128

Научное издание

Лейла Созакбайовна Гергокова (Этезова)

**ЯЗЫК
КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО
ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА
«НАРТЫ»**

Макет и техническое редактирование *З.З. Сокуровой*
Корректор *З.В. Черкесова*

Подписано в печать 26.10.2015 г.
Формат 60 x 84 ¹/₁₆. Гарнитура Times New Roman
Усл. печ. л. 8,1. Тираж 500 экз. (1-й завод 100). Заказ № 139

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований»
360000, г. Нальчик, ул. Пушкина, 18
Тел.: 8 (8662) 42-46-97, 42-50-94
E-mail: kbigi@mail.ru

The federal state budgetary science establishment
The kabardian-balkarian institute of humanitarian research
360000, KBR, Nalchik, 18 Pushkin's street
e-mail: kbigi@mail.ru